

Российское общество интеллектуальной истории
Институт всеобщей истории РАН

Russian Society of Intellectual History
Russian Academy of Sciences
Institute of World History

MARE NOSTRUM

Выпуск 3

Море нарративов

Москва

2024

УДК 930.9
ББК ТЗ(0)3
М 26

Редакционная коллегия и редакционный совет

к.и.н. О.В. Ауров (РАНХиГС), д.и.н., член-корр. РАН Л.А. Беляев (И.А. РАН), д.и.н., акад. РАН М.Д. Бухарин (ИВИ РАН), д.ф.н.
А.В. Вдовиченко (ИЯ РАН), к.и.н. А.Н. Маслов (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского), д.и.н. А.В. Махлаюк (ННГУ им.
Н.И. Лобачевского), к.и.н. А.А. Немировский (ИВИ РАН), д.и.н., чл.-
корр. РАН Л.П. Репина (ИВИ РАН), к.и.н. Н.А. Селунская (ИВИ РАН)
— главный редактор, д.и.н. О.В. Хаванова (ИНСЛАВ РАН), А. Карбоне
(Сиенский университет), д-р Ст. Гардзонио (Пизанский университет),
д-р И. Шварц (Венский университет), д-р богословия, иеромонах
Иоанн (Гуайта)

Mare nostrum. Выпуск 3: Море нарративов / Под ред.
Н.А. Селунской. – М.: РОИИ – ИВИ РАН, 2024. 265 с.

Монографическая серия “Mare nostrum” посвящена многовековому прошлому Средиземноморья, средиземноморской цивилизации и ее отражениям в иных культурах, компаративному изучению истории, в том числе, интеллектуальной истории. Монографическая серия родилась из отдельных альманахов с общими сквозными темами. В настоящем выпуске вниманию читателей представлены статьи российских и зарубежных исследователей, разрабатывающих широкий круг научных проблем – от истории средневекового Средиземноморья до вопросов рецепции средневековья, от проблематики эмиграции до трансфера идей. Особое внимание уделено роли инициаторов и медиаторов культурного обмена, взаимным представлениям коммуницирующих культур, полисемии интеллектуального посредничества и разнообразным аспектам диалога культур. Данное коллективное исследование, при всем разнообразии избранных авторами сюжетов и подходов, объединено темой интерпретации нарратива и нарративности.

Сайт проекта “Mare nostrum”: <https://mare-nostrum.roii.ru>
ISSN 2658–5502

ISBN 978-5-94067-561-7 ©Российское общество интеллектуальной истории, 2024
©Институт всеобщей истории РАН, 2024
© Коллектив авторов «Mare nostrum», 2024

Содержание

Свои среди чужих в море нарративов

<i>Селунская Н.А.</i> Кризис повествования, сложности коммуникации и истории историков	5
<i>Garzonio, Stefano</i> Il “Viaggio in Sicilia” di A.S. Norov. Le fonti storiche e letterarie	18
<i>Дурье В.М.</i> Первые миссионеры русского католичества: шевалье д’Огар, княгиня де Тарант, аббат Сюрюг	36
<i>Cadamagnani, Cinzia</i> Lev Tolstoj e Firenze	80

Море историографии

<i>Ауров О.В.</i> Город в системе территориальной общины (консехо) в Центральной Испании середины XI–XIV вв.	93
<i>Селунская Н.А.</i> Правовой исторический дискурс в историографии средневековой коммуны Италии: традиции, новации и национальные особенности	131

Навигации: идеи и люди

<i>Theodosiadis, Michail</i> Human potential and meritorious leadership in Anna Komnene, Giovanni Boccaccio and Niccolò Machiavelli	155
<i>Piseri, Maurizio</i>	

Modelli migratori e alfabetismo nelle Alpi (XVIII–XIX secolo) 182

Исэров А.А.

П.П. Муратов (1881–1950) – соавтор «Истории Украины»
(1940) У.Э.Д. Аллена 206

Youssim M.A.

I «Ghiribizzi al Soderini» del Segretario Fiorentino e il
destinatario di essi 226

По волне памяти

Н.С. Гусев

«Когда защищу диссертацию, тогда и начну действовать
твёрдо»: первые полгода в Константинополе ученого секретаря
РАИК Б.В. Фармаковского в письмах родителям 245

СВОИ СРЕДИ ЧУЖИХ В МОРЕ НАРРАТИВОВ

КРИЗИС ПОВЕСТВОВАНИЯ, СЛОЖНОСТИ КОММУНИКАЦИИ И ИСТОРИИ ИСТОРИКОВ

Н.А. Селунская

Кризис повествования, дискурсивных практик и проблемы коммуникации – эти вопросы интеллектуальной истории являются центральными для данного очерка. Противоречивый и несколько провокационный недавний труд «Кризис повествования» – это работа известного теоретика знания, акцентирующий проблему кризиса нарратива и нарративных практик, которая все более обращает на себя внимание специалистов в области философии и социологии знания, педагогов и исследователей. Данное эссе, на мой взгляд, способно стать катализатором плодотворных дискуссий и дальнейших разноплановых исследований.

Исследование, которое создал Бён-Чхоль Хан, интересует меня не только и не столько само по себе, но в связи с вопросами изучения нарративных канонов и их крушения, утраты восприятия недавно общепринятых идей, которые испытали на себе отечественные интеллектуалы столетие назад.

Кризис повествования, дискурсивных практик и проблемы коммуникации – эти узловые вопросы не могут не занимать внимание специалистов по интеллектуальной истории. В нынешнем 2023 г. была создана на немецком языке и сразу же переведена на русский язык, опережая опыт англоязычного перевода, интересная работа известного теоретика знания с подобным названием, акцентирующая проблемы кризиса нарратива и нарративных практик: Бён-Чхоль Хан: «Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг». М.: Лед, 2023.

Новый труд представляется значительным, хотя по объему это не монография, а почти статья, к тому же перевод скороспел и несколько небрежен, как и оформление макета издания. У этой

небольшой книги, около ста страниц текста, тем не менее, имеется сложная структура, есть много уровней рефлексии, линий развития пояснений, некоторые из которых намеренно обрываются или заводят читателя в логический тупик. В то же время есть несколько центральных, стержневых простых идей, которые невозможно не выделить, даже при беглом прочтении.

Опорные рассуждения касаются того, что повествование и коммуникация находятся в антагонизме и имеют существенные отличия, по мнению автора «Кризиса», ибо информация даже не есть носитель смысла, тогда как повествование передает смысл. «В море информации и данных мы ищем, где бы встать на якорь нарратива», но этот, казалось бы, надежный якорь–нарратив исчезает.

«Коммуникация как информационный обмен несет гибель рассказыванию историй»¹ – утверждает Бён–Чхоль Хан. Легкие способы делиться информацией, собственно, исключают повествование, зато не требуют усилия вслушивания и концентрации не на сообщении, а на личности говорящего. Информация не требует консенсуса в восприятии базовых понятий. Повествования предлагают смыслы и переносят учреждающие смысл ценности². Само повествование требует от воспринимающей стороны внимания, терпения, эмпатии, не формального согласия, но как бы внутреннего соучастия. И не простого внимания, а внимания к фигуре Другого. «Слушание нацелено в первую очередь не на содержание сообщения, а на личность»³. Этот процесс требует усилия и терпения, но легко осуществляется в специфическом сообществе.

Сообщество повествования – это сообщество слушателей⁴, как его определяет автор Кризиса Нарратива. «В сообществе повествования как сообществе без коммуникации царит молчание, тихое согласие». Именно такое сообщество исчезает на глазах, либо уже исчезло под давлением информационного сообщества,

¹ Бён–Чхоль Хан. 2023: 25.

² Бён–Чхоль Хан. 2023: 134.

³ Бён–Чхоль Хан. 2023: 128.

⁴ Бён–Чхоль Хан. 2023: 25.

а вместе с тем происходит «инфляция нарратива». Таким образом, как рассуждает автор, «сообщество без коммуникации отступает перед коммуникацией без сообщества»⁵.

Далее следуют важные рассуждения о темпоральности, повествовании и историческом дискурсе – теме, которой автор уже обращался и делал это не менее ярким образом, чем Беньямин и Козеллек⁶. Как считает Бён–Чхоль Хан, повествование сменяет информация, которая производит совершенно иное действие, иное влияние на индивида и общество. «Кроме того, информация дробит время на простую последовательность настоящего. Повествование, напротив, производит темпоральный континуум, т.е. историю»⁷. Информация не просто дробит время, но «время сокращается до бедного следа актуального». «Прошлое не имеет силы в настоящем. Будущее сужается до апдейта актуального»⁸.

Книга эта, точнее говоря, эссе, безусловно, заслуживает внимания тех, кто занимается интеллектуальной историей, историей и социологией знания, как и прежние работы автора, посвященные вопросам восприятия времени и изучению темпоральности («Аромат времени»), а также истории эмоций и современному кризису сознания – публикации исследований Бён–Чхоль Хана под названиями «Общество усталости» и «Агония эроса», еще ранее переведенные на русский язык.

Но провокационный труд «Кризис повествования», думается, особенно заинтересует историка социального поля и историка ментальностей. Интересное эссе, интеллектуальный манифест, который создал Бён–Чхоль Хан, увлекло меня не только и не столько само по себе, но в связи с проблемами изучения кризиса повествования, крушения нарративных канонов, нарушения восприятия недавно общепринятых идей, которые испытали на себе отечественные историки столетие назад. Если общество принудительной улыбки и предписанного выражения позитивного духа – вероятно, можно было бы назвать исключительно

⁵ Бён–Чхоль Хан. 2023: 134.

⁶ Koselleck 1990; Козеллек 2004.

⁷ Козеллек 2004: 24.

⁸ Козеллек 2004: 51.

современным феноменом, то вопрос о кризисе повествования мне кажется иным. Такие кризисы нарратива, на мой взгляд, цикличны, и мы можем найти отражения подобных кризисов в истории отечественной и мировой интеллектуальной культуры. Разумеется, в прошлом не было общества юзеров лайка, шера и социальных сетей, о которых говорит Бён-Чхоль Хан, но периоды слома привычных понятий и невозможности согласного восприятия нарратива, замена повествования какой-то новой коммуникативной практикой не просто могли проявляться раньше, в прежние эпохи, но, со всей очевидностью, оставили свой след в истории интеллектуальной культуры прошлого.

Вытеснение повествования, которое возможно только при наличии у автора высказывания аудитории, восприятие которой созвучно авторскому, иными формами коммуникации, наблюдается в моменты социальных кризисов и переворотов. С другой стороны, в мире без социальных потрясений и нарушений привычного для этого мира уклада, пришелец, даже добровольно стремившийся в эту новую среду, теряет свой навык повествования вместе с аудиторией, которая могла бы понять его адекватно, и вынужден переизобретать свой модус нарратива.

Возьмем пример кризиса, который случился в России и Европе около ста лет назад или чуть более того, если брать за начальный рубеж социальные волнения начала века, а затем Первую мировую войну и ее последствия в виде крушения империй, изменений национальных государств и смены социальных элит. Полярные стратегии поведения в этот кризисный период – например, вольная или вынужденная эмиграция и решение оставаться на родине в эпоху перемен, в некотором смысле, приводили гуманитария, ученого, историка к одной и той же проблеме: невозможности объясняться прежним языком и быть понятым. Тем не менее, в эти кризисные моменты интеллектуалы, воспитанные на русской почве, прибегают к классической культуре, к текстам и примерам истории Античности и Ренессанса как своеобразному метаязыку.

Таким пороговым этапом стала для профессора–медиевиста И.М. Гревса его самоотверженное служение науке и делу просвещения в условиях советской России. В отрыве от новых исследовательских материалов после Великой войны и революции 1917 г., Гревс продолжал педагогическую карьеру в новых жестких условиях.

Не имея достаточного числа студентов с навыками владения древними языками и знакомством с классическими и средневековыми текстами, Гревс продолжает линию экскурсионного метода обучения истории, перенося экскурсии из Европы, где они были организованы для русских студентов до Первой мировой войны, в послереволюционную Россию, развивая тот же метод, но теперь уже с опорой на отечественное краеведение.

Не имея университетской кафедры и лишившись затем и работы в краеведческом бюро и интерактивной практики обучения через экскурсии, Гревс создает новое поле деятельности, горячо берется за историческую популяризацию, осваивает новый жанр, обращаясь к новой аудитории, не разделяющей привычных для профессора взглядов на обучение, да и на саму историю. В то же время, можно сказать, что бывший профессор обрушивается к единомышленникам, к тем, кто готов слушать. Гревс надеется найти у читателей научно-популярного издания интерес к тому, что волновало его как ученого всю жизнь: интерес и к быту людей Средневековья и Ренессанса, и в духу латинского, итальянского христианского мира. Соответственно, книга Гревса – это нарратив без внешних примет научности и наукообразности: без справочного арсенала и списков литературы. В результате появляется очень любопытная публикация, лебединая песня ученого, посвященная Флоренции и флорентийской истории от эпохи этрусков до ренессансных картин жизни. Гревс продолжал говорить с аудиторией строкой аутентичного источника, но обращался к тем, кто в силу недостатка образования не мог бы освоить оригинальные тексты, ни на латыни, ни на вольгаре. Следовательно, еще больше возрастала нагрузка и ответственность ученого–переводчика и интерпретатора.

Информативность популярного издания не вызывает сомнений: компетентный историк и педагог в ходе своего экскурса успевает процитировать читателю и строки Данте, и хронику Виллани, и современные ему произведения П.П. Муратова, рассказать о средневековой моде в одежде и о законах против роскоши, об особенностях организации прихода не только как церковного, но и светского союза. Что касается повествовательности, то публикация под завлекательным почти бульварным названием «Кровавая свадьба», но с очень насыщенным содержанием и красочными рассказами о быте средневековых людей, без сомнений, являлась свидетельством того, что ученый не остав-

лял попытки спасти «большой нарратив». Анализируя специфику повествования Бенъямин подчеркивает значение опыта для рассказа, с этим мнением охотно соглашается, ссылаясь на Бенъямина, Бен-Чхоль Хан⁹. Для знакомого с интеллектуальной биографией Гревса, при чтении «Кровавой свадьбы», очевидным становится то, насколько явно проступает на страницах книги опыт организации и проведения экскурсий по Италии для студентов, личный опыт поездок и жизни во Флоренции. Даже ключевой для Гревса вопрос о необходимости трудных пеших прогулок, приближения к городу через его дистретто и контадо отражен в письменном рассказе. Читателям предлагается посмотреть на Флоренцию глазами путешественника, приближающегося издалека к ее башням и стенам. Профессор Гревс начинает книгу, как бы рассматривая с читателем вид города, 150 башен средневековой Флоренции, принадлежавших сообществам знати, которые называет «выразительным символом кроваво-воинствующего века и большого могущества вооруженной рыцарской знати»¹⁰.

В книге присутствует увлекательный рассказ, история молодого Буондельмонте: читатель не просто вводится в исторический контекст, но становится свидетелем ссоры рыцарей на пиру, обручению героя в знак примирения враждовавших знатных родов, встречи юноши с другой знатной девицей на выданье и новому обручению, а затем и гибели героя от рук сородичей оскорбленной отвергнутой невесты.

Исторический эпизод этот очень яркий: на другой день после Пасхи молодой рыцарь в праздничном платье едет на коне по прекрасной Флоренции от своих владений у церкви Сан Феличе в городской собор и внезапно встречает смерть, жестокую месть родни оставленной им невесты¹¹. Мечь свершилась и породила раскол в городе на много десятков лет вперед, послужив легендарным обоснованием «партий».

⁹ Бен-Чхоль Хан 2023: 34. «Рассказчик черпает то, о чем он рассказывает из опыта» – из своего опыта или опыта, о котором он узнал от других.

¹⁰ Гревс 1925: 33.

¹¹ Гревс 1925: 91–92.

Важным моментом повествования, который подчеркивает автор Кризиса нарратива, является специфика темпоральности рассказа, повествование включает не даты, а особую окраску дат, погруженных, например, в религиозный контекст. У Гревса рассказ о Флоренции во многом базируется на описании праздников и городских ритуалов. Казалось бы, в эпоху, когда уже начались демонстрации воинствующего атеизма, описания празднования Рождества, Пасхи, Благовещенья, дня святого покровителя города, выглядят странно и вызывающе. Нет сомнений в том, что Гревс выстраивал диалог с читателем, для которого оставалась возможность понять глубокий смысл этих праздников, представить не годовой круговорот дат, но торжества, увидеть празднования значимыми и наполненными смыслом. Власть и цензура делали все возможное для искоренения этого смысла, даже сами наименования христианских праздников в издании 1925 г. идут с маленькой буквы, но большой смысл, который вкладывал в них медиевист Гревс, как и смысл городского праздника средневековья приоткрывались внимательному читателю. Еще один значимый момент дискурса Гревса – это особое внимание к фигуре Данте, сама история Флоренции для него разделялась на время до и после Данте, что отражалось и в планах подготовки экскурсий с русскими учащимися в 1907 и 1912 г., и в научно-популярной книге–портрете Флоренции, появившейся в 1925 г. в России.

Таким же тяжким вызовом утраты языка общения и прежней внимательной аудитории, какой был принят профессором Гревсом в послереволюционной России, стала для его ученика, В.Н. Забугина эмиграция. Для итальяниста Забугина стажировка в Италии, переросшая в пожизненную эмиграцию, разумеется, не была тяжелой в плане освоения иностранного языка. Уже в первые годы жизни Забугин не просто легко и умело пользовался архивами, источниками и литературой на латыни, вольгаре и итальянском, но и начал писать диссертацию по-итальянски, а также и публиковаться в европейских изданиях. Однако, нехватка русской аудитории, видимо, огорчала историка, поэтому молодому ученому показались весьма ценными совет и помощь со стороны старшего коллеги Кареева в публикации на русском языке результатов диссертационного исследования. Публикация счастливо удалась накануне Первой мировой войны, очевидно,

что в военные годы этот мост между Италией и Россией никак не удалось бы выстроить.

В.Н. Забугин получил возможность говорить с русским читателем, возможно, еще надеясь на то, что такой диалог будет постоянным и прилагал все усилия к созданию увлекательного рассказа для соотечественников на Родине. Ключевым сюжетом стала полная приключений жизнь ученого эпохи Ренессанса Помпония Лэта. В работе Забугина над биографией Помпония ярко обозначена тема «охоты к перемене мест» с элементами романа нравов и романа приключений и путешествий: сначала Помпоний, уроженец юга Италии, незаконорожденный отпрыск знатного рода покидает Неаполь и дом отца, дабы искать лучшей доли в Риме. Затем Помпоний Лэт, уже освоившийся в Риме, но не получивший твердого достатка в Вечном городе, решил отправиться дальше на север и восток итальянских земель, где находилась Светлейшая республика Венеция, Серениссима, которая со стороны ему казалась оплотом свободолюбия и учености.

Однако, в Венецию Помпонию стали приходиться письма от друга, свидетельствующие о том, что в Риме бушует папский гнев. Забугин указывал, что это, видимо, изумило гуманиста, ведь Помпоний до определенного времени был уверен, что ничем не повинен перед понтификом и всем папским окружением, ничем не заслужил опалу, следовательно, и опасаться ему нечего. Как пишет Забугин в третьей части своей русской книги о Помпонию: «Гуманист, все-таки, еще не представлял себе всей серьезности положения, и «в сердцах» ответил своему корреспонденту, что он—де в свободной стране, дружит со знатью, и что «венецианцы терпеть не могут попов».

Этот злой отзыв скрыть не удалось и такие слова гуманиста, разумеется, были на руку его обвинителям. Теперь даже и свободолюбие Светлейшей республики не спасет ученого от гнева папской курии. Павел II отправил в Венецию бревно, прося выдать римскому правительству Помпонию—римлянина»¹².

Далее, читатель, затаив дыхание, следит за злоключениями героя повествования, Помпонию, которого морем везут в Рим, заключают в темницу, древний замок св. Ангела. После мучительных дознаний и допросов, Помпоний восстановил свое доб-

¹² Забугин 1913: 36.

рое имя, обвинения были сняты. Счастливым концом истории стало получение Помпонием постоянного поста в университете по папской милости. Забугин выбрал себе интересного посредника в диалоге с читателем. Хотя Помпоний за всю свою жизнь создал лишь три произведения, к тому же не таких больших по объему, но его вклад в развитие ренессансной мысли и педагогики поистине велик, а знакомство с этой исторической фигурой было весьма важным для русского образованного общества.

Интересно, что древний пласт культуры Средневековья и Возрождения играет роль общего основания, на котором строится коммуникация с заинтересованным читателем.

Для пояснения этой важной для меня идеи о базовом значении наследия итальянского Средневековья и Возрождения, обратимся к еще одному историческому примеру. Это пример сообщества, землячества в отрыве от родной почвы, в экстремальных условиях. Речь идет об изучении возможностей общения и рефлексии итальянцев, оказавшихся в плену на территории Российской империи во время Великой войны, по редкому памятнику эпохи: стихотворному рассказу о быте пленных в лагере, который являлся как бы переложением *Divina Commedia*. Группа северян–итальянцев была уникальна по своей идентичности, т.к., ее составляли уроженцы тех территорий, которые оставались под властью австрийцев. Возможно, эти люди всегда чувствовали себя заложниками и заключенными сложной исторической ситуации. Вынужденные воевать под австрийским флагом итальянцы, граждане второго сорта, попавшие в плен и лишенные должной заботы со стороны государства, которое их использовало и забыло, вероятно, чувствовали себя особенно одиноко и стремились найти собратьев по несчастью. Соединившись в особую группу эти итальянцы–северяне, жертвы «чужой войны» искали единства действия и самовыражения не только от скуки заключения, это был поиск корней и образа идентичности. Пленные пели, декламировали стихи, создавали кружки самообразования и создавали тексты.

Точнее, пребывание в русском плену создало цепочку нарративов: отдельные дневники итальянцев, ежедневные записи, письма итальянского участника войны в составе австрийских войск. Итальянцы в плену объединяются с земляками и создают тюремный журнал «Наша вера», с доступными новостями, в т.ч., фронтовыми сводками и литературными или квазилитературны-

ми заметками. Исследовательница называет этот журнал тайными, запретным, но, судя по всему, надзор был не слишком строгим, если удавалось создавать, распространять и читать многостраничную газету–журнал, исполненную в 11 экземплярах.

Итак, пленники занимаются творчеством, даже более того, они создают особый жанр пародийного повествования, который сохраняет память об их приключениях и злоключениях на суровой чужбине. Нарратив, который сочинили с горькой иронией пленники, своей основой обрел строки Данте, известные каждому итальянцу. Авторами произведения–пересмешника была пара военных из итальянских земель, воевавших в Первую мировую, взятых в плен войсками Российской империей и попавших в 1916 г. в лагерь.

Записи времен Первой мировой войны – уникальное свидетельство времени в виде тюремного дневника, попадает на блошинный рынок Рима Порта Портезе и по счастливой случайности оказывается в руках представительницы научного сообщества славистов, благодаря чему почти через столетие, в 2016 г., появляется публикация Иды де Микелис. Великая война Данте¹³.

Повествование начинается узнаваемой строкой, перефразирующей Божественную Комедию Данте:

Nel mezzo del cammin di nostra vita
Mi ritrovai in Russia pelegriño
Per vedere la gente ivi smarrita¹⁴.

Затем лирический герой встречает своего провожатого, многие момент отражают такие реалии, как пропуска, необходимые для свободного прохода по территории, особые предписания. Текст, который подражает раннему итальянскому языку вольгаре, каким писал Данте свою Комедию, имеет вкрапления русских слов, написанных латиницей, но иногда с употреблением падежей: «Mi mesco in fretta e bevo alquanto ciaia»¹⁵.

E il Duca a me: non spavenrarti, o Dante

¹³ De Michelis 2016.

¹⁴ De Michelis 2016: 73.

¹⁵ De Michelis 2016: 82.

Qui siamo dentro a una ciainaia
E musicchi son questi ch hai davante...¹⁶

В рассказе присутствуют некоторые условные атрибуты «русского мира», как в эпизоде с чайной и чаем, бородами мужиками в странных одеждах и проч. Кроме того, главный лирический герой решает немного поучить русский язык от скуки:

Per ammazzare il tempo infra esta gente
Voglio studiar la lingua di Puschino¹⁷.

В числе собратьев по несчастью вполне можно было найти учителя–интеллектуала.

Lo trovai nel bel mezzo del giardino
Con Lucan disputava amabilmente
Su un passo controverso di Plotino

Ed in latino discorrea sovente
Che l' aveva imparato a Pietrogrado,
quando in sua gioventu v'era studente¹⁸.

Нахождение небольшой группы соотечественников в иноземном плену и попытки сохранить душевное равновесие, обыгрывая исторические и литературные шедевры прошлого как будто бы случай из другого ряда феноменов, чем преподавание и изучение иностранной истории, но по сути, демонстрирует тот же ключевой момент обращения к наследию прошлого, к классике культуры в ситуации полного краха привычного мира.

Порыв итальянцев, лишенных возможности вернуться на родину, описать свой быт Дантовой строкой близок к самоотверженной попытке русских ученых–итальянистов, в том числе русских эмигрантов, в условиях войн, революций и смены парадигм знания, сохранить гуманитарное знание и его традиции, создать новый нарратив на основе классического канона, традиционно изучаемого. Произведение–пересмешник не пытается

¹⁶ De Michelis 2016: 82.

¹⁷ De Michelis 2016: 92.

¹⁸ De Michelis 2016: 92.

ниспровергнуть т.н. серьезную литературу, поэзию, но возвращает восприятию поэзии живость и свежесть, как бы возобновляет вольное дыхание слова и возвращает память.

Библиография

Бён–Чхоль Хан: Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг. М.: Лед, 2023.

De Michelis I. La Grande Guerra di Dante. Letteratura e identità nazionale. Roma: Voland. 2016.

Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. СПб., 1913.

Гревс. И.М. Кровавая свадьба Буондельмонте. М.: Брокгауз и Ефрон, 1925.

Гардзонио С. Перелистывая «Хождения во Флоренцию», или Тоска по невозвратимому // Знамя. 2011. №4.

Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: Гиперион, 2007.

Клюев А.И., Свешников А.В. П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики // Средние века. 2016. Т. 75. № 3–4. С. 387–393.

Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5 (Koselleck R. Über die Verfügbarkeit der Geschichte // Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. 3. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. S. 260–277).

Селунская Н.А. Новое средневековье – русская идея? // Диалог со временем. № 64 (2018). С. 179–195.

Селунская Н.А. Новое Средневековье и медиевисты после Великой войны // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности. М.: Аквилон, 2017. С. 211–244.

De Michelis I. La Grande Guerra di Dante. Letteratura e identità nazionale. Roma: Voland. 2016.

Koselleck R. Le futur passé. Contribution à la sémantique des temps historiques. Paris, 1990. P. 99–118.

IL “VIAGGIO IN SICILIA” DI A.S. NOROV. LE FONTI STORICHE E LETTERARIE

Stefano Garzonio

Nel ricchissimo panorama della poesia russa dell'epoca puškiana l'opera di Avraam Sergeevič Norov (1795–1869) costituisce una testimonianza letteraria d'indubbio interesse. Poeta eclettico, traduttore dei poeti antichi (Anacreonte, Virgilio e Orazio) e italiani (Dante, Petrarca, Ariosto e Tasso), nonché della poesia di A. Chénier, vicino ai “classici”, piuttosto che ai “romantici”, ma collaboratore delle riviste di entrambe le correnti, Norov ebbe un ruolo di un certo rilievo nella società letteraria del suo tempo. Eroe di Borodino, dove fu ferito perdendo la parte inferiore di una gamba, egli servì prima nell'esercito e poi nella burocrazia russa, fino a divenire nel 1854 ministro dell'istruzione. Tra i vari incarichi da segnalare quello di aggregato all'ammiraglio D.N. Senjavin con il quale navigò negli anni 1827–1828 fino a raggiungere l'Inghilterra.

In realtà, Norov aveva già effettuato un viaggio in Europa negli anni 1821–22 (aveva visitato Germania, Francia e Italia). Da questa esperienza avrà origine il suo primo scritto odeporico, *Putešestvie po Sicilii v 1822–m godu* (1828). Successivamente, negli anni 1834–35 egli compirà un lungo viaggio in Medio Oriente visitando l'Egitto e la Palestina. Curiosamente la visita della Palestina fu organizzata prendendo la Bibbia come libro di riferimento, facendone una sorta di guida di viaggio. A questa esperienza sono legati i volumi *Putešestvie po Svjatoj Zemle v 1835 g.* (1838), e *Putešestvie po Egiptu i Nubii v 1834–1835 g.* (1840). Un nuovo viaggio a Gerusalemme nel 1851 portò alla composizione di un altro scritto odeporico, *Ierusalim i Sinaj. Zapiski vtorogo putešestvija na Vostok* (pubblicato postumo nel 1878). Da notare infine come A. Norov avesse descritto il suo pellegrinaggio alle sette chiese dell'Apocalisse nel volume *Putešestvie k semi cerkvam, upominaemym v Apokalipsise* (1847).

Come si può evincere da queste brevi notizie, Norov fu particolarmente attivo nel coltivare il genere letterario del viaggio. Non ci dovrà dunque stupire che nel 1864 egli editò con propri commenti il celebre testo russo antico *Putešestvie igumena Daniila po svjatoj Zemle v načale XII-go veka*. Tale circostanza è legata ad un

altro aspetto della variegata attività intellettuale di Norov, quello dello studio delle fonti storiche e letterarie, corroborato da un'infaticabile attività di collezionista di manoscritti e libri antichi. Nella sua biblioteca si conservavano rarissime edizioni di Giordano Bruno e Tommaso Campanella, e alla sua biblioteca ricorse più volte A.S. Puškin nel corso della stesura dei suoi studi di storia.

E dunque, accanto all'attività di poeta che in questa sede non prenderemo in esame, Norov accompagnò quella di prosatore nel genere del racconto di viaggio. È stato notato come i suoi libri di viaggio abbiano tutti un carattere propriamente letterario con tratti anche narrativi ad esclusione dell'ultimo suo lavoro, quello dedicato a Gerusalemme e il Sinai, che risulta per lo più: «фактографично и почти исключает художественный элемент». Lo scrittore stesso ebbe a dichiarare:

«Читатель не узнает уже во мне того самого путешественника, который передавал ему все впечатления пути своего, связывая их с памятью былого. Все изменилось в глазах моих. Преследуя одну цель, я почти ничего не видел происходившего вокруг меня на моем долгом пути до Иерусалима»¹⁹.

Come risulta chiaro da quanto detto, a parte la traversata per visitare l'Inghilterra nel 1827–28, la gran parte dei viaggi di Norov si compirono nel Mediterraneo con la visita di un gran numero di paesi e città costiere. Nel presente saggio vorrei concentrarmi sul primo viaggio compiuto da Norov, quello del 1821–22, che fu solo in parte per mare, avendo egli raggiunto l'Italia attraverso Germania e Francia per poi veleggiare verso la Sicilia. Proprio il suo libro dedicato al viaggio in Sicilia, *Путешествие по Сицилии в 1822–м году* (СПб., 1828), opera della quale già si è scritto, anche in tempi

¹⁹ Norov 1879.

recenti, mi sembra particolarmente interessante per il suo sostrato storico-culturale e il suo valore letterario²⁰.

L'opera, dedicata al granduca Michail Pavlovič, fu pubblicata nel 1828 a Pietroburgo presso la tipografia di A. Smirdin. Essa porta sul frontespizio un'epigrafe da Jacques-Maximilien-Benjamin Bins de Saint-Victor: "L'Italie et la Grèce ensemble confondues...". Si tratta del padre del saggista e critico Paul Bynsse, conte di Saint-Victor, che fu anche segretario di Lamartine. Jacques-Maximilien de Saint-Victor (1772-1858) fu archeologo, grecista, librettista, poeta e storico della Compagnia di Gesù. Dopo la caduta di Napoleone fu redattore del "Journal des débats" e compose odi di contenuto politico. Tradusse Anacreonte, circostanza questa che costituisce un elemento di consonanza con Norov che fu anch'egli assiduo traduttore di Anacreonte.

Il *Putešestvie po Sicilii* costituisce una parte degli appunti di viaggio redatti dal poeta durante il suo primo soggiorno all'estero (nel 1834 pubblicherà anche il saggio *Literaturnyj večer v Rime*): Successivamente il testo venne evidentemente sgrezzato e rielaborato dall'autore fino a farne un'opera coerente e conclusa. Il fine che si proponeva Norov è ben sintetizzato in queste parole della sua prefazione:

«Избрав из путевых записок моих, отрывок, относящийся до Сицилии – я имел в виду, что остров сие, до селе еще мало посещаемый путешественниками, может более занять внимание читателей, чем иная страна, ежегодно обозреваемая и описываемая. Сицилия, есть одно из тех мест земного шара, которые сильно действуют на воображение. Многие гении древности обязаны ей своими вдохновениями. Какой философ или натуралист, не погрузился в задумчивость при взгляде на феномены ее природы? Какой поэт или живописец не воспламенился ее райским небом, великолепием несравненных ландшафтов, ве-

²⁰ Dell'opera esiste anche una traduzione italiana: Norov 2003. Si tratta di un'edizione fuori commercio che è accompagnata da una informatissima introduzione del curatore sulla storia del viaggio in Sicilia, il contributo offerto dai viaggiatori russi e la specificità dell'opera di Norov alla luce della sua biografia. Concretamente, sulla base di alcuni riferimenti del calendario (la festa di Santa Rosalia a Palermo e la festa dell'Assunta a Messina) Di Matteo ipotizza che Norov fosse arrivato in Sicilia in data 24 giugno 1822 e ripartito il 18 agosto dello stesso anno.

личием древних храмов, возвышающихся или поверженных на берегах моря? Я останусь довольным, если книга моя пробудит в читателях те мечты кои родила во мне земля сия»²¹.

I due volumi dell'opera sono impreziositi dalle illustrazioni del pittore paesaggista F.M. Matveev (1758–1826). La veduta di Messina è un'incisione realizzata da A. Brejtgorn dall'originale di Matveev.

L'itinerario del viaggio risulta assai complesso e percorre a tappeto tutta l'isola. A grosse linee il viaggio si dipana nel seguente modo: Napoli–Palermo–Agrigento–Marsala–Trapani–Alcamo–Palermo–Monreale–Cefalù–Lipari–Milazzo–Messina–Catania–Siracusa–Noto–Augusta–Catania–l'Etna–Taormina–Messina–Reggio Calabria con la descrizione di alcuni spostamenti per mare alle isole e poi da Palermo a Cefalù, da Messina a Catania, da Messina a Reggio.

Come si può notare anche da questi pochi dati, siamo di fronte ad un testo assai denso di notizie e descrizioni che lo rendono per il lettore russo una vera e propria opera enciclopedica sulla Sicilia. Certo, una buona parte di quanto riportato e descritto discende direttamente dalle impressioni di viaggio dello scrittore il quale, peraltro, condivide con il lettore le proprie opinioni ed emozioni. Ma come dicevo, l'opera ha anche un carattere per così dire enciclopedico, a metà strada tra un trattato storico-geografico e uno studio sull'immagine poetica della Sicilia nella poesia antica e moderna, specie italiana, francese e tedesca. Proprio per questo motivo, a me pare, risulterà particolarmente interessante prendere in esame, da un lato, le fonti storiche sulle quali la narrazione di Norov si costruisce e, dall'altro, le citazioni poetiche e più ampiamente letterarie sulle quali si fonda l'immagine mitopoietica che della Sicilia vuole offrire lo scrittore.

Il *Viaggio in Sicilia* di Norov si costruisce su di un impianto di riferimenti eruditi. Lo si rileva già nell'introduzione, un lungo saggio storico, preceduto da un'epigrafe dalla terza elegia del primo libro di Tibullo nella versione libera di K.N. Batjuškov. Si tratta di una celebrazione nostalgica dell'età dell'oro:

Тогда, беспечные народов племена

²¹ Norov 1822: I, V.

Путей среди лесов и гор не пролагали
И ралом никогда полей не раздирали;
Не зрели на полях столпов и рубежей,
И кущи сельские стояли без дверей....

Da notare che Norov cita il testo con un'evidente omissione, giacché nell'originale di Batjuškov dopo il terzo verso segue il brano:

Тогда не мчалась ель на лёгких парусах,
Несом ветрами в лазоревых морях,
И кормчий не дерзал по хлябям разъяренным
С Сидонским багрецом и с золотом бесценным
На утлом корабле скитаться здесь и там.
Дебелый вол бродил свободно по лугам,
Топтал душистый злак и спал в тени зеленой;
Конь борзый не кропил узды кровавой пеной²².

Ma è interessante notare come il rimando a Tibullo possa avere anche degli elementi di autobiografismo. Come è noto, Tibullo destinò la sua elegia all'amico e mecenate Messalla. Accanto alla comune nostalgia, di Tibullo e Norov, per la serena età dell'oro, si possono rilevare consonanze tra la condizione di Norov che si reca in convalescenza in Sicilia e quella di Tibullo che inviava la sua lettera da Corfù, dove si era dovuto fermare perché malato e impossibilitato dunque a seguire l'amico Messalla in una sua spedizione militare. Il viaggio di Norov, come già accennato, era dedicato al granduca Michail Pavlovič, suo "mecenate", nominato generale in capo de comando di artiglieria nel 1819.

Il tema dell'età dell'oro è introdotto da Norov per affrontare il noto racconto mitico sulla Sicilia abitata nei tempi primordiali da giganti. Le fonti storiche utilizzate, accanto a quelle poetiche, come Omero (*Odissea* IX) e Euripide (*Il Ciclope*), sono indicate dall'autore stesso: Agostino Inveges (1595–1677): *Annali della felice città di Palermo* (1649), F. Tommaso Fazello (1498–1570): il *De Rebus Siculis* (1558), Mariano Valguarnera (1564–1634): *Discorso dell'origine ed antichità di Palermo e de' primi abitatori della Sicilia e dell'Italia* (1614), del quale esiste anche una versione latina edita

²² Batjuskov 1977: 207.

nel 1773 a Leida, opere queste, che sostengono il mito dei giganti, e Jacques Philippe D'Orville (1696–1751), storico e filologo olandese, che compì un viaggio in Sicilia nel 1727: *Sicula, quibus Siciliae veteris rudera, additis antiquitatum tabulis, illustrantur* (1764), opera questa che tende a negare la leggenda del mito antico.

Considerato che lo stesso D'Orville aveva compiuto il suo viaggio in Sicilia alla fine di un lungo peregrinare per l'Europa (Inghilterra, Germania, Francia, Italia), si può tranquillamente affermare che l'esperienza di Norov in qualche modo ripeté quella vissuta dallo studioso olandese un secolo prima.

Ma la vicinanza di Norov agli autori da lui citati come fonti storiche della sua introduzione risulta ancor più eloquente, se consideriamo, ad esempio, il fatto che Mariano Valguarnera fu traduttore di Anacreonte, come poi diverrà il nostro Norov ed anzi, le sue traduzioni in versi sciolti furono pubblicate nel 1795 a Palermo: *Le canzoni di Anacreonte tradotte dal greco in verso sciolto da Mariano Valguarnera*. Come è noto, Norov costruì le sue traduzioni delle canzoni anacreontiche ispirandosi in primo luogo all'esempio di Deržavin, eppure potrebbe essere di un qualche interesse comparare le traduzioni proposte dal nostro con quelle tradotte in italiano dal Valguarnera.

La trattazione relativa agli antichi popoli che abitarono l'isola, i Sicani e i Siculi, viene sviluppata da Norov sulla base di fonti tradizionali, come gli scritti di Tucidide e Dioscufo Siculo. Passato alla fase storica della Sicilia, Norov ne traccia una breve sintesi con rimandi per la parte più antica a Lucio Anneo Floro (*Epitomae de Tito Livio bellorum omnium annorum DCC libri duo*), Tito Livio e Cicerone (*Verrine*), per poi nel capitolo successivo concentrarsi sulla descrizione geografica e statistica della Sicilia con riferimenti a Isidoro di Siviglia, Filippo Cluverio (*Sicilia Antiqua*) e altri, e con interessanti annotazioni sulle origini dei toponimi. La parte introduttiva si chiude con un quarto capitolo dedicato all'antica cultura della Sicilia con particolare attenzione ai legami con la mitologia, la filosofia e il teatro antichi.

Oltre alle fonti già utilizzate nei capitoli precedenti vale la pena qui ricordare Diogene Laerzio (*Vitae Philosophorum*), Lucrezio (*De Rerum Natura*), Sesto Empirico (*Adversus mathematicos*), Plutarco (*De opinionibus philosophorum*), Cicerone (*Academica*). In realtà la trattazione offerta da Norov si basa ampiamente sull'opera di Giovanni E. Di Blasi, *Storia civile del regno di Sicilia* (1811–1818), nella quale troviamo numerose delle fonti utilizzate dal nostro. Infine, risulta assai interessante in questo capitolo la trattazione della poesia greca sviluppatasi in Sicilia con Aristosseno da Selinunte, inventore dell'anapesto, Stesicoro da Himera e il mitico poeta bucolico Diomo.

Dopo questa lunga parte introduttiva Norov descrive il suo viaggio in Sicilia con partenza per mare da Napoli. Il testo ha indubbiamente un orientamento fortemente letterario. La scrittura di Norov è assai elaborata, ricca di toni patetici e gusto per l'ornamento descrittivo. Già l'incipit, composto in una prosa non priva di elementi di ritmicità, costituisce un ottimo esempio del metodo creativo adottato dallo scrittore. Dopo un'epigrafe dall'Eneide (... *nec jam amplius ulla / Occurrit tellus, maria undique, et undique coelum...*) leggiamo:

«Дневной жар начинал мало-помалу ослабевать, и легкий ветерок, игравший парусами нашего корабля, почти незаметно отдвигал его от берега... Солнце клонилось уже к западу; – лучи его, скользя по блестящей поверхности моря, осыпали багряным светом прелестный Неаполь, увенчанный садами и замками. Какие берега! Какие предметы, составляют полукружие сего очаровательного залива! Вот, грозный Везувий, клубящий черные столпы дыма по лазури райского неба Италии! Вот, у цветущей подошвы его, веселый Портичи: – это мавзолеей пышного Геркуланума, погребенного под ним в волнах лавы. Там, далее, под грудями пепла, таится злосчастная Помпея; – там малая часть ее, с обезображенными храмами, театрами и портиками, проглядывает из-под траурного покрова своего на очаровательное небо, под коим она некогда дышала негой жизни! Здесь, высоко возносятся разнообразные верхи ландшафтных гор Сорренто, – отечество Певца Иерусалима!»²³.

²³ Norov 1822: I, 49.

Il testo del viaggio è tutto impreziosito da citazioni poetiche di versi in russo (propri e di altri poeti), di autori antichi, italiani, francesi e tedeschi (talvolta con traduzione russa in nota). Nel complesso siamo di fronte ad una sorta di testo poetico “mediterraneo” che accompagna la narrazione del viaggio, un commento in versi al suo svolgimento. Se la traversata per mare è accompagnata dal celebre passo del Purgatorio dantesco: “Era già l’ora che volge ‘l disio...” (canto VIII)²⁴, l’arrivo a Palermo (Norov adotta la forma russa al femminile '*Palerma*') è preceduto da un frammento dalla lirica puškiniana *Redeet oblakov letučaja grjada*, chiaro esempio di testo poetico “mediterraneo” (“Gde dremlet nežnyj mirt i tëmnyj kiparis...”). Norov si ricollega così alla tradizione romantica di estatica esaltazione del meridione e della *zadumčivaja len’*.

Nel capitolo dedicato a Palermo Norov sottolinea queste intonazioni e queste atmosfere con una propria lirica, la descrizione di una passeggiata per la città, desunta da una sua lettera a A.A. Z-aja²⁵. Eccone l’incipit:

Там вьются виноградны лозы,
Сплетая вам тенистый свод;
Там царствуют молодые розы –
И негой дышущий Эрот...²⁶

Certo, non potevano mancare riferimenti ai poeti elegisti francesi e, in particolare, a Parny, il quale costituisce un modello per la ricezione di Palermo. Norov riporta il seguente distico da *La journée champêtre*:

On m’a conté qu’autrefois dans Palerme
Ville, ou l’amour eut toujours des autels...

²⁴ Questo frammento è accompagnato dalla traduzione poetica in russo in esapodie giambiche: «Вот тихий час, когда тоскующий, унылый...».

²⁵ Si tratta di una congiunta del poeta, Alina A. Z-aja. Si è conservata una lettera dell’11 maggio 1822 (ОР РНБ. Ф. 531. Ед. хр. 177) nella quale il poeta descrive la sua vita a Napoli. Cf. Čistjakova 2016: 47. Nell’archivio di Norov si conservano altre due copie di sue lettere ad Alina, una da Venezia, l’altra da Richmond.

²⁶ Norov 1822: I, 72.

E poi nel capitolo dedicato ad Agrigento, riportando un frammento da *Isnel et Asléga*, Norov introduce un esempio di “poesia delle rovine”:

Levez le yeux, voyez sur ces collines
Ce murs détruits, ces pendants ruines
Et ces tombeaux que la ronce a couverts.

Analogamente, il viaggio nei dintorni di Palermo è introdotto dal celebre passo della lirica di Goethe *Der Wanderer*, testo fondamentale nella ricezione del meridione nella poesia romantica tedesca. Norov riporta del dialogo tra il viandante e la donna le parole di quest’ultima sulle antiche rovine che appassionano l’errabondo viaggiatore in Italia:

Staunest, Fremdling,
Diese stein an?
Droben sind der steine viel
Um meine Hütte...

Sempre nell’ambito della poesia delle rovine è proposto in apertura del capitolo dedicato a Selinunte e Mazzara un frammento dalla *Gerusalemme* del Tasso (canto XV):

... I segni
Dell’alte sue ruine il lido serba.
Muoiono le città, muoiono i regni:
Copre i fasti e le pompe arena ed erba:
E l’uom d’esser mortal par che si sdegni!..

La visita a un monastero femminile ad Agrigento permette a Norov di fare ingresso nel parlatorio, dove lo scrittore rimane colpito dalla bellezza di una giovane suora che paragona ad una ninfa. L’incontro riporta alla memoria del poeta alcuni versi di Jacques Delille dal poema *L’imagination* (1806):

Les Grâces arrangeaient son simple habit de bure,
Les Grâces se plaisaient á sa simple coiffure <...>
Tout en elle était calme, un sentiment modeste,
Réglait son air, sa voix, son regard, son geste.

Norov sottolinea sempre con forza la presenza del retaggio classico e nella più generale dimensione mediterranea tende ad al-

largare la sua attenzione al passato punico dell'isola e, per conseguenza, alla sua dimensione africana. Nel capitolo dedicato a Marsala, Pantelleria e al Capo Bon, penisola tunisina che si affaccia sul Mediterraneo di fronte alla Sicilia, Norov ricorre ancora alla *Gerusalemme liberata* e sempre dal XV canto citando:

In curvo lido poi Tunisi vede...
A lui di costa la Sicilia siede,
Ed il gran Lilibeo gl'innalza a fronte.

Navigando in quelle acque Norov riflette sulla grandezza di Cartagine, di Amilcare e Annibale, e cita il lungo brano della *Gerusalemme* dedicato a Cartagine e già riportato parzialmente nelle epigrafi.

Di questo lungo frammento Norov offre una traduzione in prosa e non in versi, ma fortemente marcata dalla ricerca di una specifica ritmicità. Interessante è anche un cenno ai *Lusiadi* di Camões.

«Вскоре посреди искривленного берега, открылся им Тунис. По обеим сторонам его залива возвышаются горы. Во всей Ливии нет града ни знаменитее, ни богаче, ни славнее. Неподалеку от него, восстает из моря Сицилия, и на берегу ее, великий Лилибей подымлет гордое чело свое. Тогда дева указала двум рыцарям место, где был Карфаген».

«Повержен великий Карфаген! Едва видны на бреге следы его величественных развалин... Умирают грады, умирают царства! Прах и терние одевают славу и великолепие: лишь человек один негодует на смертное бытие свое! О, сколь алчен и тщеславен дух его!..» (Освоб. Иерус. П. XV, ок. 19–20)²⁷.

Il viaggio a Trapani è all'insegna di Venere, con riferimento al Tempio di Cipride Ericina, e Norov cita allora Angelo Poliziano:

Questo è il loco che tanto a Vener piacque;
A Vener bella, alla madre d'Amore.

per poi passare all'approdo di Enea in quei luoghi dopo aver abbandonato Didone. Adesso Norov cita, ovviamente, il celebre passo del libro terzo dell'*Eneide* "Hinc Drepani me portus et illaetabilis ora...".

²⁷ Norov 1822: I, 181.

Il tema classico, troiano, combinato a quello delle rovine e a quello della dimensione africana della Sicilia caratterizza il capitolo XIII dedicato a Segesta, Alcamo e Monreale. Norov in epigrafe cita un brano dal poema *Génie de l'homme* di Charles-Julien Lioult de Chênédollé:

Où, lorsqu'un ciel d'airain s'allume sur sa tête,
L'Arabe voyageur nonchalamment s'arrête,
Et las des feux du jour, s'endort quelques instants
Sur le restes d'un dieu mutilé par le temps.

Se il ritorno a Palermo in occasione della festa di Santa Rosalia spinge Norov a citare in epigrafe un distico di Antoine Léonard Thomas (1734–1785):

La nuit n'a plus d'asyle ; au-dehors la clarté
Pénètre des jardins la vaste obscurité...

nel capitolo dedicato al viaggio da Palermo a Cefalù il nostro introduce una citazione dall'*Hoggidi ovvero il mondo non peggiore, né più calamitoso del passato* (1627) del religioso e poligrafo Secondo Lancillotti (1583–1643), opera questa che nega la superiorità degli antichi sui moderni. Il brano citato affronta il tema della caducità delle civiltà antiche e delle loro città in sintonia con le descrizioni dei luoghi visitati da Norov, il quale riporta poi un curioso aneddoto di come a Cefalù venisse attribuito a Raffaello un quadro di Pietro Novelli detto il Monrealese (1603–1647).

Il viaggio alle isole Lipari è introdotto da un frammento del III canto dell'*Eneide* e poi dalla dettagliata descrizione che Virgilio propone delle isole nel primo canto del suo poema. Lo scrittore annota: “«Я плыву по следам Одиссея и Энея», думал я про себя — и предавался своевольному воображению...”²⁸.

Il secondo volume si apre con la navigazione da Messina a Catania e porta in epigrafe una citazione da Tasso dedicata all'Etna:

Lor s'offrì di lontano oscuro un monte
Che tra le nubi nasconde la fronte...
Come quel, che d'Encelado è sul dosso;
Che per propria natura il giorno fuma

²⁸ Norov 1822: I, 242.

E poi la notte il ciel di fiamme alluma. (XV, 33–34)

Nel capitolo i riferimenti mitologici costituiscono l'asse portante della narrazione, dalla dea Cariddi a Venere, dal pastore Aci a Polifemo. Qui troviamo anche una citazione da Seneca (*Consolatio ad Marciam*). Curiosamente Norov utilizza la forma *Taormino* con riferimento al promontorio (Мыс Таормино). Dei siciliani Norov sottolinea nelle credenze e nei miti il распаленное воображение, tratto caratteriale che va a unirsi all'immaginazione dello scrittore stesso (vedi sopra) nel rendere il testo ricco di aneddoti, racconti fantastici e curiosità varie.

Catania è anch'essa introdotta da un brano tassiano, mentre il capitolo su Siracusa è ricco di riferimenti classici (dalle *Verrine* di Cicerone a Pindaro, da Virgilio a Orazio e Plauto), ma quello che certamente colpisce di più è una lunga citazione dall'*Oberon* di Wieland in relazione alla Venere di Ortigia e alla sua bellezza. Norov riporta prima due versi di Lucrezio, ma poi offre nell'originale e nella propria traduzione un lungo brano del poeta romantico tedesco:

Во блеске юности, сей призрак девы милый,
Чей образец нигде невиданный, лишь там!..
На ней жар роз слился со снегом нежных лилий,
Стан лёгкий просится подняться к небесам!
Из алых уст ее улыбка негой веет...
Стыдливой наготой она облечена;
При ней желание пылает и робеет –
Но это всё лишь тень ее одна!..
(Оберон, II. IV, с. 6)²⁹.

Nel capitolo successivo Norov propone altri testi della classicità, tra i quali un brano delle *Georgiche* nella traduzione di S.E. Raič (1792–1855).³⁰ Si tratta evidentemente di un tributo ad un poeta assai vicino a Norov per il suo orientamento verso la poesia italiana, oltre che verso i classici antichi. Curiosamente nell'ultimo capitolo dell'opera Norov cita un brano di Ariosto (*Orlando Fu-*

²⁹ Norov 1822: II, 30.

³⁰ Si tratta di un brano da *Georgiche* L. IV (Norov 1822: II, 37).

rioso, VIII, ottave 36–37) del quale riporta in nota la traduzione dello stesso Raič senza indicarne l'autore.³¹

Di un frammento del settimo idillio del poeta siracusano antico Mosco Norov non inserisce l'originale greco, ma una propria traduzione non priva di originalità poetica:

...О Веспер! мой вожатый,
Блестящая краса лазоревых ночей;
Все звёзды от твоих помрачены лучей,
Как ты от Цинтии! — в тебе я вижу друга;
Там ждёт меня, увы! минутная супруга;
Ах! замени ты мне сребристый свет луны;
Теперь рога её едва обновлены,
Она уж кроется... я не вредить желаю
Ночному путнику; но страстию сгораю!³²

In generale, il *Viaggio in Sicilia* presenta una serie di testi di indubbio valore che meriterebbero di essere inseriti in una raccolta antologica dei versi di Norov.

Parlando della latomia (cava) oggi nota come Latomia dei Cappuccini, dove nel 413 a.c. furono rinchiusi e lasciati morire i soldati ateniesi sconfitti, Norov offre la descrizione della natura del luogo, tra grotte quasi celate da alloro e mirto, creando un parallelo con un celebre passo della *Gerusalemme Liberata* (XVI): “Nel tronco istesso, e tra l'istessa foglia...”, del quale inserisce poi una propria traduzione in prosa³³. Si chiede inoltre se non proprio in quel luogo Orazio abbia composto la strofe “Qui multis gracilis te

³¹ Si tratta del frammento “Ella tenea la veste in su raccolta” (*Orlando Furioso*, VIII, ottave 36–37) di cui Norov riporta in nota la traduzione di Raič in giambi 4343, forma questa notoriamente ispirata al Raič dal metro della ballata *Gromoboj* di V.Žukovskij, cf. S. Garzonio 1986: 240 ss.

³² Norov 1822: II, 47.

³³ «На том же пне и под тою же тенью вянет состарившаяся фи́га над молодою. Яблочки, с листьями поблекшими и с листьями зелёными, висят на одном сучке. В самом диком месте сада, выются игриво к высоте изгибистые и сочные лозы. Здесь, видны в цвету неспелые гроздья винограда, а там, они горят уже в золоте и рубинах и отягчены сладким нектаром» (Norov 1822: II, 57).

puer in rosa...” (*Carmina*, I, 5), riportandone la propria traduzione in tetrapodie giambiche:

Кто сей, не ложе роз душистых,
Весь благовонными облит,
С тобой, под сводом скал тенистых,
Обнявшись, – негою торит?..
К кому, с золотой косой развитой,
Небрежной роскошью гордясь,
Лилейной грудию раскрытой
Приникла, страстью утомясь?..³⁴.

Poco sotto di un frammento dantesco (“Lo duca ed io per quel cammino ascoso...”, *Inferno*, XXXIV) Norov inserisce la propria traduzione in esapodie giambiche: И вождь и я, тогда, чрез современный путь...³⁵

Ed infine, con riferimento a Cicerone, Norov tratteggia un quadro della notte di Siracusa con i motivi della lirica romantica (le rovine, la notte, il meridione):

«Какая ночь! Садясь на обломок Дорической Колонны, под навес ветвистого платана, я весьма удивился, увидев многие листья покрытыми блестящими искрами: то было бесчисленное множество маленьких светящихся мушек, называемых здесь: *luccioli*; это походило на очарование! Какое благоухание разносится с каждым дуновением ветерка! – какое небо! – Цицерон, рождённый сам в благословенном климате Кампании, пленялся небом Сиракуз; как справедливо его замечание, когда он говорит, что воздух сей страны так чист и ясен, что нет ни одного дня в году, – как бы оный ни был ненастен, – в который бы солнце скрыло себя на целый день от человеков»³⁶.

Un'altra citazione dal *Wanderer* di Goethe apre l'ultimo capitolo dedicato a Siracusa, nel quale si narra dell'Orecchio di Dioniso riportando anche un verso di Racine sulle orecchie del tiranno:

“Et ces murs, Seigneur, peuvent avoir des oreilles!” (Racine, *Britannicus*).

³⁴ Norov 1822: II, P. 58.

³⁵ Norov 1822: II, 64–65.

³⁶ Norov 1822: II, 65.

Il tema della notte, con chiari sottotesti romantici, è affrontato nel capitolo XXIV dedicato al castello di Noto con epigrafi da Žukovskij (*Achill*, 1815) e Petrarca (*Canzone XI*).

Nei seguenti capitoli, dedicati ai Ciclopi e all'Etna sono numerosissime le citazioni dai classici (Ovidio, Virgilio, Pindaro), ma anche Dante in una suggestiva descrizione del monastero di San Nicola sull'Etna all'imbrunire: "Lo giorno se n'andava, e l'aer bruno..."(Inferno, II)³⁷.

Nel capitolo che descrive la strada tra Nicolosi e Taormina (XXXIII), Norov riporta un brano da Pierre-Jean de Béranger. Si tratta della canzone *La nature*:

L'Etna s'agite, et, furieux,
Sembler, du fond de ses entrailles,
Vomir l'enfer contre les cieux.
Mais pour renaître enfin sa rage expire :
Il se rasseoit sur le monde ébranlé.
Coulez, bons vins ; femmes, daignez sourire ;
Et l'univers est consolé³⁸.

Nel seguente capitolo egli tende invece a trasferire il tema della natura in una dimensione più profondamente religiosa inserendo i seguenti versi di Jean-François Ducis (1733–1816):

Rochers majestueux perdus dans les nuages,
Je m'eleve avec vous par-delà les orages;
Daignez me recevoir sommets religieux,
Où l'esprit des mortels commerce avec les Dieux!³⁹

E poco sotto, nel capitolo dedicato a Taormina e al viaggio lungo costa verso Messina, propone una propria traduzione dal *Prometeo* di Eschilo di sicuro impatto poetico:

.....

Тифон, из чьих устен сама дышала смерть,

³⁷ День ускользал уже, — и нисходящи тени /Освобождали всех живущих под луной, / От суетных трудов и тяжких огорчений; /Лишь я один тогда, боролся с тяготой / Опасного пути... (Norov 1822: II, 161).

³⁸ Norov 1822: II, 184.

³⁹ Norov 1822: II, 192.

Гигант стоглавый сей, ругавшийся богами, –
 Дерзнул, бросая огонь из пламенных очей,
 Возстать против судеб всесильного Зевеса; –
 Но гром, недремлющий ни днём, ни средь ночей,
 Низринул буйного во пропасти Айдеса!
 Пронзённый, попалён губительным огнём,
 Бессильный труп его простерт под брегом моря,
 Где Этна возлежит всей тяжестью на нём.
 На высоте ея, Вулкан, с ветрами споря,
 Седит – и сам куёт разжжённый им булат.
 Оттуда, некогда в свирепости ужасной,
 Потоки пламенны, пролившись, истребят
 Долины злачныя Сицилии прекрасной...⁴⁰

Il primo capitolo dedicato a Messina (XXXV), riporta la leggenda della Madonna della Lettera e il testo latino con traduzione del celebre documento, quello successivo (XXXVI) si apre con un'epigrafe da Puskin dalla lirica "Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...", mentre l'ultimo capitolo del libro propone una citazione da Dante che esalta la bellezza della Sicilia (*Paradiso*, VIII):

E la bella Trinacria, che caliga
 tra Pachino e Peloro, sopra 'l golfo
 che riceve da Euro maggior briga...

Qui troviamo anche una citazione dalla tragedia *La sposa di Messina* di Schiller su Reggio Calabria. Il libro si chiude con l'addio all'isola e con un'ultima annotazione storica:

«Пирр, отплывая из Сицилии, воскликнул, глядя на сей прекрасный остров: „какое роскошное поприще войны оставляем мы Карфагенцам и Римлянам!“ А я думал про себя: „с какою природою растаюсь я! – с какими вдохновениями!».

In definitiva, il testo odepорico di Norov non può essere catalogato come un semplice libro di viaggio. L'opera si costruisce su diversi piani.

Certo la linea guida è la descrizione del viaggio, dei paesaggi, delle località e dei monumenti visitati, ma, allo stesso tempo, la nar-

⁴⁰ Norov 1822: II, 194–195.

razione si sviluppa come ricostruzione storica e letteraria della ricezione della Sicilia da parte della cultura antica e di quella moderna. Da un lato, la poesia antica costituisce la base per una ricostruzione mitica e storica di quanto descritto, dall'altro, i riferimenti alla poetica delle rovine e ai motivi della ricezione romantica del mondo mediterraneo costituiscono gli strumenti per una definizione psicologica delle emozioni che il viaggio risveglia nell'animo del suo autore. Si può anche aggiungere che grazie alle numerose inserzioni poetiche, per lo più traduzioni, il libro offre un panorama variegato della conoscenza in Russia della poesia antica e di quella italiana proprio nel fiorire di quella che sarà poi contrassegnata come epoca puškiniana.

Bibliografia

Batjuskov K.N. Opyty v stichach i proze. Moskva: Nauka, 1977.

Garzonio S. S.E. Raič e la "scuola italiana" (Contributo alla storia dei dibattiti poetici in Russia negli anni Venti del secolo XIX) // Il Confronto letterario. Vol. III (1986). № 5 (maggio).

Norov A.S. Ierusalim i Sinaj. Zapiski vtorogo putešestvija na Vostok, SPb., 1879.

Norov A.S. Putešestvie po Sicili v 1822–m godu. SPb., 1822.

Norov A. Viaggio in Sicilia nel 1822 / A cura di S. di Matteo. Palermo: Fondazione Culturale Lauro Chiazzese, 2003.

Čistjakova E.A. Gosudarstvennaja i obščestvennaja dejatel'nost' A.S. Norova, Dissertacija na soiskanie u.s. kandidata istoričeskich nauk. SPb, 2016.

**ПЕРВЫЕ МИССИОНЕРЫ РУССКОГО
КАТОЛИЧЕСТВА:
ШЕВАЛЬЕ Д'ОГАР, КНЯГИНЯ ДЕ ТАРАНТ,
АББАТ СЮРЮГ**

В.М. Лурье

Значение русского католичества XIX века для истории христианства в России и для истории русской культуры в целом еще только предстоит оценить. Оно «выпало» из позднейшей историографии, так как им не интересовались ни историки русского консерватизма, ни историки либеральной мысли. Русское католичество не было ни консервативным, ни либеральным. Это уже само по себе не предвещало бы ему особенного внимания со стороны историков русской культуры. Но русскому католичеству не повезло дважды. Когда Владимир Соловьев вдохнул в идею русского католичества второе дыхание, благодаря которому оно расцвело в начале XX века, это дыхание было не совсем от того же духа, которым жило русское католичество в первой половине XIX века. Владимир Соловьев и «Серебряный век» приходили к католичеству из оккультных глубин Якоба Бёме и его условно католической интерпретации у Франца фон Баадера. Русское католичество было начато, в Александровскую эпоху, именно теми, кто считал подобную мистику чуть ли не главным врагом христианства, а тогдашние поклонники этой мистики отвечали им взаимностью.

Поэтому неудивительно, что в русской католической историографии русского же католичества имя Жозефа де Местра упоминается отчуждённо и даже, может быть, с некоторой неловкостью. Богословские труды иезуита Иоанна Розавена не упоминаются вообще, и само его имя полузабыто. Между тем, эти два человека были теми, кто более всех потрудился в *поли-вании* семян католической веры среди русской аристократии. Но были еще те, кто пришел раньше де Местра и Розавена, и эти семена *насадил*. О них помнят еще меньше. Ниже речь пойдет только о них. Все эти люди были французскими эмигрантами и принадлежали, разумеется, к христианской части этой эмиграции.

Ж.–Ж. Д. де Бассине д’Огар

Каково бы ни было значение Жозефа де Местра в формировании первого поколения русских католиков, фундамент был заложен не им. Об этом в письме от 17 сентября 1844 г. С. П. Свечина сообщила Ивану Гагарину в ответ на его извещение о переходе в католичество будущего иезуита Ивана Мартынова. Молодой Гагарин полагал, что дело русского католичества было начато де Местром, на что Свечина написала: *...il était un grand semeur; pas le premier à beaucoup près: l’honneur de l’introduction du catholicisme parmi les Russes est dû au chevalier d’Augard, vieux chevalier de Saint-Louis. Tout était de commencer. Quand non-seulement une œuvre dans son exécution, mais dans sa pensée même comme désir, semblait absurde et impossible, le génie de la foi était de la concevoir et de s’y confier. Je ne vois jamais un soixante-quatorze sans reporter mon hommage plus vif encore et plus intime sur le canot du premier navigateur*⁴¹.

В России шевалье д’Огар (Jean-Joseph-Dominique de Bassinet d’Augard, ок. 1740–1808; шевалье скрывал свой точный возраст от петербургских знакомых, будь то русские или иностранцы, но, по общему мнению, на момент кончины ему было около 70) появился уже немолодым человеком в 1796 г., где он сразу был назначен помощником директора «Императорских библиотек», из которых вскоре составитс я единая Императорская Публичная библиотека в Петербурге. Шевалье руководил систематизацией и каталогизированием книг. По словам историка библиотеки, «...с его именем связано превращение бесформенной массы разобщенных книг в то, что стало впоследствии

⁴¹ Swetchine 1862: II, 333; «...он был великим сеятелем, но отнюдь не первым: честь введения католичества среди русских принадлежит шевалье д’Огару, старому кавалеру [ордена] Святого Людовика. Всё только начиналось. Когда дело казалось абсурдным и невозможным не только в своем исполнении, но даже и в качестве мысленного желания, он созерцал его духом веры и себя ему посвятил. Я никак не могу смотреть на *семьдесят четвертого* [номер, который получил Мартынов у Свечиной в списке обращенных русских], чтобы не воздать дань живейшего и глубочайшего уважения челну первого мореплавателя».

Императорской Публичной библиотекой»⁴². О нем оставила воспоминания Варвара Николаевна Головина, урожденная Голицына (1766–1821), в доме которой (Малая Садовая, 3 — на углу Малой Садовой и Невского, напротив строившегося здания Публичной библиотеки) он подолгу жил, и которая уже ок. 1800 г. приняла католичество, оставаясь среди русских едва ли не единственным католиком в течение нескольких лет⁴³.

Шевалье происходил из семьи морского офицера и сам был таковым в молодости. Его военно–дипломатическая карьера неплохо продвигалась, а в отношении религии он был еще вполне сыном своего века, и средой его общения были философы круга «Энциклопедии». Все изменилось мгновенно⁴⁴, когда в 1776 г. он едва ли не случайно услышал в парижском Нотр–Дам проповедь знаменитого священника–иезуита Жана–Николя Борегара (Jean–Nicolas Beauregard, 1733–1804). Сама эта проповедь стала неотъемлемой частью истории Французской революции — по крайней мере, в той версии этой истории, которую писали роялисты, непременно о ней упоминая. (В России после 1917 г. по-

⁴² Вольфцун 1998: 19. Предположение автора о принадлежности шевалье к иезуитам–мирянам не подкрепляется никакими источниками и едва ли не является попыткой найти хоть какое–то рациональное зерно в утверждениях русских историков XIX в. о принадлежности шевалье — в прошлом человека семейного и никогда не вступавшего в клир — к иезуитам. О его работе в библиотеке см. тж.: Somov 2011.

⁴³ Golovine 1910: 220–221 (эпизод со стихотворной пародией на монолог Корнелии с проклятием Риму из трагедии Корнеля «Гораций»; неоднократно переиздававшийся рус. пер. этих воспоминаний Е.С. Шумигорского (1899) содержит купюры, но эту сцену включает); те же мемуары, но по другой рукописи, имеющей отличающиеся чтения, цитирует И.С. Гагарин в статье: Gagarin 1879. Особую биографическую ценность имеют воспоминания о нем иезуита, бывшего миссионера на Волге, затем преподавателя риторики в иезуитском училище в Петербурге, а в конце жизни — руководителя новициата в Джорджтауне, США, Фиделя де Гривеля (Fidèle de Grivel, 1769–1842), рукопись которых была опубликована И.С. Гагариным: Gagarin 1877.

⁴⁴ Это мы знаем со слов хорошо знакомой с ним лично С.П. Свечиной, которые передает ее биограф: de Falloux 1860: I, 29.

добным же образом вспоминали проповеди Иоанна Кронштадтского, произнесенные в 1905 г.) Она содержала пророчество, которое через несколько лет исполнилось даже в таких принципиально не просчитываемых подробностях, которыми пророчества обычно и отличаются от рациональных прогнозов; мы процитируем его ниже. Оно помогает понять, как религиозные взгляды русских католиков формировали их отношение к революциям.

Под влиянием этой проповеди шевалье становится всерьез верующим и посвящает себя просветительской деятельности по борьбе с тем самым духом века сего, которому недавно еще сам поклонялся. Он продолжает бывать у барона Гельвеция и в других подобных домах и дружески разговаривать хоть с самим Жан-Жаком Руссо, но теперь он это делает как бы с противоположного религиозного полюса. С его участием создается общество энтузиастов из двенадцати человек (двоих священников и десяти мирян) для распространения знаний о христианстве и опровержения безбожия. В этом обществе он занял стратегически важную должность библиотекаря, почему и был впоследствии рекомендован Екатерине II для сходной работы. В 1791 г. он эмигрирует из Франции и, после нескольких лет скитаний, находит вторую родину в Петербурге.

Церковь и революция

Прочитируем теперь те слова о. Борегара, которые так вдохновили будущего проповедника католичества и продолжали вдохновлять иезуитов середины XIX в., разместивших их в начале первой подробной биографии Борегара. Биографию написал Шарль Даниель (Charles Daniel, 1818–1893) еще в ту пору, когда они совместно с русским иезуитом Иваном Гагариным редактировали основанный ими вдвоем журнал *Études*⁴⁵. В особом внимании к личности Борегара едва ли могло обойтись без влияния Свечиной, опосредованного Гагариным (Даниель весьма интересовался ее личностью и в 1864 г. разместил в том же журнале ее биографию своего авторства).

Qui, c'est au roi, au roi et

Peu importe contre lequel

⁴⁵ Daniel 1861: 327.

Это пророчество, почти видение, начало сбываться уже через тринадцать лет, а окончательно сбылось 10 ноября («20 брюмера») 1793 г., когда в Нотр-Дам был совершен атеистический ритуал Праздника Свободы и Разума. В главном алтаре храма водрузили высокий престол, на котором восседала актриса, представлявшая Свободу — *la Liberté*. Ее поклонники — те самые *nouveaux adoreurs*, о которых предупреждал проповедник (тут слово «поклонник (*adoreur*)» употреблено в буквальном смысле: «тот, кто поклоняется», т.е. участвует в религиозном культе), — охотно бы и сами себя назвали *les libertins* («развратники»).

Шевалье д'Огар обратился под воздействием этого пророчества, когда оно еще не сбылось. Он не согласился с прогнозом, а приобщился к религиозному откровению. Когда же оно сбылось, оно цементировало позицию тех верующих людей, которые не захотели иметь никакого общения с католическими священниками, присягнувшими революции, то есть принявшими обязательную присягу на верность «Гражданскому устройству духовенства» (*Constitution civile du clergé*), введенную революционными властями в 1790 г. Разрешенная властями католическая церковь в глазах таких верующих перестала быть католической и перестала быть Церковью и приобрела все черты апокалиптической блудницы, воссевшей на Зверя. Все признаваемые такими верующими французские клирики принадлежали к так называемому *Clergé réfractaire* («неприсягнувшему клиру»). «Неприсягнувшие» встали на путь мученичества и исповедничества, что, само по себе, показывает их личные качества. В большинстве своем, они не стали приносить присягу и Наполеону, несмотря на его конкордат с папой Римским (1801).

В 1812 году эти эмигранты были на стороне России. Как революционеры, так и Наполеон считались в этой среде врагами не просто Франции, а человечества как такового. Те эмигранты, кто были военными (как сын де Местра Родольф), сражались в русской армии. Эпоха национализмов XIX в. еще не наступила, поэтому никого не удивляло их выступление против «своей» страны с армией «врага». Они выступали не против, а за свою страну, но против армии захватившего их страну настоящего, с их точки зрения, врага их страны. Так, герой 1812 года барон де Дамас, в России Максим Иванович (Ange Hyacinthe Maxence de

Damas de Cormaillon, baron de Damas, 1785–1862), ближайший друг семьи Олениных и близкий ко всем собиравшимся у них литераторам, получил свою последнюю русскую награду за взятие Парижа, но затем, с одобрения царя Александра, перешел на службу к Бурбонам⁴⁶. Барон Дамас был хорошо знаком обоим католическим священникам, которые больше всего сделали для русского католичества в то время, — о. Розавену, его учителю философии, и аббату Сюрюгу.

Французские революционеры создавали культ «родины» (*patrie*, по-русски в XVIII–XIX вв. обычно говорили «отечество», синоним «родина» вырвался по частотности вперед только в советский период) — с многочисленными праздниками и ритуалами, вовлекавшими людей эмоционально. Названием этой революционной родины служило слово «Франция», но фактически обозначавшее не страну в ее дореволюционных географических границах, а революционную власть, которая должна была из этой страны распространяться по всему миру. Термидорианский Конвент в этом отношении не только сохранил идеологию казненных им якобинцев, но и нашел для нее предельно ясную формулировку: *Le citoyen appartient à la patrie* — «Гражданин принадлежит отечеству»⁴⁷. В историческом контексте это означало «гражданин принадлежит государственной власти». Разумеется, христиане, которые считали, что они принадлежат только небесному отечеству, не спешили с этим соглашаться. Простые деревенские люди, поднявшие восстание в Вандее, с готовностью говорили в ответ: *Nous ne sommes pas des patriotes* («мы не патриоты»), имея в виду, что для них важнее всего — верность отечеству небесному⁴⁸. После наполеоновских войн во Франции, как и в России будет формироваться новый патриотизм — с религиозной верой в особую миссию собственного народа.

Княгиня де Тарант

⁴⁶ Ср.: Заборов 1998.

⁴⁷ Гражданский кодекс, принятый 9 сентября 1794 г., титул I, статья IV; цит. по: de Viguerie 2003: 115 (ср. de Viguerie 2003: 82–115).

⁴⁸ Gabory 2015: 14.

В доме Варвары Николаевны Головиной жила еще одна эмигрантка, прибывшая в Россию по приглашению императора Павла в 1797 г. но, в самом буквальном смысле слова, не пришедшая ко двору и через шесть дней его покинувшая, — княгиня Тарантская (Луиза Эммануиловна де Тарант, Louise-Emmanuelle, princesse de Tarente, урожд. de Châtillon, 1763–1814); счет дням своего пребывания при дворе с воскресенья по пятницу она приводит в письме к своему супругу, Шарлю де Ла Тремойлю (Charles Bretagne Marie de La Trémoille, 1764–1839), от 20 марта 1798 г.⁴⁹ Для Головиной и ее родственников она станет любимым членом семьи, для обеих дочерей Головиной (также перешедших в католичество) еще одной матерью, а для нее самой Головина станет самой близкой подругой. Обращение в католичество как Головиной, так и ее дочерей не удается датировать точно, но дата около 1800 г. выглядит наиболее естественной: их общение с де Тарант уже к 1801 г. (о чем можно судить по переписке) приобрело характер глубочайшего единодушия, а это косвенно свидетельствует и о единстве веры.

Вряд ли следует верить поздним воспоминаниям дочери Головиной Прасковьи (в замужестве Фредро, 1790–после 1866), что первой в семье в католичество обратилась она и только в 1814 г., причем, без всякого внешнего влияния и уже после смерти княгини де Тарант, а мать и сестра Елизавета (в замужестве Потоцкая, 1795–1867) обратились лишь вслед за ней; эти воспоминания в целом отрицают, вопреки всем остальным свидетельствам, влияние католиков иностранного происхождения на обращение русских в католичество⁵⁰.

При всех разлуках мадам де Тарант писала к Головиной подробнейшие письма, и из этого корпуса, составляющего более 400 листов, пока что изданы только семь писем⁵¹. К концу жизни

⁴⁹ de Tarente 1901: 221.

⁵⁰ См. издание фрагмента ее неизданных мемуаров: Gretchanaïa 2005: 147.

⁵¹ Gretchanaïa 2007. из этих семи три были изданы раньше в: Гречаная 2002.

мадам де Тарант петербургские католики почитали ее во святых, и причины у них для этого были.

Мадам де Тарант была придворной дамой Марии–Антуанетты, абсолютно ей преданной и ставившей обязанности перед своей королевой не только выше обязанностей по отношению к семье, – хотя королева пыталась внушить ей обратное, – но даже выше приказаний самой королевы. Поэтому она сознательно и даже довольно грубо нарушила запрет королевы оставаться с ней после перевода королевской семьи из Версаля в Париж под домашний арест во дворец Тюильри. Она находилась во дворце во время штурма 10 августа 1792 г. и своей отчаянной храбростью спасла фрейлин, выйдя навстречу вооруженной толпе, ворвавшейся во дворец. В последовавшие недели ей неоднократно пригодились это умение останавливать врага несколькими словами и уверенным взглядом, как бы ни было ей страшно внутренне. Из дворца она вышла с молоденькой фрейлиной Полиной де Турзель (Pauline de Tourzel, в замужестве графиня de Béarn, 1771–1839), которую ее мать — воспитательница королевских детей Луиза–Елизавета де Турзель (Louise–Élisabeth de Tourzel, 1749–1832), – вверила попечению княгини перед тем как самой последовать с королевской семьей в тюрьму. Дамы не успели далеко отойти, как на них с разных сторон напали две вооруженные группы, сразу определившие, откуда они вышли. Мадам де Тарант опять применила свое умение разговаривать с врагом лицом к лицу, и дело кончилось тем, что их доставили в отделение национальной гвардии, начальник которого их позже отпустил тайком от толпы. О решительном моменте переговоров княгиня написала лишь одно предложение: *J'eus à peine le temps de me demander ce qu'il fallait faire; heureusement on se mit à parler et nous fûmes sauvées*⁵². Издатель ее мемуаров – сын от третьего брака ее бывшего мужа, известный архивист и библиофил Луи–Шарль де Ла Тремойль (Louis–Charles de La Trémoille, 1838–1911), – восполняет ее скромное умолчание на основании позднейшего рассказа Полины де Турзель (очевидно, устного и передававшегося в семье): *Lorsqu'elles furent couchées en joue, Madame de Tarente se*

⁵² de Tarente 1901: 76; «У меня почти не было времени, чтобы подумать, что нужно делать; по счастью, начались переговоры, и мы были спасены».

*plaza devant sa jeune compagne et dit à ces monstres: « Ménagez cette jeune personne qui m'a été confiée par sa mère; tirez sur moi »*⁵³. Описание этих событий попало также в письмо Полины к сестре, которое ее мать включила в свои мемуары, но там по поводу этой сцены сказано лишь, что *Madame de Tarente parla à la multitude, et obtint que, sous escorte, nous serions conduites au district*⁵⁴.

Во время сентябрьских массовых убийств 1792 г. мадам де Тарант была арестована и освободилась лишь чудом, но и это бы не спасло ей жизнь, если бы не эмиграция в Англию, на которой настояли друзья, и которая далеко не была ни легальной, ни безопасной. На сентябрьских допросах от арестованной мадам де Тарант требовали показаний против Марии–Антуанетты, и она их, разумеется, не дала, но тем самым и сделала призрачными шансы на сохранение собственной жизни. Протоколы допросов, которые она приводит в своих мемуарах, отличаются точностью понимания того, с кем она имеет дело: несмотря на все настояния следователей, она не назвала ни одного имени тех, с кем встречалась у королевы. Так она безошибочно почувствовала важнейшее правило всех тех, кто сталкивается с кривосудием: никогда не называть новых имен, чтобы не давать лишних поводов расширять круг привлеченных по делу.

Супруг ее тем временем сражался против революции в рядах разных армий — сначала принца Конде, потом австрийской, потом неаполитанской (на службе королевы Обеих Сицилий Марии Каролины, старшей сестры Марии–Антуанетты, на пенсию от которой мадам де Тарант жила в Англии). Супруги не виделись, кроме небольшого времени в Лондоне около 1795 г., но, судя по переписке, сохраняли добрые отношения и предполагали воссоединиться. Их единственный ребенок, Шарлотта, умерла еще в 1791 г. на третьем году жизни. Однако не позднее 1801 г. отношения были разорваны окончательно; как можно догады-

⁵³ De Tarente 1901: 76, n. 1; «Когда в них прицелились, мадам де Тарант заслонила собой свою юную спутницу и сказала этим чудовищам: “Оставьте в покое эту юную особу, которая мне вверена ее матерью; стреляйте в меня”».

⁵⁴ de Tourzel 1893: II, 282; «Мадам де Тарант стала говорить с толпой и добилась, чтобы под конвоем мы были препровождены в участок».

ваться по недавно опубликованному письму к В. Н. Головиной от 21 октября / 2 ноября 1801 г.⁵⁵, мадам де Тарант узнала об изменах мужа и больше не пожелала его видеть.

В России она собиралась провести один год, и ехала только ради лишенной средств к существованию семьи своей сестры, которую ей разрешили взять с собой для поступления мужа сестры на русскую службу; сама она могла обеспеченно жить дальше в Англии или приехать к неаполитанской королеве. Но возвратиться во Францию она не могла, несмотря на всю привязанность к остававшейся там матери (Адриенне Леблан, герцогине де Лавальер; Adrienne Emilie Félicité de La Baume Le Blanc, duchesse de La Vallière, 1740–1812). Об этом она писала мужу 31 января 1797 г.: *la seule chose qui balance dans mon cœur l'envie que j'ai d'aller en France est l'horreur d'habiter un pays où il a été commis tant de crimes, une ville qui a vu tranquillement périr un Roi, une Reine, leur famille, et des centaines de gens vertueux et bons; la pensée de respirer l'air empesté par le crime, où le crime seul est heureux, soulève mon cœur et m'ôte tout courage*⁵⁶. Она все-таки поехала во Францию в 1801 г. – в основном, ради матери – и пробыла там до 1804 г. (последние месяцы – уже вместе с приехавшей к ней В. Н. Головиной), но лишь для того, чтобы окончательно понять, что теперь ее родина – Россия. В письмах Головиной из Парижа она пользуется параллельными датами по-старому и новому стилю, поздравляет с Пасхой словами *Christos vos cress!* (в неизд. письме на православную Пасху 13/25 апреля 1802 г., которая в том году была на неделю позже католической⁵⁷), одевается и держится в Париже как русская и, что уж совсем необычно, тоскует по петербургским

⁵⁵ Gretchanaïa 2007: 176–179.

⁵⁶ de Tarente 1901: 211; «единственное, что уравнивает в моем сердце желание поехать во Францию, это ужас от обитания в стране, где совершено столько преступлений, в городе, которой спокойно взирал на гибель Короля, Королевы, их семьи и сотен праведных и добрых людей; мысль о том, чтобы вдыхать воздух, зараженный преступлением, где счастливо только преступление, возмущает мое сердце и отнимает у меня всякую решимость».

⁵⁷ Цит. по: Gretchanaïa 2007: 168; благодарю Е.П. Гречаную за возможность обратиться к рукописи.

зимам: *Ah! Comme je regrette votre hiver* («Ах, как я скучаю по вашей зиме»), — пишет она Головиной в Петербург⁵⁸.

О том, что значила в жизни русских католиков мадам де Тарант, сохранилось своеобразное свидетельство человека, чья собственная жизнь была не просто далека от католичества, но строилась во всех отношениях противоположно какой бы то ни было христианской аскетике, — Михаила Дмитриевича Бутурлина (1807–1876). Большая часть его семьи, включая мать Анну Артемьевну, урожд. Воронцову (1777–1854) и тетю, родную сестру матери Марию Артемьевну (1776–1866), перешла в католичество и в 1817 г., после изменения отношения к русским католикам в России, переехала жить во Флоренцию. В свои поздние годы Бутурлин, не переходивший в католичество, вспоминал о флорентийском жилище: «Портрет принц. Тарант со стриженными под гребешок волосами и с оплывшим от жира лицом, всегда висевший в кабинете тетки моей, казался мне пугалом. Кажется, что Римская церковь причислила ее к лику блаженных; я слышал, когда говорили о ней, то ее называли “la bienheureuse princesse de Tarente [блаженная княгиня Тарантская]”». Из рассказов тетки видно, что эта Француженка считалась авторитетом в известном Петербургском женском кругу и помогла, быть может, отступничеству не одной моей тетки, а в числе видных дам и Софьи Петровны Свечиной и графини Ростопчиной»⁵⁹. В этом описании легко узнаётся известный портрет мадам де Тарант. Далекий от христианства по образу жизни, но «верный православию» в смысле нерелигиозном, автор воспоминаний описывает этот портрет в соответствии с известным стихом *Бысть нам на обличение помышлением нашим, и тяжек нам есть и видим* (Притч. 2, 14–15 — даже смотреть на праведника бывает тяжело при некоторых состояниях души). Упомянутая здесь княгиня Ростопчина — Екатерина Петровна, мать графини де Сегюр, о которой мы скажем ниже.

Аббат Адриан Сьюрюг

⁵⁸ Неизд. письмо; цит. по: Gretchanaïa 2007: 164.

⁵⁹ Бутурлин 2006: 1, 69; Бутурлин начал свои воспоминания в 1867 г.

Аббат Адриан Сюрюг (Adrien Surugue или Surrugues, 1753–1812) стал тем человеком, который обратил Екатерину Петровну Ростопчину, а через нее повлиял и едва ли не на всех русских католиков еще на два поколения вперед. Это был один из тех людей, которые передали русскому католицизму дух исповедничества и повседневной готовности к смерти за веру — то главное, чего не могли понять в русских католиках их слабоверующие современники и даже славянофилы. Биографии Сюрюга посвящена брошюра известного архивиста и библиографа Леона Миро (1870–1946), которая содержит немало впервые публикуемых данных, но все же не исчерпывает доступные материалы о Сюрюге как религиозном деятеле⁶⁰.

Аббат Сюрюг принадлежал отнюдь не к иезуитам, но к совершенно другой социальной группе католического духовенства — профессиональным работникам образования, не входившим ни в какие ордена и конгрегации. В начале 1780–х гг. он преподавал в коллегии Св. Варвары (Сент–Барб) при Сорбонне (среди выпускников этого заведения числились, например, Игнатий Лойола и Франциск Ксаверий), где его сослуживцем был знаменитый впоследствии аббат Николь, оставшийся ему другом на всю жизнь. С 1786 г. он возглавил городское училище Тулузы, находившееся в плачевном состоянии, но возродившееся на радость всему городу под его руководством. С этого поста он был изгнан революцией.

Аббат Николь

«Не присягнувшие» французские католические священники потянулись в Россию в качестве домашних учителей. С 1790–х гг. и до конца Александровской эпохи самыми лучшими, но и самыми дорогими учителями считались «аббаты», т.е. католические священники–эмигранты. Эти священники, как правило, были мирскими, т.е. не принадлежали ни к каким орденам и конгрегациям (в русской историографии их часто, но безосновательно называют иезуитами). Одним из первых таких священников стал аббат Николь, выдающийся педагог и теоретик образования (Charle–Dominique Nicolle или Nicole, 1758–1835; встре-

⁶⁰ Mirot 1914.

чающееся в русской историографии отнесение его к иезуитам ошибочно)⁶¹.

Аббат Николь служил воспитателем в семье французского посланника и в Константинополе и одновременно ученого–археолога Огюста де Шуазель–Гуфье (Auguste de Choiseul–Gouffier, 1752–1817). Отказавшись подчиниться Конвенту — новому правительству, учрежденному в результате разгрома защитников Тюильри 10 августа 1792 г., — де Шуазель–Гуфье в 1793 г. эмигрировал в Санкт–Петербург, где стал другом Екатерины II, которая компенсировала ему потерю имений во Франции, наделив его имениями на территории современной Литвы, и был назначен директором Императорских библиотек, став таким образом самым первым директором будущей Публичной библиотеки; шевалье д’Огар станет его помощником.

Аббат Николь прибывает в Петербург с ним вместе. Свой восторг от Петербурга он изливает в письмах к другу и соавтору по былым научным трудам, а также и сотруднику по преподаванию в коллегии Св. Варвары, аббату Николаю–Вильгельму Септаво (Nicolaus–Guillelmus Septavaux, годы жизни неизвестны), которого он в итоге убедил приехать в Петербург работать с ним вместе. Аббата Николя восхищает даже климат, *à la vérité un peu rigoureux* («по правде говоря, немного суровый»), в котором ему довелось уже пережить мороз в 24 или 25 градусов (очевидно, по Реомюру, общепринятой шкале во Франции при Старом Режиме, что соответствует 29–30 градусам мороза по Цельсию), и это оказалось совсем нестрашно (декабрь 1793 г.⁶²). А главный аргумент в пользу переезда в Петербург звучал так: *Tu ne songes donc pas qu’en perdant nos privilèges nous avons aussi perdu le droit de nous effrayer des obstacles* (3 января 1795 г.⁶³).

Несколько петербургских семей попросили разрешения для своих детей воспитываться вместе с сыном Шуазеля–Гуфье, и так в 1794 г. появилось училище аббата Николя, в котором пер-

⁶¹ О нем см., главным образом: Frappaz 1857; ср. также: Ноткина 2007.

⁶² Frappaz 1857: 21.

⁶³ Frappaz 1857: 29–30; «Ты просто не понимаешь, что, потеряв наши привилегии, мы потеряли также право устрашаться препятствий».

воначально училось шестеро воспитанников, а затем число их возросло до 24. В первые же годы это училище, несмотря на высокую плату, стало очень популярным, но лишь в самом высшем слое общества. Так продолжалось до 1804 г., пока аббат Николь не оставил училище (вероятно, по причине какой-то эпидемии, из-за которой ученикам пришлось разъехаться), и без него оно быстро закрылось. Впрочем, к тому времени в Петербурге действовали уже два училища иезуитов. Аббат Николь уехал сначала в Москву, а затем в 1812 г. в Одессу к герцогу Эммануилу Осиповичу де Ришелье (Armand Emmanuel Sophie Septemanie de Vignerot du Plessis, de Richelieu, 1766–1822), где в 1817 г. стал основателем Ришельевского лицея (будущего Новороссийского, позже Одесского университета). В 1820 г. он отказался от руководства лицеем и покинул Россию, и вслед за ним уволились многие преподаватели. Это событие не имело прямой связи с изгнанием иезуитов из России, т.к. иезуиты в Ришельевском лицее не преподавали; связь тут была косвенной, и она состояла в том, что князь А. Н. Голицын и его «Библейские общества» занимались монополизацией системы образования и изгнанием любых конкурентов, не только иезуитов, и программа «Библейских обществ» была навязана лицеем⁶⁴. За оставшиеся ему 15 лет жизни Николь успеет немало сделать для образования во Франции.

Аббат Сюрюг в России

Насколько аббат Николь был причастен к переезду в Россию аббата Сюрюга, мы не знаем, но естественно предполагать, что без его участия не обошлось, т.к. два аббата оставались друзьями. Но, вероятно, были и другие причины. Покинув Францию в 1792 г., Сюрюг обосновался в городе Пильтен (совр. Пильтене в Латвии), тогда в составе Речи Посполитой, где служил священником. Никакие подробности нам неизвестны. Но в 1795 г., вследствие Третьего раздела Польши, Пильтен отходит к России, а уже в 1796 г. Сюрюг поступает воспитателем в семью Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (собирателя древностей, владельца единственной рукописи «Слова о полку Игореве», сгоревшей

⁶⁴ См.: Frappaz 1857: 137–154.

в пожаре Москвы; 1744–1817), где проведет в этой должности 12 лет и успеет стать, фактически, членом семьи (*une maison où je me trouvois comme dans ma propre famille* «дом, где я находился как в своей собственной семье», — из письма Сюрюга племяннику, Моро де Шарни (очевидно, что речь идет о директоре училища, или колледжа в Кламси, родном городе аббата Сюрюга, — François Edme-Julien Moreau de Charny), от 21 февраля 1809 г.⁶⁵). С этой семьей в 1801 г. он переедет в Москву и покинет ее лишь в 1808 г., только подчиняясь церковной необходимости: ему придется взять на себя настоятельство над едва сводившим концы с концами московским католическим приходом Св. Людовика⁶⁶. Ему удалось возродить приход и сохранить его во время пожара Москвы и французской оккупации. В отношениях с оккупационными властями он вел себя корректно, но не допуская никакого с ними дружественного сближения и не скрывая своих симпатий даже к самому графу Ростопчину. В письме к аббату Николу от 10 ноября 1812 г. он подробно рассказывает о своем допросе у оккупационного коменданта Москвы по поводу своих связей с Ростопчиным (причем, он не только характеризует Ростопчина как благороднейшего человека, но и говорит о пожаре Москвы как о разумной мере, которую Ростопчин посчитал необходимой для защиты своей страны от неприятеля), а также упоминает о том, что он не принял приглашения на обед к Наполеону. В том же письме он пересказывает свой ответ одному из оккупантов, который интересовался судьбой барона де Дамаса: *j'ai lui repondu qu'il jouissait de la plus belle fortune qu'un homme d'honneur puisse desirer; l'estime et la vénération de ses justiciables, et la confiance affectueuse du Souverain*⁶⁷. Из этого эмоционального ответа видно, что, скорее всего, барон Дамас был ему знаком лично.

⁶⁵ Mirot 1914: 22.

⁶⁶ О становлении этого прихода как именно французского см.: Rjéoutski 2000.

⁶⁷ Frappaz 1857: 77–91 (90–91; «я ему ответил, что он наслаждается самой прекрасной судьбой, которую только может желать человек чести, — уважением и почитанием от своих подчиненных и благосклонным доверием Самодержца»).

Вскоре после освобождения Москвы, 21 декабря 1812 г. (ст. ст.), аббат Сюрюг умер. Два альтернативных рассказа об обстоятельствах его смерти сходятся в том, что он погиб при исполнении пастырского долга, — то ли заразившись чем-то от французских раненых и больных, которых он посещал в госпитале, то ли будучи ограбленным и избитым по пути на кладбище, где он должен был хоронить кого-то из них. При этом французскую армию он считал вражеской и безбожной. Относительно религиозности наполеоновских солдат он приводит характерную статистику в своем письме другу, иезуиту о. Буве (Bouvet, о его личности ничего неизвестно), от 19 октября 1812 г. и заключает: *Du reste, la religion pour eux n'est qu'un mot vide de sens* «Впрочем, религия для них — это пустое слово, лишенное смысла»⁶⁸. Тем не менее, оккупанты относились к нему с уважением. Ему предлагали уйти из Москвы с французами, на что он ответил с предельной для такого случая прямоотой: *Je leur ai répondu que les mêmes principes qui m'avaient éloigné de ma patrie, me retenaient à Moscou*⁶⁹. — То есть религиозное неприятие революционной Франции действует и в отношении Франции наполеоновской, которая хочет выглядеть респектабельно, но не изменила своей революционной сути. При этом Сюрюг делал абсолютно всё возможное священнику ради тех людей, которых считал врагами, будь то во время оккупации или после освобождения Москвы. Он не проводил различия между прихожанами в зависимости от стороны, которую они занимали в войне.

Аббат Сюрюг как исповедник христианства

Несколько сцен из жизни аббата Сюрюга характеризуют также и тот дух, в котором он воспитывал русских католиков. Революция не сразу дала себя почувствовать в Тулузе, где Сюрюг служил директором государственного учебного заведения. Духовенство, которое не совершало публичных богослужений, а занималось, как Сюрюг, светской работой,

⁶⁸ Surugue 1823: 11.

⁶⁹ Письмо аббату Буве от 8 ноября 1812 г. — Surugue 1823: 46 («Я им ответил, что те же самые принципы, которые меня удалили от моего отечества, удерживают меня в Москве»).

могло до поры до времени игнорировать присягу «Гражданскому устройству духовенства». Но на Сюрюга донесли городским властям те из его подчиненных, которым не нравились его реформы. Городские власти очень ценили Сюрюга и были на его стороне, но теперь уже не могли не устроить формального разбирательства, протокол которого сохранился в архиве. 12 мая 1791 г. Сюрюгу был дан срок до 31 мая исполнить требование «закона», на что он, — говорится в протоколе, — *déclara «qu'après avoir cherché à s'éclairer sur ses véritables devoirs, en qualité de citoyen et d'ecclésiastique, il avait reconnu que le serment civique sur la constitution civile du clergé était incompatible avec ses principes religieux et qu'il persistait dans son refus»*⁷⁰. Составив такой обвинительный протокол, власти положили его под сукно, а Сюрюг так и остался директором училища. Однако уже осенью вторая волна скандала достигла более высокого уровня, и Сюрюгу пришлось уволиться, — к сожалению, и его собственному, и городской администрации. Его прощальная речь также сохранилась в архиве⁷¹:

<...> Si je n'avais écouté que des motifs humains, j'aurais pu échapper au glaive de la loi, mais un intérêt plus puissant agira toujours sur mon âme. On n'est pas digne d'occuper une place quand on croit pouvoir la remplir contre le cri de sa conscience. J'ay prouvé par mes actions que le vrai patriotisme n'est point incompatible avec les devoirs que la religion impose; je n'ai

Если бы я слушал только человеческие побуждения, я бы смог избежать меча закона, но моя душа всегда будет увлечена более могущественной потребностью. Недостойно занимать место тот, кто полагает обеспечить его себе против вопля собственной совести. Я доказал собственными делами, что истинный патриотизм отнюдь не несовместим с обязанностями, налагаемыми

⁷⁰ Mirot 1914: 8; «...заявил, “что, взыскав просвещения [тут подразумевается духовный поиск, особенно молитва] относительно своих истинных обязанностей как гражданина и духовного лица, он признал, что гражданская клятва на гражданском устройстве духовенства несовместима с его религиозными принципами, и что он упорствует в своем отказе”».

⁷¹ Mirot 1914: 9.

Как видим, Сюрюга обвиняли в непатриотизме — характерный для революционных властей способ обвинять тех, кто не хотел им служить.

После увольнения Сюрюг вернулся в свой родной город Кламси, где оказался в прямой опасности от самого главного местного революционера — Биаса Парана (Étienne Jean-François Parent, 1754–1802; в 1793 г. он, следуя революционной моде на античные имена, принял имя Bias в честь одного из знаменитых «семи мудрецов» Древней Греции, Бианта)⁷².

В 1783 г. старший брат Сюрюга уступил свое место приходского священника (кюре) в Риксе (Rix) будущему ренегату. Долг благодарности перед семьей Сюрюга трансформировался у Парана в особенную ненависть. На месте кюре в Риксе Паран возглавил революционное духовенство области, делая при этом и светскую карьеру. В 1793 г. он был первым из «присягнувших» священников, который женился; венчал его другой «присягнувший» священник. Вскоре всех священников стали обязывать жениться или взять приемного ребенка, а Паран руководил этим процессом в местных масштабах. В том же году он получил титул «апостола Свободы» и фактический статус регионального диктатора. Он стал творчески насаждать революционный культ Разума и проводить «дехристианизацию» (термин тех лет). Правда, с окончанием якобинской диктатуры в 1794 г. он был арестован, хотя и освобожден по амнистии 1795 г. еще прежде приговора суда и умер своей смертью.

В 1794 г., когда Сюрюг уже был за границей, Паран в собственноручном списке подозрительных лиц дает ему следующую аттестацию: *Surugue, ex-prêtre, astucieux, présomptueux, a colporté des bulles du pape et autres écrits incendiaires*⁷³. «Бывший» — потому что «не присягнувшие» священники лишись государственного признания своего сана.

Записки Сюрюга о московском пожаре, помимо желания автора, показывают его место в гуще событий. Церковь Св. Лю-

⁷² Об этом деятеле якобинского террора основной работой остается Mirot 1927; ср.: Colin 1988.

⁷³ Mirot 1914: 12; «Сюрюг, бывший священник, коварный, надменный, распространял папские буллы и другие разжигательные писания».

довика оказалась на островке, пожаром не тронутым, и туда стекались всевозможные беженцы, особенно римско-католического вероисповедания. Оккупационные власти приставили к нему военную охрану, и это давало защиту от мародеров. Когда те же власти захотели из мести за пожар сжечь оказавшийся рядом, на том же островке дом московского губернатора Ф. В. Ростопчина, Сюрюгу удалось уговорить их отказаться от этого, сказав, что тогда не стоит охранять церковь, которая в этом случае неизбежно сгорит.

Однако Сюрюг не рассказывает об эпизоде, который сообщает нам очевидица — игравшая с 1806 г. в московском театре французская актриса Луиза Фюзиль (Louise Fusil, урожд. Fleury, 1771/1774–1848) в своих «Воспоминаниях одной актрисы»⁷⁴:

On a écrit beaucoup d'ouvrages sur l'incendie de Moscou. Les particularités qu'on y trouve sur ce qui s'est passé dans l'intérieur de la ville, depuis le départ des Russes jusqu'à l'entrée des Français sont généralement inexactes. Les étrangers renfermés dans Moscou ont pu seuls en parler avec connaissance de cause. Celui qui a donné les détails les plus intéressants, c'est l'abbé Surrugue, curé de l'église catholique. Sa modestie lui a fait passer sous silence tout le bien qu'il a fait aux malheureux. Je me fais un devoir de le rappeler ici:

L'enceinte de l'église formait un terrain assez spacieux, qui était rempli de petites maisons en bois, où les étrangers, peu fortunés, trou-

Много трудов написано о пожаре Москвы. Подробности, которые в них находятся относительно происходившего в городе после ухода русских до входа французов, обыкновенно неточные. Одни лишь запертые в Москве иностранцы смогли о них говорить со знанием дела. Самые интересные обстоятельства привел аббат Сюррюг, священник католической церкви. Его скромность заставила его обойти молчанием все то добро, которое он делал несчастным. Я считаю своим долгом напомнить это здесь:

Церковная ограда образовывала довольно обширное пространство, которое было заполнено маленькими деревянными

⁷⁴ Fusile 1841: 2, 289–290.

Обращение в католичество «одной русской дамы»

Характер духовного руководства аббата Сюрюга можно отчасти узнать из его переписки с неизвестной нам девушкой из московской аристократии, которая присоединилась к Католической церкви в марте 1812 г., что стало итогом пути, начатого осенью 1810 г. Ее подробный рассказ об этом, включающий копии писем, был ею составлен в январе 1813 г. в Ярославле для потомков. Каким-то путем ее рукопись попала в руки И.С. Гагарину, который издал ее в 1862 г., выразив надежду, что вскоре кто-нибудь сможет идентифицировать автора (Гагарин издал книгу под тем названием, которое она имела в полученной им рукописи, — «Обращение одной русской дамы в католическую веру, рассказанное ею самой»⁷⁵). Но этого не произошло даже тогда, когда, независимо от издания Гагарина, в 1865 г. в Безансоне была издана другая, но почти тождественная рукопись того же рассказа (самое заметное отличие — фамилия Сюрюга написана полностью, а не одним инициалом, как в рукописи Гагарина), причем, издатель (известный в Безансоне светский литератор Адриен Бёк (Adrien Beuque, 1789–1871)), сообщал, что публикует текст, хранившийся в семье и переданный ему дочерью покойной; он издал его под оригинальным названием — «История моего обращения в католическую веру», — а также указал инициал фамилии автора (очевидно, в замужестве): *Histoire de ma conversion à la foi catholique, par Madame L****. [Éd. Adrien Beuque]. Besançon: J. Jacquin, 1865. Очевидно, после обращения в католичество барышня вышла замуж за католика, с которым уехала во Францию и завершила свои дни в Безансоне. Сама она сообщает о себе, что ее отец — русский и православный, а мать — француженка и католичка. Несмотря на необычность такого сочетания для высшего общества Москвы около 1810 г., идентифицировать автора не удастся⁷⁶. Новообращенная выполнила

⁷⁵ Conversion d'une dame russe... 1862. Предисловие Гагарина и издание рукописи занимают сс. 1–95; остальное — различные приложения, включая оба упомянутых выше письма Ж. де Местра о различии между католичеством и православием.

⁷⁶ См. о неудачных попытках это сделать: Niqueux 2010.

указание аббата Сюрюга хранить свое католичество в тайне, по крайней мере, до смерти ее отца. Поскольку и автор «Истории», и ее дочь, мадам R..., были хорошо знакомы Бёку⁷⁷, остается надежда, что в его личных архивных материалах когда-нибудь будет обнаружен ключ к загадке анонима. Автор «Истории» при рождении была записана в православие, исполняла обряды, но ничего толком не знала о вере, и ей не хватало знания русского языка, чтобы рассказать о своих грехах на исповеди. Все книги, которые были ей доступны для удовлетворения своих религиозных интересов, были на французском языке.

Ответ Сюрюга на первое письмо барышни был настолько отвлеченным, что произвел на нее «ужасающее» впечатление и едва не отвратил от идеи перехода в католичество. Сюрюг писал, что для успеха в ее прекрасном намерении он пока не может ей посоветовать ничего, кроме как продолжать молиться. Уже через год, когда их общение наладилось, Сюрюг объяснил ей, что к юношескому порыву нельзя было отнестись без скепсиса⁷⁸. Этот скепсис барышня преодолела своим незаурядным терпением и упорством. Перед принятием в католичество Сюрюг очень ясно и подробно разъяснил ей, что, хотя ей предстоит вести жизнь тайных учеников вроде Никодима и Иосифа Аримафейского, она не будет иметь права уклониться от прямого вопроса о ее вере, даже под угрозой смерти⁷⁹. Перед совершением необратимого поступка он еще спросил ее: *Vous sentez-vous la force, le courage nécessaires pour souffrir tout ce qui pourra en être la suite?* («Ощущаете ли Вы силу, мужество, необходимые для того, чтобы перенести все возможные последствия?»), — на что она ответила, что *par la grâce du Seigneur, j'espérais triompher de tous les obstacles* (“благодатию Господней, я надеюсь

⁷⁷ Histoire de ma conversion... 1865: IX.

⁷⁸ Conversion d'une dame russe... 1862: 67; Histoire de ma conversion... 1865: 42.

⁷⁹ Conversion d'une dame russe... 1862: 61–62 (Histoire de ma conversion... 1865: 37–39).

восторжествовать над всеми препонами»)⁸⁰. В этом ответе главным было возложение надежды на Бога, а не на свои силы.

Обращение в католичество Е.П. Ростопчиной

В 1806 г. под влиянием аббата Сюрюга и с его непосредственным участием завершился переход в католичество Екатерины Петровны Ростопчиной (1776–1859), еще одной из сестер Протасовых, которая приняла католичество; всех сестер было пять, а католичество приняли четыре из них, начиная с Александры, в замужестве Голицыной, о которой говорилось выше. В отношении графини Ростопчиной аббат Сюрюг завершил то, что было начато ее сестрой Александрой и кругом петербургских католиков в доме В. Н. Головиной, включая шевалье д'Огара и княгиню де Тарант.

Аббат Сюрюг раз в неделю вместе с другими гостями обедал у Ростопчиных, а затем под видом послеобеденного моциона принимал исповедь у хозяйки дома. При этом он передавал ей дароносицу с семью гостиями, чтобы она всю неделю могла причащаться ежедневно в часовне, которую она сделала в собственной спальне. Рассказы об этом сохранились в католической ветви семьи и были записаны внуком четы Ростопчиных, сыном графини Софии де Сегюр (ставшей знаменитой французской детской писательницей) Анатолием (Anatole-Henri-Philippe, marquis de Ségur, 1823–1902), французским литератором и историком—популяризатором⁸¹.

Аббат настаивал на совершенной тайне, но в 1812 г. графиня не выдержала и открылась мужу. В католической ветви семьи сохранялось предание о том, что муж переживал восемь дней, но потом назвал это «волей Божией»; подобным же образом он, якобы, поступил в 1816 г., узнав об обращении дочери Софии⁸². Это не соответствует документам, согласно которым Ростопчин за несколько дней до кончины написал

⁸⁰ Conversion d'une dame russe... 1862: 67 (Histoire de ma conversion... 1865: 42).

⁸¹ de Ségur 1871: 161–162.

⁸² de Ségur 1871: 162–163.

новое завещание, почти полностью лишив жену наследства (по завещанию 1811 г. он оставлял жене все, что имел), позаботился о том, чтобы не дать жене доступа к его бумагам, а также лишил ее права опекуна над несовершеннолетним сыном Андреем, будущим мужем Евдокии Ростопчиной⁸³. Видимо, письмо аббата Сюрюга от ноября 1812 г. к неизвестному нам иезуиту (в Петербург?) лучше передает события: *La comtesse Rostopchin, malgré ma défense sévère et toutes mes admonestations, communiqua le secret à son mari. Vous pouvez vous figurer comment il reçut une ouverture pareille; il lui dit: «Tu as fait une action infâme.» Quand je la revis deux jours plus tard, je fus tout stupéfait en apprenant cette conduite irréfléchie. J'eus l'occasion après cela d'avoir une audience du comte, mais il me jeta un regard furibond et me tourna le dos*⁸⁴. Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) написал процитированную сейчас книгу по материалам, которые были ему доступны в пору работы в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (1848–1858), надеясь обосновать с ее помощью свои притязания на должность обер-прокурора Синода, которую он и получил в 1865 г.; книга написана в публицистическом, а не научном стиле и не содержит точных ссылок на источники. Можно, однако, предполагать, что Толстой использовал конфискованный в 1815 г. архив петербургских иезуитов, в котором и сохранилось письмо Сюрюга.

Ф.В. Ростопчин не имел никаких возражений против католичества как религии, но считал все религии равноценными, а поэтому выход из православия был для него оскорбителен как унижение родной религии перед иностранной. Собственно, религиозные взгляды Ростопчина постарался изложить дословно его близкий друг Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863),

⁸³ Мещерякова 2007: 220–221.

⁸⁴ Tolstoy 1864: 2, 196–197; «Графиня Ростопчина, несмотря на мой строгий запрет и все мои увещания, сообщила секрет своему мужу. Можете себе представить, как он воспринял подобную откровенность; он ей сказал: “Ты совершила бесчестный поступок”. Когда я ее увидел два дня спустя, я совершенно ошеломлен, узнав о таком необдуманном поведении. После этого у меня был случай иметь аудиенцию у графа, но он бросил на меня яростный взгляд и развернулся ко мне спиной».

дипломат, бытописатель своей эпохи (в основном, в своей обширнейшей переписке) и многолетний московский почт-директор. Соответствующий монолог Ростопчина относится к 1815–1816 гг., судя по упоминанию в нем С. П. Свечиной как уже католички, но еще живущей в Москве. Обращения в католичество Ростопчин назвал очередным модным поветрием, пришедшим на смену мартинизму и вскружившим голову русским дамам. Влияние его так сильно благодаря французским аббатам, которые выигрывают в манерах и образованности у русских священников. Система воспитания детей нашей аристократии аббатами в этом смысле имеет очевидную опасность, и я не понимаю, *comment on ne pense pas à cela sérieusement* («почему об этом не задумываются всерьез»). «Аббаты» разрушают любовь к отечеству, представляя его погруженным в невежество, и тем самым исподволь подготавливают к перемене религии, — <...> *comme si nous autres, pauvres, soi-disant schismatiques, nous n'étions pas des chrétiens comme les catholiques? Croyez en Dieu, adorez le, aimez votre prochain, marchez dans le sentier de la vertu: voilà je pense ce que doit être la base de toutes les religions. Ce que je déteste dans les catholiques, c'est leur fanatisme et leur intolérance; c'est ce qui a engendré les luthériens, les protestants, les calvinistes et les différents schismes dans la chrétienté. Je pense que Dieu s'embarrasse fort peu de nos croyances religieuses et regarde de plus près à nos actions. Il y aura des turcs, des arabes, des sauvages dans le paradis et des catholiques dans l'enfer. Tachons de nous rencontrer, Vous et moi, dans le séjour des bienheureux, et cela sans recourir à la protection du Pape.* Булгаков сопровождает французские пассажи собственным переводом, но очень свободным; мы его процитируем, заключая в <угловые скобки> добавленное Булгаковым и прибавляя в [квадратных скобках] им пропущенное: «Как будто мы, <православные греко-россияне,> [бедные, так называемые раскольники] не такие же христиане, как католики? Веруй в Бога, молись ему, люби ближнего, <как себя>, живи честно [*в оригинале* следуй стезею добродетели]: вот, по-моему, что должно служить основанием всех религий. Я всегда ненавидел гонения [*в оригинале* фанатизм] и нетерпимость католиков. От этого возродились лютеране, протестанты, кальвинисты и все расколы, которые мы видим в христианстве. Мне кажется, что Всевышний не озабочивается

нашими вероисповеданиями, а более разбирает нашу <жизнь> и деяния. Будут и турки [и арабы, и дикари] в раю, и католики в аду. Дай Бог вам и мне встретиться в царстве небесном [*в оригинале* в селении праведных] и вникнуть туда без протекции папы римского»⁸⁵.

Сам А.Я. Булгаков был таких же религиозных взглядов, как его друг, но с тем отличием, что почти открыто вел промискуитетный образ жизни. Об этом нужно упомянуть, поскольку и аскетизм, и его крайняя противоположность являются важнейшим и даже самым первым выражением реальной религиозной веры человека. Исторически промискуитетное поведение (*libertinage*) в атеизме и деизме XVII–XVIII вв. выполняло функцию такой же несущей конструкции для мировоззрения, отвечавшей за соответствие мировоззрения и жизни, как аскетика в христианстве⁸⁶.

Своему другу Федору Васильевичу Булгаков был предан беззаветно, а жену его не жаловал, особенно после кончины друга: «...я ей сказал, что будут Католики и в аду, и Греки в раю: спастись можно во всех исповедованиях» (письмо брату, Константину Яковлевичу (1783–1835), от 20 января 1826 г.)⁸⁷. Развернутую характеристику Е.П. Ростопчиной Булгаков дает в письме к брату от 29 января 1826 г.: «Бедный граф был совершенный мученик этой капризницы. Всякий день она причащается, что даже и грешно, мне кажется (а аббат Мальзерб говорил: *on ne pouvait pas le refuser à la comtesse, car elle est la bienfaitrice de notre église* [невозможно запретить это графине, *потому что* она *благодетельница* нашей церкви <*подчеркнуто автором*>)], всякий день дает она кирке 25 р. Христианка, а не заставила себя

⁸⁵ Воспоминания Булгакова впервые издал выдающийся русский археограф Семен Осипович Долгов (1857–1925): Булгаков 1904: 105–106; новейшее переиздание сделано по рукописи без учета издания Долгова, по сравнению с которым прибавлены минимальные примечания и ошибки во французском: Петров, Фалалеева 2011.

⁸⁶ См. об этом, в связи именно с религиозными взглядами, ставшую научной классикой антологию Антуана Адама: Adam 1964; ср. также: Wellman 1992.

⁸⁷ Булгаков 19016: 347; издание Бартенева остается единственным, пригодным для научных целей, т.к. его перепечатка в: Булгаковы 2010, почти всюду заменяет французские тексты переводами.

любить ни мужем, ни детьми, ни родными, ни знакомыми. Лучше делать счастье всех нас окружающих, нежели ругать всех, учить, проповедывать, все хулить, все порочить. Я, право, уверен, что она помешана: целый век утверждает софизмы и парадоксы. Заметь, что все наши Католички таковы»⁸⁸. Булгаков не пересекался с кругом близких друзей и католических родственников Ростопчиной, которые воспринимали ее иначе, чем и объясняется его категоричность. Ежедневное причастие для тех русских, которые с трудом причащались раз в году (для нахождения на государственной службе лицу православного вероисповедания было необходимо представлять ежегодно справку о причастии), выглядело чем-то запредельным. Аббат «Мальзерб» (Булгаков постоянно путает его фамилию: правильно было бы «Мальгерб», как тогда писали в России фамилию Malherbe; Булгаков подразумевает другую фамилию, Malesherbe) – священник Антуан де Малерб (Antoine de Malherbe), при Старом Режиме довольно высокопоставленный священнослужитель во Франции, затем эмигрант, служил священником в церкви Св. Людовика еще при аббате Сюрюге, а после его смерти стал настоятелем, оставаясь на этом посту до своей кончины в 1828 г. в возрасте 84 лет⁸⁹. Булгаков часто ругается на него в письмах к брату, приписывая старцу на девятом десятке «развращенность», обвинения в которой звучат особенно нелепо именно из его уст («Этот Мальзерб, самый развращенный человек, живет публично с одною содержательницею пансиона, от коей имеет детей; но ослепление графини таково, что она ему повинуетя, как невольник своему хозяину»⁹⁰; аббат Малерб при своем настоятельстве открыл при приходе богадельню Св. Дарии, чем, возможно, и подал повод ищущим повода).

«Верность православию», распространенная в высшем свете, была настолько свободна от религиозного содержания, что легко сочеталась не только с моралистической верой Ростопчина, но и с аморалистическим деизмом Бутурлина, с моралистическим, но промискуитетным христианством Булгакова, с вне-

⁸⁸ Булгаков 1901б: 352.

⁸⁹ La paroisse St Louis–des–Français de Moscou 1891: 6–7.

⁹⁰ Письмо брату от 22 мая 1826 г.; Булгаков 1901б: 387.

конфессиональной мистикой А.Н. Голицына и с атеизмом многих других людей высшего света. Любая отчетливо конфессиональная религиозная позиция, даже православная, приходила с нею в конфликт. Это испытают на себе Игнатий Брянчанинов и Хомяков, но еще раньше это испытали на себе русские католики. В своей собственной среде — русской аристократии — русские католики стали первыми верующими в каком-либо церковном и догматическом смысле этого слова. Их самосознание хорошо выражает дневниковая запись Е.П. Ростопчиной (к сожалению, известная нам только по отрывку в книге П. Пирлинга, без даты и без точной ссылки на рукопись): «Нужны причины, и причины весьма основательные, для того, чтобы принять новое вероисповедание, строгое и гонимое. Не нужно никакой новой причины, чтобы оставаться при мнении, впитанном с молоком матери, при мнении, которого держишься по привычке, в силу предрассудка, ради выгоды. Боязнь, страсти, любовь к покою и наличному счастьем многим помешали уверовать или проявить свою веру; только самое обоснованное убеждение могло заставить иных исповедовать веру вопреки опасностям и укамам»⁹¹.

После отставки мужа с поста московского губернатора Ростопчина перестала скрывать свое католичество и до конца жизни открыто посещала церковь Св. Людовика. Она делала это каждое утро, приезжая на коляске, запряженной четверней, тогда как московские католики были людьми небогатыми (богатые католики жили в Петербурге). Смысл такой демонстративности очевиден для человека, знакомого с русскими порядками: в глазах городских властей это давало защиту сразу и общине, и, возможно, актуальным и потенциальным католикам из русских. Переход из православия в католичество был уголовным преступлением, и Ростопчина не могла отменить закон, но она делала то, что могла: останавливала правоприменительную практику; в отношении аристократии полиция и чиновники никогда не действовали по закону, а только по прямому велению начальства. Ростопчина давала понять всем этим правоприменителям, что католический приход им лучше обходить стороной. Тем не менее, в 1841 г. произошел случай, о котором Ростопчина по свежим впечатлениям рассказала приехавшему к ней в гости из

⁹¹ Пирлинг 2001: 139.

Франции любимому внуку Гастону, будущему священнику и проповеднику. Однажды к ней зашел чрезвычайно вежливый человек в штатском, который посоветовал ей прекратить столь демонстративное посещение церкви Св. Людовика, потому что это может рассердить московского генерал-губернатора (с 1820 по 1844 г. им был Дмитрий Владимирович Голицын, 1771–1844). Получив отповедь, он удалился, но на следующий день зашел полицейский офицер в форме, который прямо представился, что он с сообщением от губернатора: если она не перестанет вести себя так демонстративно, то губернатор будет вынужден написать императору. Ростопчина попросила передать, чтобы губернатор не утруждал себя, потому что императору напишет она сама. Гастон воспроизводит ее письмо Николаю I близко к тексту. Суть письма была в том, что ее можно арестовать и отправить в Сибирь, но она заботится о душе императора, которому через какое-то время предстоит умереть, и она не хочет, чтобы его душа погибла в расколе. По словам Ростопчиной, это письмо дошло до адресата. С тех пор ее не беспокоили⁹². Из этого письма не надо делать вывод, будто Ростопчина не допускала спасение для тех, кто умер вне Католической церкви (как на этом постоянно настаивает в своих мемуарах ее внучка Лидия Ростопчина). Так, она очень обрадовалась, когда ее умирающий муж захотел причаститься и исповедоваться, и постаралась побыстрее позвать православного священника; она понимала, что он все равно не примет католичества, и была рада тому, что он хотя бы умрет как православный, а не как деист⁹³.

Петербургский скандал 1814 г., приведший к изгнанию из столицы иезуитов, отразился и на Е. П. Ростопчиной, жившей в Москве. Ректор Санкт-петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов), впоследствии митрополит московский, был тогда брошен своим начальством, обер-прокурором Синода князем А.Н. Голицыным, на передовую линию полемики с католиками. Гастон де Сегюр со слов своей матери, дочери Е.П. Ростопчиной Софии, записал следующую историю, повлиявшую на обращение юной Софии в католичество: *En entendant les fréquentes conversations, ou, pour*

⁹² de Ségur 1893: 14–18.

⁹³ de Ségur 1871: 359–360.

*mieux dire, discussions de ma grand'mère Rostopchine avec l'archimandrite (ou archevêque) de Moscou, le très-savant Philarète (qui, au bout de cinq minutes, était régulièrement mis par elle au pied du mur), ma mère comprit aisément du quel côté se trouvait la vérité; elle demanda des livres, réfléchit, et, une fois convaincue, elle n'hésita pas un instant à se faire catholique, comme son admirable mère. C'était à Moscou, en 1814*⁹⁴. Можно не сомневаться, что сын верно передает воспоминания матери, а путаница с титулатурой Филарета довольно естественна: в 1814 г. он был архимандритом, а московским архиепископом стал в 1821 г. (с 1826 г. — митрополитом). София де Сегюр вряд ли могла разобраться в этой хронологии. Филарет тогда постоянно жил в Петербурге, но нет основания не верить этому рассказу о его достаточно длительном пребывании в Москве. Аргументацию Филарета образца 1814 г. мы знаем по его «Разговорам между Испытующим и Уверенным», написанным на основе воспитательных бесед с решившим обратиться в католичество племянником обер-прокурора Голицына. Она состояла в том, что сравнивать спасительность разных христианских конфессий невозможно, но каждому надо пожизненно оставаться в той, к которой он был приписан в младенчестве. Поскольку этот тезис не имел ничего общего ни с какой из христианских традиций, разбить его в свободной дискуссии не составляло труда. Окончательный переход будущей графини де Сегюр в католичество другой ее сын, Анатолий, датировал 1816 г.

Религиозное влияние Е.П. Ростопчиной

Католическая ветвь потомства графини сохраняла о ней память как о святой, в буквальном смысле этого слова, а православная — как о домашнем тиране. Упоминавшиеся выше

⁹⁴ de Ségur 1893: 12; «Присутствуя при частых беседах, или, лучше сказать, спорах моей бабушки Ростопчиной с архимандритом (или архиепископом) московским, *ученейшим* [подчеркнуто автором] Филаретом (которого она из раза в раз за пять минут прижимала к стенке), моя мать легко поняла, на чьей стороне была истина; она попросила книги, поразмыслила, и, единожды убедившись, ни мгновения не поколебалась в том, чтобы сделаться католичкой, как и ее замечательная мать. Это было в Москве в 1814 г.».

мемуары Лидии Ростопчиной почти целиком посвящены «саdistическому» мифу о ее бабушке — каким она была источником несчастий для всей их семьи, полностью виноватой также и в дурном характере своего младшего сына Андрея (1813–1892), то есть отца мемуаристки и мужа русской писательницы Евдокии Ростопчиной: *Ma grand'mère est le principal personnage du tableau que je retrace d'une époque évanuie, sa famille et son entourage immédiat doivent être décrits pour mieux éclairer ma sombre héroïne*⁹⁵. Впрочем, сам Андрей, в отличие от остальных православных потомков, написал о своей матери то же самое, что и католическая родня: она *...se convertit au catholicisme <...>, ce qui ne l'empêcha pas pendant toute sa vie de donner l'exemple des plus hautes vertus. Douée d'un esprit supérieur, possédant de vastes connaissances théologiques <...> [e]lle mourut en odeur de sainteté <...>*⁹⁶. Для сравнения, о своей родной сестре Софии, графине де Сегюр, А. Ф. Ростопчин пишет на той же странице: *La comtesse Sophie de Ségur, apostate, renégate et ingrate, a complètement renié sa patrie et l'injurie dans de sots pamphlets, qu'elle intitule: contes, et qu'elle dédie à ses petits-enfants*⁹⁷. Видимо, Андрея Федоровича особенно раздражил роман сестры «Генерал Дуракин» (1863), весьма, впрочем, далекий от памфлетности⁹⁸.

⁹⁵ Rostopchine 1909: 147; «Моя бабушка является главным лицом на картине ушедшей эпохи, которую я тут рисую; ее семья и ее непосредственное окружение должны быть описаны, чтобы лучше осветить мою мрачную героиню».

⁹⁶ Rastaptchine 1874: 289; «...обратилась в католичество..., что не мешало ей в течение всей ее жизни являть пример самых высоких добродетелей. Одаренная возвышенным духом, обладая обширными богословскими познаниями... она умерла в благоухании святости...».

⁹⁷ Rastaptchine 1874: 289; «Графиня София де Сегюр, отступница, предательница и неблагодарная [*в оригинале все эти три слова в рифму*], полностью отреклась от своего отечества и оскорбляет его в дурацких памфлетах, которые она называет сказками, и которые она посвящает своим внукам».

⁹⁸ Ср.: Rey–Mimoso–Ruiz 2004.

Один из католических внуков Екатерины Петровны, маркиз Анатоль де Сегюр, подтверждает слова А. Ф. Ростопчина относительно богословских познаний Екатерины Петровны: во всяком случае, она читала отцов Церкви в оригинале и даже Ветхий Завет на еврейском⁹⁹. Письменные труды Екатерины Петровны о христианстве дошли до нас, по крайней мере, частично, но пока они не изучены и даже не все изданы. В архиве Гагарина сохранилось сочинение Ростопчиной *Méditations sur le principe d'écouter l'Église*¹⁰⁰ — «Размышления о принципе послушания Церкви».

В мемуарах Анатоля де Сегюра подробно рассказано о общении бабушки с внуком Гастоном, братом мемуариста. Бабушка регулярно гостила в семье дочери в 1836–1839 гг., а Гастон приезжал к ней в Россию в 1841 и 1843 гг., и они состояли в постоянной переписке, часть которой опубликована в этих воспоминаниях. Именно влиянию бабушки можно приписать и выбор Гастоном священства, и решимость отстоять свой выбор перед матерью, — насколько вообще в подобных случаях имеет смысл говорить о каких-то влияниях. Влияние Гастона, в свою очередь, сказалось на строго аскетическом настрое его младшей сестры Сабины, в монашестве Иоанны-Франсуазы (1829–1868), которая поступила в монастырь визитанток (ордена Посещения Пресвятой Девы Марии, *Ordo Visitationis Mariae*, названного так в честь посещения Марией Елизаветы). Она заранее знала, что родителям будет тяжело принять такое ее решение, и поэтому накануне своего к ним визита написала им письмо, заставшее их врасплох, — перед тем как с утра уже объясниться лично. Впрочем, впоследствии устав парижского монастыря позволил графине де Сегюр присутствовать на постриге дочери и свободно с ней видеться. От нее остались интересные аскетические записки, которые издал в приложении к ее биографии ее брат Анатолий¹⁰¹.

Во всяком случае, в парижском кружке Софии де Сегюр влияние Екатерины Петровны Ростопчиной, в то время доживавшей последние годы в Москве, было крайне сильным.

⁹⁹ de Ségur 1884a: 23.

¹⁰⁰ Pavone 2008: 384, n. 234.

¹⁰¹ de Ségur 1884b.

У самой хозяйки дома отношение к собственной матери было амбивалентное: она не могла не преклоняться перед ее верой, но, в то же время, она не могла принять ее тип религиозности — несмотря на огромное влияние на нее ее собственных детей, Гастона и Сабины, особенно же Гастона. Исследовательница образа России в романах графини де Сегюр, Бернадетт Рей–Мимозо–Руис, приходит к выводу о том, что русские реалии в них оказываются метафорами внутренних переживаний автора, связанных с матерью. Ей трудно простить матери такую религиозность, которая привела к столь радикальным последствиям для семейной жизни. «Catholique oui, mais parmi les catholiques! Catholique oui, mais sans fanatisme!» («Католик — да, но среди католиков! Католик — да, но без фанатизма!»), — резюмирует исследовательница различие взглядов матери и дочери¹⁰².

Екатерина Петровна умела произвести впечатление на современников, и это ей удавалось тем сильнее, чем меньше она обращала на них внимание. Еще в начале XX века память о ней не давала покоя внучке Лидии, которая постаралась поэтому с возможной скрупулёзностью и без тени сомнения зафиксировать всё самое яркое, что о ней рассказывали вне католических кругов. Сравнивая собранные ею рассказы с документами, можно увидеть, как формировался антикатолический миф о Екатерине Петровне. Это очень хорошо показывает, как видели русских католиков те русские, что хранили верность православию, пусть и не обязательно в религиозном смысле.

Кульминацией этого мифа стали обстоятельства, связанные с главной семейной трагедией Ростопчиных, — смертью на семнадцатом году жизни от воспаления легких их младшей дочери Лизы (1807–1824). В 1823 г. семья вернулась из Франции только для того, чтобы устроить будущее Лизы в России, но она вскоре простудилась и через полгода умерла. Сразу после ее смерти отец стал собираться вслед за ней и, действительно, прожил недолго. Исторически достоверно и никем не оспаривалось, что перед смертью она перешла в католичество, приняв причастие от католического священника, — хотя хоронили ее по православному обряду (П. Бартенев сообщает, что на этом настоял

¹⁰² ReyMimoso–Ruiz 2004: 226–227.

отец, вопреки воле матери, которому пришлось специально писать об этом московскому архиепископу Филарету¹⁰³). Обстоятельства перехода Лизы в католичество реконструируются по документам следующим образом. Самый ранний документ — письмо А. Я. Булгакова брату от 2 марта 1824 г., на следующий день после смерти; в предыдущем письме, от 1 марта, Булгаков сообщал, что Лиза умерла в 6 утра, а за ним прислали в 9 часов, после чего он находился в доме Ростопчиных¹⁰⁴, поэтому подробный рассказ о событиях перед смертью Лизы он, очевидно, приводит со слов ее отца. Вечером накануне смерти ей стало резко хуже, после чего доктор дал ей опиум, «который имел хорошее действие. Она исповедовалась, причастилась и маслом соборовалась с большою твердостью». Около полуночи она пыталась отправить родителей спать, «[о]днакоже граф и графиня остались с нею» и уже не выходили от нее до самой кончины, причем, в самый момент кончины «отец держал ее за руку»¹⁰⁵. Очевидно, Булгаков записывает тут свидетельство самого Ростопчина. Ростопчин своею рукою описывает эту сцену чуть позже, в письме своему близкому другу Семену Романовичу Воронцову (1744–1832) от 6/18 марта: он тоже пишет, что оставался с Лизой безвыходно до самой кончины, а вечером перед смертью *[e]lle reçut les sacraments*¹⁰⁶. В обоих случаях Ростопчин не уточнял, таинства которой из двух церквей приняла Лиза, и Булгаков тогда понял его так, что речь о таинствах православной. Но через два года Булгаков уже знал, что таинства были католическими. В письме брату от 23 января 1826 г. он пересказывает напряженный диалог между Е. П. Ростопчиной и душеприказчиком только что скончавшегося графа, его близким другом Адамом Фомичем Брокером (Brocker, 1762–1848, в то время полицмейстер Петербурга; происходил из обрусевших немцев, был

¹⁰³ Булгаков 1901а: 46 прим.

¹⁰⁴ Булгаков 1901а: 45.

¹⁰⁵ Булгаков 1901а :46–47.

¹⁰⁶ Бумаги графа Семена Романовича Воронцова 1876: 453–454; «она приняла таинства»; Ростопчин переписывался исключительно на французском.

лютеранского исповедания, отличался исключительной честностью и преданностью Ростопчину): «...что же касается Лиз<аветы> Фед<оровны>, то вы ее перед смертью причастили тихонько от графа; это узнал он после, от этого он теперь в гробу»¹⁰⁷. Наконец, последний из источников того времени — письмо Е. П. Ростопчиной ее родной сестре Александре Голицыной вечером в день смерти Лизы, 1 марта: *Ma sœur, félicitez-moi; Lise est morte, mais elle est morte catholique*¹⁰⁸. Цитирующий это письмо Анатолий де Сегюр приводит уже не документ, а семейное предание о том, что графиня, получив согласие дочери на предсмертный переход в католичество (дочь при этом сказала, что она и давно бы перешла, но не хотела огорчать отца), посчитала себя обязанной получить разрешение графа, но когда она пришла к нему за этим разрешением и объяснила ему ситуацию, граф ничего не ответил и даже не поднял головы — то ли по причине нежелания ни разрешать, ни запрещать, то ли просто по причине глубочайшей подавленности¹⁰⁹. Сознательность решения Лизы о переходе в католичество косвенно подтверждает и процитированная выше запись Булгакова со слов Ростопчина о том, что Лиза принимала таинства «с большой твердостью».

Все мемуаристы так и остались согласны, что причастие было только одно и только католическое, но подробностей у них прибавилось. Лидия Ростопчина отвергает как ошибочный рассказ Булгакова о том, что Лиза умерла на руках своего отца (а рассказа самого Ф.В. Ростопчина о том же самом она просто не знает), но приводит в качестве достоверного рассказ, который она слышала от своей матери Евдокии Ростопчиной: Ф.В. Ростопчина, якобы, уверили, будто Лиза еще не так плоха, и таким образом уговорили его оставить ее на ночь; этим его отсутствием *la terrible fanatique* («ужасная фанатичка») воспользовалась, чтобы привести католического священника и причастить Лизу, а наутро она сообщила мужу, что Лиза умерла католичкой; тот от-

¹⁰⁷ Булгаков 1901б: 349.

¹⁰⁸ de Ségur, 1873: 393; «Сестра моя, поздравьте меня: Лиза умерла, но она умерла в католичестве»; в первом изд. 1871 г. (de Ségur 1871) этой цитаты не было.

¹⁰⁹ de Ségur, 1873: 392–393.

ветил, что еще вечером он оставлял ее православной, и тогда, якобы, и случился спор между супругами о том, в какой церкви ее будут отпевать¹¹⁰.

В 1904 г., прочитав в первой опубликованной редакции мемуаров Лидии Андреевны изложенную сейчас версию, ее родная сестра Ольга Андреевна, в замужестве Торниелли–Брусати (1837–1916), рассказала ей версию еще более яркую, которую она не решалась рассказывать ей прежде, хотя узнала ее еще в 1861 г. (т.е. уже после смерти их общей матери Евдокии Ростопчиной). Тогда они с отцом жили в Петербурге, и там их захотел посетить бывший управляющий имением Андрея Федоровича, давно уже получивший свободу Артемий, человек кристальной честности. Они его с удовольствием приняли, а он должен был выполнить свое обещание сообщить им то, что уже долгое время тяготело на его совести. Он дал это обещание умиравшей в глубокой старости горничной Евдокии Петровны, Прасковье Михайловне, которая не хотела умереть со своей тайной. Она прожила всю жизнь на службе Ростопчиным. Сама она была племянницей другой горничной Евдокии Петровны. Когда умирала Лиза, в 1824 г., ей было 6 лет (не будем придавать большое значение хронологической нестыковке: будучи, приблизительно, 1818 г. рождения, она умерла задолго до 1861 г. в глубокой старости; тут может быть и невинная ошибка передававших рассказ, и нередкое в XIX в. восприятие возраста...). Тетя взяла ее ночевать в дом Ростопчиных, и она спала в комнате, соседней с комнатой Лидии. Ночью ее разбудил странный шум у Лидии, и она вскочила с кровати и босиком подбежала к приоткрытой двери. Она увидела, что Екатерина Петровна со своей компаньонкой с большой силой держат умирающую, которая бьется в их руках, а католический священник насильно вкладывает ей в рот гостию; *...d'un effort suprême, Lise se dégagea, cracha l'hostie avec un flot de sang, et retomba morte* «...чрезвычайным усилием Лиза высвободилась, выплюнула гостию вместе с потоком крови, и упала замертво». Ужасное воспоминание об этой отвратительной сцене, пишет Лидия Андреевна, сопровождало Прасковью в течение всей ее жизни, но до своих самых последних ми-

¹¹⁰ Rostopchine 1909: 108–109.

нут она о нем молчала¹¹¹. Видимо, во всем этом рассказе нет ни слова лжи, как, впрочем, и ни слова правды. Предсмертный рассказ Прасковьи Михайловны должен был представлять собой явление ложных воспоминаний (конфабуляций). Но исторически информативно само наличие у конфабуляций домашней прислуги именно такого сюжета, а также готовность в него поверить у других близких людей. Таков был эмоциональный накал внутрисемейных религиозных противоречий.

Эпилог

Варвара Николаевна Головина и Екатерина Петровна Ростопчаина стали первыми католиками из числа русской аристократии. Описывать их влияние на два следующих поколения русских католиков — задача особая. Рядом с ними окажутся еще два французских эмигранта: приехавший в Петербург в 1803 г. Жозеф де Местр и приехавший в Россию в 1804 г., а в Петербург в 1805—м иезуит Иоанн Розавен. Русское католичество получит на три поколения вперед особую закалку от де Местра и Розавена, и во второй четверти XIX в. русская католическая эмиграция даст почувствовать католическому миру свое своеобразие.

Но, как написала София Свечина Ивану Гагарину, де Местр (и Розавен) придали форму тому, что было заложено их предшественниками — шевалье д'Огаром, княгиней де Тарант и аббатом Сюрюгом. Они раскрыли русской аристократии христианство жертвенное, аскетическое и с устойчивым иммунитетом против мистических увлечений эпохи. Такое христианство было заранее созвучно де Местру и Розавену — и столь же несозвучно фон Баадеру и Владимиру Соловьеву.

Библиография

[Булгаков А.Я., Булгаков К.Я.] Братья Булгаковы, Переписка. В трех томах. Пер. франц. части писем и подготовка всех текстов О. Вайнер. (Биографии и мемуары). М.: Захаров, 2010 [Brat'ja Bulgakovy, Perepiska. V trex tomax. Per. franc.

¹¹¹ Rostopchine 1909: 110–111.

časti pisem i podgotovka vseh tekstov O. Vajner. (Biografii i memuary). M.: Zaharov, 2010].

[Булгаков А. Я.] Воспоминания А. Я. Булгакова о 1812 годе и вечерних беседах у графа Федора Васильевича Ростопчина. (Сообщил С. О. Долгов) // Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при Обществе ревнителей русского исторического просвещения. 1904. Кн. 7. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1904. С. 98–135 [Vospominanija A. Ja. Bulgakova o 1812 gode i večernix besedax u grafa Fedora Vasil'eviča Rostopčina. (Soobščil S. O. Dolgov) // Starina i novizna. Istoričeskij sbornik, izdavaemyj pri Obščestve revnitelej russkogo istoričeskogo prosveščeniya. 1904. Kn. 7. SPb.: Tipografija M. Stasjuleviča, 1904. S. 98–135].

[Булгаков А. Я.] Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1824–й год. [Публ. П. Бартенева] // Русский архив. 1901a. Кн. 5. С. 27–94 [Iz pisem Aleksandra Jakovleviča Bulgakova k ego bratu. 1824–j god. [Publ. P. Barteneva] // Russkij arxiv. 1901a. Kn. 5. S. 27–94].

[Булгаков А. Я.] Из писем Александра Яковлевича Булгакова к его брату. 1826–й год. [Публ. П. Бартенева] // Русский архив. 1901b. Кн. 7. С. 339–437 [Iz pisem Aleksandra Jakovleviča Bulgakova k ego bratu. 1826–j god. [Publ. P. Barteneva] // Russkij arxiv. 1901b. Kn. 7. S. 339–437].

Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. Ч. I. [Изд. П. Бартенев] (Архив князя Воронцова. Кн. 8). М.: Типография Грачева и К., 1876 [Bumagi grafa Semena Romanoviča Voroncova. Č. I. [Izd. P. Bartenev] (Arxiv knjazja Voroncova. Kn. 8). M.: Tipografija Gračeva i K., 1876].

[Бутурлин М. Д.] Записки графа М. Д. Бутурлина: воспоминания, автобиография, исторические современные мне события и слышанные от старожил, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись. Науч. ред. М. А. Поляковой. В 2 томах. М.: Любимая книга, 2006 [Zapiski grafa M. D. Buturlina: vospominanija, avtobiografija, istoričeskie sovremennye mne sobytija i slyšannye ot starožilov, vpečatlenija, artističeskie svedenija, literaturnye zametki i famil'naja letopis'. Nauč. red. M. A. Poljakovoj. V 2 tomax. M.: Ljubimaja kniga, 2006].

Вольфцун. Л. Б. Pro et contra. Шевалье д'Огар // Публичная библиотека: люди, книги, жизнь. Сб. статей. Сост. Г. В.

- Михеева. СПб.: Российская национальная библиотека, 1998. С. 9–20 [Vol'fcun. L. B. Pro et contra. Ševal'e d'Ogar // Publ'čnaja biblioteka: ljudi, knigi, žizn'. Sb. statej. Sost. G. V. Mixeeva. SPb.: Rossijskaja nacional'naja biblioteka, 1998. S. 9–20].
- Гречаная Е.П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М.: ИМЛИ, 2002 [Grečanaja E.P. Literaturnoe vzaimovosprijatie Rossii i Francii v religioznom kontekste èpoxi (1797–1825). M.: IMLI, 2002].
- Заборов П. «Я России и русских не забываю». Двадцать пять писем барона де Дама к семейству Олениных // Cahiers du Monde russe. 1998. Т. 39. No. 3, pp. 321–360 [Zaborov P. «Ja Rossii i russkix ne zabyvaju». Dvadcat' pjat' pisem barona de Dama k semejstvu Oleninyx // Cahiers du Monde russe. 1998. T. 39. No. 3, pp. 321–360].
- Мешерякова А. О. Ф. В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж: Издательский дом «Китеж», 2007 [Meščerjakova A. O. F. V. Rostopč'in: u osnovanija konservatizma i nacionalizma v Rossii. Voronež: Izdatel'skij dom «Kitež», 2007].
- Ноткина О. Ю. Аббат Николь — первый директор Ришельевского лицея. Биобиблиографический указатель // Вісник Одеського національного університету. Вип. 4. Бібліотекознавство, бібліографознавство, книгознавство. 2007. Т. 12. С. 96–107 [Notkina O. Ju. Abbat Nikol' — pervyj direktor Rišel'evskogo liceja. Biobibliografičeskij ukazatel' // Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu. Vip. 4. Bibliotekoznavstvo, bibliografознаvstvo, knigoznаvstvo. 2007. T. 12. S. 96–107].
- Петров Ф. А., Фалалеева М. В. Воспоминания А. Я. Булгакова о 1812 г. и вечерних беседах у графа Ф. В. Ростопчина // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. 20. М.: Студия ТРИТЭ, 2011. С. 229–285 [Petrov F. A., Falaleeva M. V. Vospominanija A. Ja. Bulgakova o 1812 g. i večernix besedax u grafa F. V. Rostopč'ina // Rossijskij arxiv: Istorija Otečestva v svidetel'stvax i dokumentax XVIII–XX vv. Al'manax. T. 20. M.: Studija TRITÈ, 2011. S. 229–285].

- Пирлинг П. Князь Иван Гагарин и его друзья // Символ. 2001. № 44. С. 7–178 [Pirling P. Knjaz' Ivan Gagarin i ego друз'ja // Simvol. 2001. № 44. S. 7–178].
- Adam A. Les libertins au XVIIe siècle. Textes choisis et présentés. (Le vrai savoir). Paris: Buchet/Chastel, 1964.
- Colin A. Bias Parent, curé Jacobin, agent national du district de Clamecy en l'an II // Annales historiques de la Révolution française. 1988. No. 274. P. 444–474.
- Conversion d'une dame russe à la foi catholique racontée par elle-même. Publiée par le P. [J.] Gagarin. Paris: Ch. Douniol, 1862.
- Daniel [Ch.] Le P. Beauregard. Sa vie et ses travaux, Études de théologie, de philosophie et d'histoire. Ire série, t. 3 (1861), pp. 327–463.
- de Falloux [A.] Madame Swetchine. Sa vie et ses œuvres. 2 tomes. T. I. Vie de Madame Swetchine. Paris: Didier et Cie, 1860.
- de Ségur [A.] Sabine de Ségure, en religion sœur Jeanne-Françoise. 27e éd. Paris: Librairie Saint-Joseph, 1884b.
- de Ségur [A.]. Mre de Ségur. Souvenirs et récit d'un frère. Douzième éd., revue et augmentée. Deux parties. Paris: Bray et Retaux, 1884a.
- de Ségur [G.] Ma mère. Souvenir de sa vie et de sa mort. 12e éd. Paris: Librairie Saint-Joseph; Tolra, 1893.
- de Ségur A. La vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris: Bray et Retaux, 1871.
- de Ségur A. La vie du comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Deuxième édition. Revue et corrigée. Paris: Bray et Retaux, 1873.
- [de Tarente L. E.]. Souvenirs de la Princesse de Tarente. [Éd.] Louis de La Trémoille. 1789–1792. Paris: H. Champion, 1901.
- [de Tourzel L.-É.] Mémoires de Madame la duchesse de Tourzel, gouvernante des enfants de France pendant les années 1789, 1790, 1791, 1792, 1793, 1795. Publiés par le duc [François Joseph de Pérusse] des Cars, 2 tomes. 3me éd. Paris: Plon, 1893.
- de Viguerie Jean. Les deux patries. Essai historique sur l'idée de patrie en France. Deuxième éd., revue et complétée. Bouère: Dominique Martin Morin, 2003.
- Frappaz [Z.] Vie de l'abbé Nicolle, vicaire général et chanoine honoraire de Paris. Paris: J. Lecoffre et Cie, 1857.
- Fusile L. Souvenirs d'une actrice. 2 vols. Paris: Dumont, 1841 [vol. 3 был опубликован в 1846 г. лишь до 32 стр.].

- Gabory Émile. Histoire des guerres de Vendée. (Synthèses Historiques). Paris: Perrin, 2015.
- Gagarin J. F. Grivel, S. J. Le chevalier d'Augard // Le Contemporain. Revue catholique. IIIe sér., t. 14 (1877), pp. 583–591.
- Gagarin J. Le salon de la comtesse Golowin // Études religieuses, philosophiques, historiques et littéraires. 1879. Année 23. Sér. 6. T. 4. P. 445–453.
- [Golovine V.] Souvenirs de la comtesse Golovine, née princesse Galitzine. 1766–1821. Avec une introduction et des notes par K. Waliszewski. Paris: Plon, 1910.
- Gretchanaïa Elena. Joseph de Maistre à Saint-Pétersbourg (d'après les souvenirs inédits de la comtesse Praskovia Fredro) // Joseph de Maistre. Dossier conçu et dirigé par Philippe Barthelet. Lausanne: L'Age d'Homme, 2005 (Les Dossiers H), pp. 147–154.
- Gretchanaïa Elena. L'exil et la patrie dans la correspondance d'émigrés français en Russie (la princesse de Tarente, Xavier de Maistre, le marquis de Lambert, Ferdinand Christin) // Exil et épistolaire aux XVIIIe et XIXe siècles. Des éditions aux inédits. Études réunies et publiées par Rodolphe Baudin, Simone Bernard-Griffiths, Christian Croisille et Elena Gretchanaïa (Cahiers d'études sur les correspondances des XIXe et XXe siècles, 16), Clermont-Ferrand: Presses Universitaires Blaise Pascal, 2007, p. 157–189.
- Histoire de ma conversion à la foi catholique, par Madame L***. [Éd. Adrien Beuque]. Besançon: J. Jacquin, 1865.
- La paroisse St Louis-des-Français de Moscou. Moscou: *s.n.*, 1891.
- Mirot L. Bias Parent, chanoine de Levroux, curé de Rix, agent national près la municipalité de Clamecy, Apôtre de la Liberté // Revue des études historiques. 1927. Année 93. P. 355–378.
- Mirot L. Un témoin de la campagne de Russie. L'abbé Adrien Surugue (1753–1812), curé de Saint-Louis des Français de Moscou. Paris: Librairie ancienne Honoré Champion, 1914.
- Niqueux Michel. Typologie des récits de conversion au catholicisme (première moitié du XIXe siècle), Journée d'étude Religion et Nation, ENS de Lyon, le 8 juin 2009. Lyon, ENS de Lyon, mis en ligne le 23 juillet 2010. URL: <http://institut-est-ouest.ens-lsh.fr/spip.php?article287>
- Pavone Sabina. Una strana alleanza. La Compagnia di Gesù in Russia dal 1772 al 1820. Napoli: Bibliopolis, 2008 [издано в 2010]

- (Identità e alterità nell'Europa moderna. Ricerche e documenti di storia della cultura, 3).
- Rastaptchine A. Russie anecdotique, bibliographique, biographique, géographique, historique, littéraire, statistique et, contrairement à l'ordinaire, véridique. Ouvrage dédié aux étrangers curieux de la connaître non pour l'injurier. Bruxelles: Alliance Typographique (M.–J. Poot et Compagnie), 1874.
- Rey–Mimoso–Ruiz Bernadette. La Russie de la comtesse de Ségur: Dourakine ou le barbare repentí // Slavica Occitania. 2004. № 19. P. 209–228.
- Rjéoutski V. La colonie française et l'Église catholique de Moscou à la fin du XVIIIe siècle // Cahiers du monde russe. Vol. 41 (2000). № 4. P. 615–628.
- Rostopchine Lydie. Les Rostopchine (Chroniques de Famille). Paris: Librairie Felix Juven, s.a. [1909].
- Somov V. A. Piotr Doubrovski et la communauté d'émigrés français de Saint–Pétersbourg (1797–1812) // La France et les français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815–1917). Éd. A. Charon, B. Delmas, A. Le Goff. (Études et rencontres, 34). Paris: Publications de l'École nationale des chartes, 2011. P. 285–296.
- [Surugue A.] Lettres sur l'incendie de Moscou, écrites de cette ville au R.P. Bouvet, de la Compagnie de Jésus, par l'abbé Surugues, témoin oculaire, et curé de l'église de Saint–Louis à Moscou. [2me éd.]. Paris: Plancher, 1823.
- [Swetchine S.] Lettres de Madame Swetchine publiées par le comte [A.] de Falloux. 2 tomes. Paris: Didier et Cie, 1862.
- Tolstoy D. Le catholicisme romain en Russie. Études historiques. 2 tomes. Paris: Dentu, 1864.
- Wellman Kathleen. La Mettrie: Medicine, Philosophy, and Enlightenment. Durham (N.C.): Duke University Press, 1992.

LEV TOLSTOJ E FIRENZE

Cinzia Cadamagnani

Nella sua lunga vita Lev Nikolaevič Tolstoj visita l'Italia due volte, a distanza di breve tempo: nel giugno 1857, al termine del suo primo *tour* europeo e tra il dicembre 1860 e il gennaio 1861. Nel 1857 Tolstoj giunge nel Nord Italia dopo aver fatto tappa a Varsavia, Berlino, Parigi e Ginevra. A Torino incontra e frequenta Aleksandr Družinin e i fratelli Vladimir e Vasilij Botkin, assiste a una seduta del Parlamento Subalpino in occasione della quale Cavour pronuncia un suo discorso;¹¹² visita poi le città di Chivasso, Ivrea, Pont-Saint-Martin, sale sul Monte Rosa e raggiunge infine il Gran San Bernardo passando per Gressoney, Brusson, Chambave, Aosta e Saint-Rhémy-en-Bosses. Si trattiene sul suolo italico solo per una decina di giorni mentre prosegue a passo più lento il giro della Svizzera, prima di rientrare in Russia alla fine di luglio. Esattamente tre anni dopo, nel luglio 1860, Tolstoj riparte alla volta dell'Europa insieme alla sorella Marija e ai nipoti da cui si separerà però non appena giunto a Berlino. Qui visita i musei e frequenta alcune lezioni all'Università, prosegue poi il suo itinerario attraverso la Svizzera e la Francia, passando in rassegna le scuole europee con l'intento di approfondire i vari sistemi pedagogici. Tra il dicembre 1860 e il gennaio 1861 fa una piccola sosta in Italia. Si reca innanzitutto a Firenze dove si trattiene per due settimane (Cf. Gusev 1936; Botkin 1923)¹¹³. Qui, nella villa di Marija Ivanovna Bazilevskaja (1840–1891) e del principe Nikolaj Aleksandrovič Dolgorukov (1833–1873), conosce i decabristi Sergej Volkonskij e Aleksandr Poggio (Cf. Gol'denvejzer 1922; Risaliti 2009). Si dirige poi verso Roma e Napoli, fermandosi prima a Livorno. Tolstoj annota gli itinerari dei suoi viaggi nei diari, ma, purtroppo, soprattutto nel 1860/1861, con poca dovizia di particolari.

¹¹² Sul soggiorno torinese di Tolstoj Cf. Coaloa 2016.

¹¹³ In una lettera del 16 gennaio 1861 Vasilij Botkin scrive al fratello Michail da Firenze: «Il conte Tolstoj ha trascorso qui due settimanette, ci sta che faccia un salto anche a Roma e venga da te. È un uomo intelligente, una bellissima persona e sono sicuro che sarai lieto di fare la sua conoscenza» (Botkin 1923: 167). In una lettera del 21 gennaio 1861, sempre indirizzata al fratello, allega 600 franchi da trasmettere a Tolstoj.

Sappiamo quindi ben poco del suo primo e unico soggiorno a Firenze e quel poco lo estrapoliamo per lo più dalle lettere ad amici e conoscenti, visto che dal novembre 1860 all'aprile 1861 la stesura dei diari si interrompe. Che Tolstoj a un certo punto abbia davvero smesso di fissare le sue impressioni di viaggio? O forse dedica alle pagine italiane dei taccuini "speciali" che andranno poi perduti? Questo è un fatto che resta ancora da chiarire, ma è molto probabile che l'Italia lo abbia completamente rapito e convinto a rimandare a un secondo momento ogni sorta di resoconto e riflessione. Il 13 aprile 1861 scrive infatti:

È difficile annotare adesso tutto quello che è successo in questi 4 mesi: l'Italia, Nizza, Firenze, Livorno. Tentativo di descrivere Aksin'ja. Napoli: prima viva impressione della natura e dell'antichità, Roma: ritorno all'arte, Hyères, Parigi: riavvicinamento con Turgenev, Londra: niente, disgusto per la civiltà... (Tolstoj 1928–1958, XLVIII : 31).

Da una lettera del gennaio 1862 al banchiere marsigliese Duprat emerge che a Firenze Tolstoj scopre di essere stato truffato: la banca di Marsiglia non gira infatti alla fiorentina Fenzi i 1600 franchi a lui destinati.

Monsieur!

En 1861, 1,600 francs ont été versés dans la maison Pascal fils et Cie pour être transmis par la maison Fenzy de Florence au *Comte Leon Tolstoy*. — La somme n'étant pas remise au C. Tolstoy. Fenzy annula le crédit et la somme resta dans la maison Pascal ce dont j'ai été informé par Fenzy. Si la maison Pascal n'a pas fait banqueroute je prie de m'envoyer cet argent, c'e ad. <c'est-à-dire> de le passer au nom de quelque banquier de Moscou ou de Pétersbourg. (Tolstoj 1928–1958: LX, 507–508).

Cos'altro abbia fatto Tolstoj nelle due settimane trascorse a Firenze non è dato sapere. Certo è, ad esempio, che non frequenta il Gabinetto Viesseux, come invece farà Dostoevskij un anno dopo, nell'agosto 1862; il suo nome non compare infatti nel libro dei soci.

Se dunque nei diari, così come nella corrispondenza epistolare dello scrittore e nei resoconti dettagliati dei suoi biografi (Cfr. Birjukov 2000; Opuł'skaja 1979; Petrovskij 1952) sono presenti riferimenti, più o meno fugaci, al soggiorno fiorentino del dicembre 1860, non c'è invece nessuna traccia del ritorno che, stando a Giovanni Guidotti,¹¹⁴ Tolstoj avrebbe fatto a Firenze quasi trent'anni dopo con il preciso intento di partecipare alla "Conferenza sulla fusione di tutte le Chiese cristiane" per «discutere argomenti relativi al miglioramento della società umana sia rispetto allo Stato che alla Chiesa» (Guidotti 1893: 100).¹¹⁵ Guidotti descrive i contenuti della conferenza nell'opuscolo *I tre papi, ossia la pace tra le Chiese cristiane*, pubblicato a Palermo nel 1893. Dopo di lui la notizia di un terzo viaggio in Italia e della partecipazione di Tolstoj al concilio ecumenico fiorentino viene ben presto data per assodata ed è riproposta in un volume di Maurilio Adriani, dedicato alla dimensione sacra di Firenze (Adriani 1990), e in diversi studi tolstoiani (cfr. Coaloa 2015; Coaloa 2016; Arnone 2010).¹¹⁶ Della "Conferenza sulla fusione di

¹¹⁴ Scarse sono le informazioni su Giovanni Guidotti. Ingegnere di formazione e professore di matematica di professione, è preside dell'Istituto Tecnico di Reggio Emilia dal 1870 al 1883 e del Regio Istituto Tecnico di Palermo dal 1883 al 1896. Muore a Palermo il dodici aprile 1896 (Cf. Sansone 1920).

¹¹⁵ Tra i partecipanti alla conferenza, oltre a Tolstoj, figurano: il prof. Ruggero Bonghi (1826–1895), filologo, politico e accademico, esponente della Destra storica, citato quale fautore della riunione; il fondatore dell'"Esercito della salvezza" William Booth (1829–1912); lo storico, letterato e archivista Cesare Cantù (1804–1895), designato presidente della conferenza; Monsignor Isidoro Carini (1845–1895), prefetto della Biblioteca Apostolica Vaticana e canonico di San Pietro; lo storico e giornalista Raffaele de Cesare (1845–1918), incaricato dell'ufficio di segretario della conferenza; il conte Albert de Mun (1841–1914), deputato della Camera francese; lo statista William Ewart Gladstone (1809–1898), allora Primo ministro del Regno Unito; il barone Burghard Schorlemer-Alst (1825–1895) deputato del *Reichstag* tedesco; un ben non identificato prete cattolico polacco di nome Smudowki e, infine, il vescovo cattolico croato Josip Jurij Strossmayer (1815–1895).

¹¹⁶ Per un ulteriore approfondimento dell'argomento si rimanda a Cadamagnani 2021.

tutte le Chiese cristiane” Guidotti in realtà non riporta la data precisa; è Adriani che, non si sa bene su quali basi, la fa risalire all’autunno 1891.¹¹⁷ Il fine della riunione è «la pacificazione fra le chiese cristiane e la fusione delle tre chiese: cattolica, protestante e greca». Gli interventi sono molto diversi tra loro, ma accomunati dal desiderio di rinviare il sentimento religioso nei popoli di religione cristiana. Questa la relazione di Tolstoj:

Prima di entrare nel vivo dell’argomento, per quale siamo qui riuniti, sento in me il bisogno potente e prepotente di parlarvi di me non per difendermi dalle atroci accuse che mi sono state scagliate con viltà, acrimonia e ignoranza, non per ritrattare i miei principi morali, sociali e religiosi, ma, piuttosto, per fare una dichiarazione, e per spiegare alcune contraddizioni tra il *crucifige* e l’*excelsior* che mi si grida da centinaia di migliaia di persone per classe, religione e razza. Io sono credente, sono credente in Dio e in Cristo: ho fatto mie le massime predicate al popolo da Cristo e svolte luminosamente nell’Evangelio. Di là ho trattato le ispirazioni per le mie pubblicazioni. Una delle mie massime enunciate è: *non opporsi al male*. Di questo mio principio mi hanno fatto un titolo d’accusa tacciandomi di rivoluzionario, o peggio: ma è questione di rassegnazione, di carità del prossimo, di commiserazione dei poveri di spirito. Vi pare che sia opera buona, caritatevole, cristiana per un guardiano l’uccidere chi ruba un albero da un bosco, o, denunciando il ladro, mandarlo in galera per alcuni anni? Vi pare opera buona, caritatevole, cristiana per un cittadino l’ammazzare chi gli ha dato uno schiaffo, ovvero, per ostentata forma cavalleresca, voluta dai pregiudizi della società moderna, sfidarlo e tentare di ucciderlo in duello? Oh, no, no, cento volte no! Cristo disse: a chi vi dà uno schiaffo in una guancia, presentate l’altra. Per questo medesimo principio ho dovuto dichiarare un’iniquità la guerra, qualunque essa sia, e

¹¹⁷ Possiamo avanzare l’ipotesi che Adriani abbia ipotizzato questa data perché compresa tra il 1889, anno in cui esce il romanzo di Tolstoj *La sonata a Kreutzer* (a cui si accenna nelle discussioni della conferenza), e il 1893, anno di pubblicazione dell’opuscolo in questione.

qualunque ne sia la causa: i popoli della terra sono fratelli e hanno a vivere in santa pace. Alcuni si sono scandalizzati, perché ho enunciato e pubblicato e difeso l'impunità del delitto. Buon Dio! Ma Cristo non venne a predicare la pace fra i popoli e il perdono, come base della sua religione? E la Chiesa cattolica col sacramento della confessione non ha consacrato anch'essa questo principio di pace col perdonare a chi si pente del peccato? Alcuni mi hanno censurato, mi hanno deriso, perché ho flagellato l'agglomerazione delle famiglie nelle città, fonte e causa di una miriade di malanni d'ogni natura; perché ho flagellato le grandi industrie, fonte e causa di molte improvvise catastrofi economiche e finanziarie, e di estese e incurabili immoralità; perché ho flagellato il denaro e la sete insaziabile dell'oro; perché ho incitato le famiglie a dedicarsi ai lavori campestri, che, soli, risanano il corpo e purificano l'anima. [...] Alcuni mi hanno censurato, mi hanno deriso, perché esaltando la donna pel suo essere sublime, divino, l'ho consigliata, l'ho incoraggiata a vivere l'amore di Dio, a conservarsi immacolata, ad astenersi dal matrimonio. Ciò non è una stranezza: questo mio principio è vecchio come il genere umano, e tutte le religioni, anche le più lontane pel tempo e per lo spazio ebbero le loro Vestali, e la stessa religione cristiana ha le sue vergini, le quali, spoglie delle passioni terrene, si dedicano nell'amore di Dio e del prossimo. Anche adesso la Chiesa cristiana benedice, glorifica e santifica le vergini che colle loro opere immacolate tendono a costituire qui in terra il regno dei cieli. Il principio che l'umanità deve tendere alla castità e che il celibato è preferibile al matrimonio non è mio: è una verità proclamata da Cristo diciannove secoli or sono, e scritta nell'E-vangelio. Ho dunque pubblicato una massima di Cristo, una massima della Chiesa cristiana, una massima che io credo santa. Ciò nonostante anche io ho preso moglie, una moglie che adoro; ho figli che amo con tutta l'anima mia. Sono eccezioni che avverranno sempre. La massima da me pubblicata è insomma un ideale, che non si raggiungerà mai, e verso il quale gli studiosi, i filosofi, i filantropi, i legislatori, gli educatori devono spingere il genere umano. Quando io ripenso su queste mie idee, e le medito con

mente pacata e fredda mi convinco sempre più che io sono sulla buona via. Se ciò non fosse, le mie opere avrebbero riscosso tanti plausi? Sarebbero state tradotte in tante lingue? Sarebbero state pubblicate in milioni di copie? Questo fatto straordinario significa che colle mie opere ho proprio messo il ferro rovente sulla cancrena della società umana, tutta ammalata. Il popolo, col suo buon senso, ha capito, ha indovinato, ha fatto suo il mio pensiero. Io non faccio il legislatore, ma l'apostolo, e il popolo mi segue e mi spinge avanti per il mia strada. Come vedete, miei illustri colleghi, i miei principi hanno la loro base nell'Evangelio e perciò ho potuto accettare il lusinghiero invito a questa conferenza, e ben volentieri sono venuto qui in mezzo a voi per trattare del modo di ricondurre la religione cristiana alle primitive sue fonti, pure, limpide, e di ricostruire una Chiesa unica che la esplichì e la rappresenti, trasformando e fondendo amorevolmente tutte le Chiese cristiane esistenti. Il nostro collega Gladstone, pure accettando, per fine politico, la proposta del nostro celebre professore Bonghi, di una Chiesa unica cristiana, avente per capo il Papa di Roma, ha espresso il pensiero che egli avrebbe preferito l'istituzione di Chiese nazionali. Queste io combatterei con tutte le mie forze, con tutto l'animo mio, e dove esistono e dove si dovrebbero istituire, perché dove esiste una Chiesa nazionale il potere politico assorbe (o si fondono in uno solo) il potere ecclesiastico e spirituale, come a Londra, a Berlino, a Pietroburgo, e, prima dell'anno 1870, a Roma, e pullula rigoglioso un vero ibridismo che fruttifica o un'anarchia morale o un assolutismo il più dispotico. Io lo so per prova, poiché per le mie pubblicazioni non mi sarei salvato dagli artigli adunchi e velenosi del governo politico—ecclesiastico di Pietroburgo, se il mio augusto, saggio e onnipotente Imperatore, che mi stima e mi ama, non mi avesse protetto e difeso. Senza protezione, sarei ora in Siberia a meditare sulle mie proposte di riforma sociale immature, anzi indegne per i popoli corrotti. Io non vorrei alcun legame fra il pensiero religioso e il pensiero politico, fra il governo dello Stato e il governo della Chiesa; anzi io andrei più oltre: per evitare il danno, secondo me, grave, di quest'amalgama preferirei che ciascuno

avesse in sé e con sé la propria religione e la propria Chiesa, ispirandosi sempre alle massime di Cristo e dell'Evangelio, se non vi fosse il pericolo, assai probabile, di interpretazioni errate e false. Per me la formola del sommo statista Cavour "libera Chiesa in libero Stato" è un dolce e sublime ideale, e non so comprendere come l'Italia e tutta Europa non l'abbiano accettata in tutta la sua estensione e in tutto lo spirito, specialmente ora che è scomparso il governo temporale dei Papi. Io applaudo dunque alla proposta di fondere le Chiese cristiane in una sola che abbia per capo il Papa di Roma, e per base della sua organizzazione esteriore la formola Cavourriana, e per fondamento del suo pensiero morale le massime di Cristo e dell'Evangelio. Cooperiamo pure alla costituzione di questo tipo unico di Chiesa cristiana, nel cui grembo sparirebbero le asprezze della questione sociale, se tutti i credenti, ricchi e poveri, mettessero in pratica le massime di Cristo; ma non dobbiamo illuderci: v'è qualche cosa di più urgente della costituzione di una Chiesa unica; urge, cioè, far vivere nei popoli la fede in Dio, come ci ha ora detto il nostro illustre collega Bonghi, e urge pure che tutti gli Stati, imitando e sorpassando l'Inghilterra, con provvedimenti legislativi, tolgano le asprezze economiche. Distruggete la fede in Dio, che può soccorrervi nei momenti più tetri della vita, ed avrete distrutto la base fondamentale della felicità umana e delle sue dolci illusioni: distruggete la fede nei governi costituiti, coll'abbandonare a se stessa la gente che soffre di stenti, che muore di fame in mezzo a persone che vivono nei divertimenti, nei scialacqui e nei vizi, ed avrete la rivoluzione sociale (Guidotti 1893: 122–124).

Nel complesso, il discorso fatto pronunciare a Tolstoj, regge abbastanza: è un condensato dell'esperienza di vita e delle idee maturate all'indomani della crisi spirituale, a cui perviene lo scrittore alla fine degli anni Settanta dell'Ottocento. Ci sono le immagini della povertà e del degrado di numerose famiglie che, in tutta la loro crudeltà, si sono palesate davanti ai suoi occhi, quando nel 1882 ha preso parte attiva al censimento della città di Mosca. Ci sono i riferimenti ai difficili rapporti con la censura che blocca diversi suoi lavori di questi anni, e al suo nome altisonante, che, spesso, grazie an-

che all'intermediazione della moglie – come nel caso della *Sonata a Kreutzer*, quando Sof'ja Andreevna si reca personalmente dallo zar e ottiene il permesso per la pubblicazione – gli consente di avere la meglio e di trovare il modo di far circolare le sue opere. C'è soprattutto l'invito a compiere una profonda rivoluzione interiore, rinunciando alla ricchezza, al benessere e al vizio, ben formulato nel trattato *Che fare, dunque?* a cui lavora tra il 1882 e 1886; e i principi del suo nuovo credo enunciato nel saggio *Quale è la mia fede?* (1883), tra cui spicca quello della non resistenza al male con il male. Ci sono però anche alcune “stonature”: agli inizi degli anni Novanta l'idillio familiare dei Tolstoj è giunto al termine e i dissidi tra i coniugi, legati per lo più a questioni di natura finanziaria, sono sempre più frequenti; suona dunque strano che la moglie venga qui definita “adorata”. Ma l'elemento più importante che senz'altro deve esser sfuggito a Guidotti è l'avversione di Tolstoj per le associazioni e le conferenze della pace, alla cui inutilità accenna nel trattato *Il Regno di Dio è in voi*, a cui lavora dal luglio 1890 all'ottobre 1893, quando l'opera, vietata in Russia, uscirà in Francia¹¹⁸. Il suo scetticismo nei confronti dell'arbitrato, da queste tanto voluto, lo esprime chiaramente nella lettera a Bertha von Suttner¹¹⁹ del 9 [22] ottobre 1891 che la militante austriaca lesse al terzo congresso della pace, tenutosi a Roma nel novembre dello stesso anno, e fece pubblicare sui vari organi di stampa internazionali:

Egregia Signora!

Io sto leggendo il suo romanzo *Giù le armi*, che mi ha mandato il traduttore H. Bulyakov. Io stimo molto l'opera sua, e sorge in me l'idea che la pubblicazione del suo libro abbia da essere un ottimo sintomo. L'abolizione della schiavitù è stata preceduta dalla pubblicazione di un celebre libro di una donna – la signora Beecher-Stowe. Dio voglia che il suo preceda l'abolizione della guerra. Io non credo che l'arbitrato sia un mezzo efficace per sopprimere la guerra. Io sto ora compiendo su questo argomento, uno

¹¹⁸ L'edizione italiana è del 1894.

¹¹⁹ Sul carteggio tra Bertha von Suttner e Lev Tolstoj si veda Belentschikov 1983 e Salomoni 2015.

scritto, nel quale parlo del solo mezzo, che a parer mio, potrebbe rendere la guerra impossibile.

Nondimeno tutti gli sforzi ispirati da un sincero amore per l'umanità porteranno frutti, ed io sono convinto che il Congresso di Roma, come l'anno scorso quello di Londra contribuirà ognor più a render popolare l'idea che l'assetto militare dei popoli, sia in flagrante contrasto con i principi cristiani e umanitari, che essi pur riconoscono.

Riceva, egregia signora, l'assicurazione sincera della mia profonda stima e simpatia.

Leo Tolstoj¹²⁰.

Le perplessità circa l'effettivo ritorno a Firenze dello scrittore nel 1891 sono avvalorate da preziosi documenti archivistici. Nell'autunno 1891 Tolstoj non poteva partecipare alla "Conferenza sulla fusione di tutte le Chiese cristiane" di Firenze, non solo perché – com'è noto a tutti i *tolstovedy* – impegnato, in quei mesi, nell'organizzazione di mense per sfamare gli abitanti delle campagne di Tula e di Rjazan', colpite da una terribile carestia, ma anche perché, come confessa lo stesso Guidotti in due missive inoltrate a Ruggero Bonghi¹²¹ e in tre lettere rinvenute di recente nell'archivio di Tolstoj,¹²² e a questi indirizzate e riportate di seguito, le conferenze descritte nel suo opuscolo, fino ad ora prese per attestate perfino dalla Congregazione dell'Indice, che con decreto del 22 giugno 1893 mette a bando il volume *I tre papi*,¹²³ sono invece il frutto della fervida invenzione letteraria dello stesso Guidotti.

¹²⁰ *Una lettera di Tolstoj al Congresso della pace*, in «Corriere della Sera», lunedì 2 novembre 1891, pag. 2.

¹²¹ Le lettere, rispettivamente del 30 aprile 1893 e del 3 agosto 1893, sono conservate presso l'Archivio di Stato di Napoli (fondo R. Bonghi, busta 8; lettera G; fogli 421–422). Entrambe sono redatte su carta intestata del Regio Istituto Tecnico di Palermo Filippo Parlatore.

¹²² Più precisamente nel fondo manoscritti dell'archivio, custodito presso il Museo Statale Lev Tolstoj a Mosca.

¹²³ Cf. Roma, Archivio della Congregazione per la Dottrina della Fede, Index, Prot. 131, ff. 102–113.

Palermo, li 30 aprile 1893¹²⁴

Illustre Sig. Conte,

del suo nome celebre e onorato in tutto il mondo mi sono valso e ne ho forse abusato per tentare di cerca una via che conduca allo scioglimento di una questione mondiale.

Le ne dimando perdono con tutta sincerità.

Nel mio opuscolo oggi pubblicato col titolo: *I tre Papi, ossia la pace tra le chiese cristiane*, del quale le spedisco una copia, tra gli interlocutori tra le inventate conferenze ha una delle parti principali V[ostra] S[ignoria] Illustrissima, che con le tre teorie relative alle questioni sociali, morali e religiose mi ha dato un valido aiuto per arrivare al mio intento.

Non credo di aver errato nell'interpretare e sintetizzare.

Ho fiducia di ottenere il chiesto perdono dal generoso cuore di V[ostra] S[ignoria] Illustrissima di cui sono devot[issimo], aff[ezionato] servo.

Prof. Giovanni Guidotti

All'Illustre Sig.

Conte Leone Tolstoi – Mosca

Palermo, li 19 giugno.

Nella prima quindicina di maggio ultimo Le spedii una copia di un mio opuscolo intitolato *I tre papi* e una lettera.

A me dispiacerebbe molto, se l'una o l'altra non fossero giunti nelle sue mani.

Quantunque io non abbia il bene e l'onore di conoscerla personalmente, pure mi permetto di informare Vostra Signoria Illustrissima che Cesare Cantù, presidente delle ipotetiche conferenze di Firenze, al quale mandai l'opuscolo e una lettera, mi ha risposto con una sola parola, che è tutto un programma, un'intima approvazione del mio opuscolo: egli mi ha mandato un biglietto colla¹²⁵ sua firma e colla¹²⁶ parola:

¹²⁴ Le lettere sono redatte su carta intestata del Regio Istituto Tecnico Filippo Parlatore di Palermo.

¹²⁵ Così nel testo.

¹²⁶ Così nel testo.

Utinam!

Comunque sia, prego V[ostra] S[ignoria] Illustrissima di tenermi un Suo devot[issimo] servitore.

Prof. Giovanni Guidotti

Palermo, li 3 agosto 1893

Illustre Signor Conte,

il mio ultimo libro *I tre papi, ossia la pace tra le chiese cristiane*, pubblicato nel maggio prossimo passato, ha avuto l'alto e non sperato onore d'essere stato proibito dalla Congregazione dell'Indice; e questo decreto, che mi farà esaurire in breve tempo la prima edizione, mi darà l'occasione di farne prestissimo una seconda.

V[ostra] S[ignoria] Ill[ustrissi]ma, a cui spedii, sino dal maggio, una copia del predetto mio libro, mi farebbe un sommo favore se mi mandasse una Sua lettera da pubblicare nella seconda edizione.

L'illustre Cesare Cantù, che era il presidente delle immaginarie conferenze del mio libro, nelle quali anche V[ostra] S[ignoria] Ill[ustrissi]ma prese una parte attiva e importante, mi ha già scritto facendo voti che avvenga ciò che io proponevo nel mio libro; anche Raffaele de Cesare, che era segretario delle nominate conferenze, mi ha scritto una lettera, una lunghissima lettera, tutta gentile, ma con riserva per ciò che riguarda il dogma: invece, Sua Eminenza il cardinale Galeati mi ha fatto scrivere per protestare per ciò che gli ho fatto dire nel mio libro.

Anche V[ostra] S[ignoria] Ill[ustrissi]ma mi scriva dunque e mi dica se ho indovinato pure il suo pensiero, specialmente là dove io parlo del suo romanzo *La Sonata a Kreutzer*.

Spero di vedere presto una lettera di V[ostra] S[ignoria] Ill[ustrissi]ma, di cui sono ammiratore e dev[otissi]mo servo.

Prof. Giovanni Guidotti.

Bibliografia

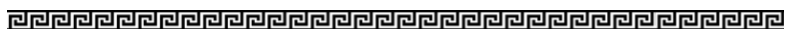
Adriani 1990: M. Adriani, Firenze sacra, Firenze 1990.

Arnone 2010: V. Arnone, A Firenze un Tolstoj ecumenico, «Avvenire», 6 maggio 2010, p. 29.

Belentschikov 1983: V. Belentschikov, Bertha von Suttner und Lev N. Tolstoj, in «Zeitschrift für Slawistik», XXVIII, 1–3, pp. 284–301.

Birjukov 2000: P.V. Birjukov, Biografija L.N. Tolstogo v 4 tt., Moskva 2000.

- Botkin 1923: V.P. Botkin, Pis'mo k M.P. Botkinu 4 (16) janv. 1861, «Literaturnaja Mysl'» 1923, II, str. 166–167.
- Cadamagnani 2021: C. Cadamagnani, Storia di un falso storico. Lev Tolstoj a Firenze e quel convegno ecumenico che non ebbe mai luogo, «Studi slavistici», XVIII, 1, pp. 235–251.
- Coaloa 2015: R. Coaloa, Lev Tolstoj. Il coraggio della verità. Prefazione di Goffredo Fofi, Roma 2015.
- Coaloa 2016: R. Coaloa (a cura di), Lev Tolstoj e l'Italia, Pistoia 2016.
- Guidotti 1893: G. Guidotti, I tre papi ossia la pace tra le chiese cristiane, Palermo–Torino 1893.
- Gol'denvejzer 1922: A.B. Gol'denvejzer, Vblizi Tolstogo, t. 1, Moskva 1922.
- Gusev 1936: N.N. Gusev, Letopis' žizni i tvorčestva L'va Tolstogo, Moskva 1936.
- Molostvova, Rodionov 1952: E. V. Molostvova, N. S. Rodionov, Kratkaja kronologičeskaja kanva žizni i tvorčestva L. N. Tolstogo za 1881–1887 gody, in L.N. Tolstoj, Polnoe sobranie sočinenij v 90 tt., tom 49, Moskva 1952, pp. 161–184.
- Opul'skaja 1979: L. D. Opul'skaja, Lev Nikolaevič Tolstoj, materialy k biografii s 1886 po 1892 god, Moskva 1979.
- Petrovskij 1952: A.S. Petrovskij, Chronologičeskaja kanva žizni i tvorčestva L.N. Tolstogo za 1891–1894 g., in: L.N. Tolstoj, Polnoe sobranie sočinenij v 90 tt., LII, Moskva 1952, pp. 281–297.
- Risaliti 2009: R. Risaliti, La presenza russa a Firenze. Dall'Unità alla fine degli anni Ottanta, Slavia 2009, 4, pp. 139–170.
- Salomoni 2015: A. Salomoni, Lev N. Tolstoj e Bertha von Suttner. Una corrispondenza sulla pace, l'arbitrato e il disarmo, in: P.M. Filippi (a cura di), Parlare di pace in tempo di guerra. Bertha von Suttner e altre voci del pacifismo europeo, Rovereto 2015, pp. 129–148.
- Sansone 1920: A. Sansone, Storia del R. Istituto Tecnico Filippo Parlatore, Palermo 1920.
- Tolstaja 1936: S.A. Tolstaja, Pis'ma k L.N. Tolstomu 1862–1910, Moskva 1936.
- Tolstaja 1976: S.A. Tolstaja, Dnevniki v 2 tt., Moskva 1976.
- Tolstoj 1928–1958: L.N. Tolstoj, Polnoe sobranie sočinenij v 90 tt., Moskva 1928–1958 (reprint 1992).

ГОРОД В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩИНЫ (КОНСЕХО) В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИСПАНИИ СЕРЕДИНЫ XI–XIV ВВ.

О.В. Ауров

1. Консехо *se ipso*: вступительные замечания

В моих источниках города (лат. *ciuitas, uilla*; ст. каст., леон. *çibdat, uilla*¹²⁷) в Кастилии и Леоне выступают в неразрывном единстве со своей сельской округой, образуя территориальную общину – консехо (лат. *concilium*, ст. каст. *conçeio*, леон. *conceyo*). Как территориальная структура, объединявшая в своих пределах город и его округу (лат. *terminum*, ст. каст., леон. *término, alfoz*), консехо стало формироваться в период Раннего Средневековья и просуществовало до второй трети XIX вв., когда в ходе реформ дезамортизации, масштабной земельной реформы, коснувшейся как церковных, так и муниципальных земель, испанские города утратили большую часть юрисдикции над примыкающими к ним территориями, находившимися за

¹²⁷ Здесь и далее, по возможности, оригинальные термины приводятся двух основных языках – латинском и «романском» (*romançe*), сложившемся на основе местной разговорной латыни; в моих источниках последний представлен в двух диалектных вариантах – старокастильском (в дальнейшем ставшем основой для формирования современного литературного испанского языка, часто именуемого кастильским) и (реже) леонском. Тексты (как документальные и нормативные, так и нарративные) на «романском» появляются, главным образом, в начале XIII в. Через несколько десятилетий, в середине XIII в. король Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрый (1252–1284) придал старокастильскому статус официального языка королевской канцелярии, что, однако, далеко не сразу привело к вытеснению из делопроизводства диалектов (в том числе – леонский). Подробнее см. об этом: Niederehe H.–J. 1984: 415–436; Cano Aguilar R. 2008–2009: 173–193

пределами городской черты, а располагавшиеся в их пределах земельные угодья были переданы в частные руки¹²⁸.

Насколько можно понять, истоки консехо как территориального института были связаны, с одной стороны, с сельской виллой античного и вестготского времени, изначально объединявшей в своих пределах собственно господскую усадьбу, примыкавшие к ней поселения деревенского типа (*vici*) и земли сельскохозяйственного назначения (поля, виноградники, пастбища, пустоши и др.), а с другой – с процессом колонизации, специфика которого определялась условиями Реконкисты¹²⁹. Прямым следствием длительного противостояния уже в период Раннего Средневековья являлся выраженный военизированный характер христианской колонизации, способствовавший распространению укрепленных поселений (*vill(a)e, castella*), контролировавших прилегающую территорию (включая расположенные в ее пределах отдельные укрепления, главным образом – отдельно стоящие башни) не только в социальном (как центры поселенческих общин – *concilia*) и экономическом, но и в военном отношении.

Документы конца X – начала XI вв., происходящие, главным образом, с территории Кастилии, уверенно фиксируют факт утверждения такой модели колонизации как доминирующей. Так, в грамоте 972 г. кастильского графа Гарсия Фернандеса (970–995) фигурирует консехо местечка Агусинес, передающее своему сеньору огороженное пастбище (*defesa*), расположенное

¹²⁸ Речь идет о реформах, проведенных по инициативе и под руководством политиков–прогрессистов генералов Х. Альвареса Мендисабалы (1836–1837), Б. Эспатеро (1841) и П. Мадоса (1854–1856). См., например, об этом: История Испании. 2014: 2, 349–351.

¹²⁹ Несмотря на то, что в последние десятилетия содержание этого понятия было поставлено под сомнение, а ряд связанных с ним концептуальных представлений стало принято интерпретировать как историографический миф (см., например: *Vanoli* 2003; *Vanoli A.* 2008; *Vanoli A.* 2009), сам по себе факт противостояния христианских и мусульманских политий, вообще, и связанных с ними клановых и локальных структур, в частности, вне зависимости от конкретной роли религиозного фактора (значение которого менялось применительно к конкретным географическим и хронологическим характеристикам) кажется очевидным.

в округе поселения, в благодарность за освобождение от работ по сооружению укреплений (*castellum*)¹³⁰. Один из последних правителей Кастильского графства (которому уже вскоре суждено было возвыситься до статуса королевства) граф Санчо Гарсия (995–1017), насколько можно понять, весьма способствовал ее распространению. Считается, что именно он пожаловал привилегированные «древние фуэро» городу Сепульведе, освободившие местных рыцарей от бесплатной службы сеньору¹³¹.

Показательно также и то, что поселения, получавшие фуэро (привилегированные поселенные хартии) из рук графа, действие которых распространялось не только на сами эти местечки, но и на прилегавшую к ним сельскую округу с ее четко установленными границами (лат. *termini*, ст. каст., леон. *terminos*), сохраняли эти фуэро и в тех случаях, когда переходили в руки других владельцев, как это, в частности, произошло в феврале 1011 г. с жителями Оньи (позднее – Ока). Среди прочего, «добрые фуэро» графа Санчо Гарсии освобождали получателей и от некоторых обязанностей военного характера, в частности – от караульной службы по охране укреплений (*annudebera*) и участия в походах (*fossateira*), как мы видим это в случае местечка Онья в грамоте

¹³⁰ CD Cond. Cast. Doc. 39 (28.05.972): “Nos totos omnes *concilio pleno de Agusyn, maiores et minores, iubenēs et senes*, nostras spontaneas uoluntates sic donamus atque roboramus ad tibi domino nostro comite Garcia Fredinandiz *illa defesa de Lomba* tota ad integro ipso monte qui est defesato; et proinde donauimus et roborabimus pro eo quod ingenuasti nos *de illo labore de illos castellos* per secula seculorum, ut de odie die uel tempore sit ipsa defesa cum roto suo monte abraza de nostro iure per omnia, et in iure de tibi comite domino nostro sit confirmara per cuncta secula, amen” (здесь и далее выделено мной. – О.А.).

¹³¹ “*Antiquos foros* Septempublice iste dedit. Castellanis militibus, qui ei tributa soluere et militare cum principe tenebantur, contulit libertates, uidelicet, ut nec ad tributum aliquod teneantur nec sine stipendiis militare cogantur” (Rod. Hist. V. 3.4, 7). Сам документ, даровавший Сепульведе эти «древние фуэро», утрачен. См.: CD Cond. Cast. Doc. [10] (1009?). P. 582 (утрачен).

1011 г.¹³² и что в полной мере соответствовало военному характеру колонизации.

Что же касается внешних границ поселений и прилегающих к ним территорий, то они не только фиксировались на местности, но и защищались особым режимом гарантий со стороны сеньора – *cautum* (*cotum*). Среди прочего, это видно и в случае все той же Оньи (Оки): в грамоте, изданной на следующий день, после разобранной выше, граф Санчо Гарсия в присутствии всех членов консехо (т.н. «соседей» – *uicini*) установил режим землепользования в установленных им пределах, поставив обозначенную территорию под свою прямую сеньориальную власть (*dominium*)¹³³. Следует особо оговорить тот факт, что решения графа по изменению границ общины–консехо неизменно обнародовались им лишь в присутствии его членов, на общинных

¹³² CD Cond. Cast. Doc. 67 (27.02.1011): “... Ego Gomez Didaz et uxor mea Ostrozia **a tiui Sanctio comite et ad uxor tua Urraka cometissa** si conkambiabimus et uindimus eo Gomez Didaz ex uxor mea Ostrozia **ipsa uilla Onia ah omni integritate per suos terminos** id ese terminas illo semdario de Sancti Romani et per illa defesa de domna Eilo et per eglesia Sancti Micalli de Pando et per illo lombo de Petraficta et descende ad Sancti Andre ad Sancti et per illo lombo de Zereseta et per portiello de Abienzo et per illo lombo de Kantabrana et per illa uinea de Abo/ riqla et per ualle Uiatero illo collato de Orzales et per suma serra de Petrapionia et ad lomba que dicent Galliello et per ipso directo usque in illo semdario de Sancti Romani. <...> Sic accepimus eo Gomez Didaz et uxor mea Ostrozia **ipsas uillas cum foro ex lecto** que non pro omezidio non pro **annudebera** neque **fossateira** que saione de comite non pertimescat sic accepimus eo Gomez Didaz et uxor mea Ostrozia ipso precio qui in <i>sta resonar ex contra nos que ad nos uene conplacuit et **aput te Sancio comite et Urraka cometissa** deuitus nos remansit pro dare nen (*sic*) amici Gomiz Didaz et uxor mea Ostrozia iure in ipsa **uilla Onia** pro iurificare ut ex odierno die et tempore in tuo iure de te Sancio comite et de uxor tua Urraka est uenditam et confirmatam in perpetum uibiturum” (etc.).

¹³³ CD Cond. Cast. Doc. 70 (28.02.1011): “Infra istis **terminis**, diffusa sit ad pascendum uel ad segandum ínter Oniam et Tamayo, tamen **totum dominium ad integrum michi comiti Sanctio et uxori mee Urracha comitissa et illis qui Oniam dominauerint perpetualiter remaneat**”.

сходах, выступающих в документах в качестве пусть и не полноправного, но весьма значимого участника процесса¹³⁴.

В следующий хронологический период – XI – середина XIV вв., – речь о котором пойдет ниже, отмеченные тенденции не только сохранились, но и упрочились. При этом, наиболее значимые в военном, экономическом и логистическом отношении *vill(a)e* и *castella*, центры общин–консехо, стали быстро обретать характеристики поселений городского типа. Рубеж X–XI вв. вообще определяет начало процессов активной урбанизации центральных районов Испании как за счет возникновения новых, ранее не существовавших, городов, так и в результате захватов городов старых, ранее находившихся в руках мусульман. Главным из последних стал, разумеется, Толедо, отвоеванный в 1085 г. К этому времени весь центрально–испанский регион был прочно закреплен за христианскими политиями – Кастилией и Леоном. В числе городских поселений на этих землях, восстановленных и вновь основанных в процессе христианской колонизации, были как относительно крупные города (Толедо, Саламанка, Сеговия, Сория, Самора, Авила, Куэнка и нек. др.), так и небольшие укрепленные городки, возникшие в кастильской и леонской Эстремадуре – области к югу от реки Дуэро¹³⁵, – Мадрид, Гвадалахара, Талавера-де-ла-Рейна, Бехар, Альба-де-Тормес и др.

Что же касается верхней границы периода, – середины XIV столетия, то к этому времени на территории королевства завершился процесс складывания системы городских поселений и это коренным образом изменило не только этно-конфессиональный состав населения региона, но и иные ключевые характеристики городской жизни. Испано-христианский город обрел характерную топографию и топонимику, демографическую и сословную

¹³⁴ CD Cond. Cast. Doc. 75 (1014): “*In coro, in concilio de omes* de Verezosa et de Alfania id est Atequellellez et Joan Sonnaz, Armentero Monnioz de Alfania, don Sanzo et Antoniano et Monnio Mennez de Verezosa, istos *omines de concilio*”. См. также: “Ego comes Sancius et mea tia domina Fronilde, convenimus inter nos et destinauimus *cum nostros saptores et nostros homines* et fecimus scriptum *de exitos et terminos* et presuras” (Ibid. Doc. 76 (1014)).

¹³⁵ Martínez Diez 1983: 23–47; Villar García 1986; Ruiz de la Peña Solar 2005: 87–106.

структуру, правовой режим, систему властных учреждений, устоявшиеся формы хозяйственной жизни и другие черты, сохранявшиеся до конца Средневековья¹³⁶.

Вместе с тем, как и в период Раннего Средневековья, консехо в полной мере сохранило характер территориальной организации, в рамках которой город и его округа с расположенными в ней деревнями воспринимались как единое и неразрывное целое. Источники XI – середины XIV вв. в полной мере отразили эту характеристику кастильско-леонской территориальной общины. Это видно, прежде всего, из актового материала, в котором, как в Кастилии, так и в Леоне, с утверждением старокастильского как официального языка делопроизводства, во второй половине XIII в. в документах, адресованных консехо, окончательно возобладала существовавшая и ранее *intitulatio* (*superscriptio*) «консехо города и деревень» (вар. «консехо города и его округи»))¹³⁷.

Так, судя по *intitulatio* имеющихся в моем распоряжении опубликованных королевских документов, на территории королевства Леон впервые таким образом было названо консехо Бехара в апреле 1260 г.¹³⁸, собственно города Леона – в апреле

¹³⁶ См., например, об этом: Gautier–Dalché 1979: 69–168; Martínez Llorente 1990: 13–17; Carlé, Fauve, Ramos, Forteza, Las Heras 2001: 9–107; et al.

¹³⁷ См., например: “... conçejo de Sepulvega de la villa e de las aldeas ...” (CDS: Doc. n. 15 (a. 1305, Somosierra)); “... a vos el conçejo de Cuellar de villa e de las aldeas” (CDocC. Doc. n. 31 (17.04.1274, Palencia)); “... personeros del conçejo de Cuéllar de la villa e de las aldeas” (CDocC. Doc. n. 60 (27.05.1304, Burgos)); “... inter Conchenses ciues et clericos eiusdem uille et sui termini” (CD Cuenca. Doc. 3 (06.03.1207, Guadalajara)); “... a todos los cavalleros et a todos los homnes buenos et a todos los moradores de la noble cibdat de Cuenca, de villa et de aldeas” (CD Cuenca (05.09.1255, Valladolid)); “... a uos el conçeio de León, de villa e de aldeas” (CDoc León. Doc. 16 (27.04.1274)); “... uos el conçeio e los caualleros e los omnes del pueblo de León e de su término ” (CDoc León. Doc. 22 (05.03.1282)) (etc.).

¹³⁸ DM Béjar y Candelario. Doc. 4 (22.04.1260, Almazán): “... al conceio de Béiar, de villa e de aldeas”.

1261 г.¹³⁹, Альбы-де-Тормес – в июле 1278 г.¹⁴⁰ и т.д. В королевстве Кастилия формулировка “*conçeio de villa e de aldeas*” в тот же период фигурирует в королевских грамотах, обращенных к консехо Куэнки (август 1256 г.)¹⁴¹, Мадрида (март 1274 г.)¹⁴², Куэльяра (апрель 1274 г.)¹⁴³, Сепульведы (январь 1305 г.)¹⁴⁴ и т.д. Очевидно, что эта новация не может быть объяснена исключительно изменением формуляра королевских канцелярий Альфонсо X и его ближайших преемников, хотя полностью отрицать значение этого фактора невозможно. По наблюдениям М. Кляйне, начальный этап борьбы Альфонсо X за престол Священной Римской империи (*fecho del imperio*) (1256–1259) обусловил существенные изменения в типологии и формулах документов, в том числе – «привилегий с ротой» (каст. *privilegio rodado*), в тексте которых и появляется исследуемая формула¹⁴⁵. Однако нет оснований сомневаться в том, что, в первую очередь, новое обозначение консехо, просуществовавшее до конца Средневековья, фиксировало (возможно, с определенным временным лагом) определенные изменения административно-правового характера, касавшиеся статуса кастильско-леонской территориальной

¹³⁹ См., например: “...al conceio de León e a todos los los otros conceios de su obispado también de villas cuemo de castiellos cuemo de aldeas” (CDoc. Leon. Doc. 7 (04.04.1261, Sevilla))

¹⁴⁰ DMAMAT. Doc. 14 (15.07.1278, Astorga).

¹⁴¹ CD Cuenca. Doc. 12 (23.08.1256, Segovia): “... al concejo de Cuenca, también de villa cuemo de aldeas”.

¹⁴² DAGV Madrid. P. 119 (20.03.1274, Burgos): “... a uos el conceio de Madrit, de villa e de aldeas”.

¹⁴³ CDocC. Doc. 31 (17.04.1274, Palencia): “uos, el conceio de Cuéllar, de villa e de aldeas”.

¹⁴⁴ CDS. Doc. 15 (23.01.1305, Somosierra).

¹⁴⁵ Kleine 2012: 257–270. О понятии «рота» (дословно – «колесо») см., например: Чиркова 2019: 35. О «привилегии с ротой» как особом типе королевских документов в Кастилии и Леоне см., например: Sánchez González 2021: 162–175.

общины как территориальной организации. Подробнее эта проблема будет разобрана ниже.

О территориальном характере общины–консехо, пределы которой выходили далеко за пределы городских стен, свидетельствуют и данные анализа памятников местного права. В частности, позднее (пространное) фуэро кастильского города Сепульведа упоминает о землях, усадьбах, а также коммунальных неогороженных (*exidos*, дословно – «выходы», то есть пограничные участки) и огороженных (*defesas*) пастбищах, которыми распоряжалось само консехо¹⁴⁶. Кроме того, община обладала монополией на владение участками, на которых располагались каменоломни или залежи полезных ископаемых. В случае их обнаружения в пределах частного владения, его обладатель должен был уступить их общине за вознаграждение¹⁴⁷ и т.п. Близкие по характеру положения содержатся и в ряде сводов местного права других кастильских¹⁴⁸ и леонских¹⁴⁹ консехо.

¹⁴⁶ FR Sep. [116]: “Qui vendiere raíz de conçeio, peche tanta & tal raíz doblada al conçeio; & qui la comprare, pierda el precio que dió por ella, & dexe la heredit, assí como es dicho; ca ningún omne non puede vender, ni dar, ni empennar, nin robar, ni sanar, heredit de conçeio”.

¹⁴⁷ FR Sep. [167]: “... toda heredit en que oviere pedrera, o y[e]sera, o fuere para muelas, sean del conçeio, o pora peia fazer; & todas als fuentes perenales comunales sean del conçeio. El que oviere alguna cosa d’estas en su heredit, que dichas son, vengala al conçeio por tanta heredit doblada, & sea de común del conçeio. Et si alguno la deffendiere a alguno del conçeio, peche C mrs.”.

¹⁴⁸ О коммунальных владениях кастильских консехо, фигурирующих в фуэро семейства фуэро Куэнки см., например: Червонов 2018: 135–138.

¹⁴⁹ См. например: F Salamanca §§73 (“la deffesa de conceyo”), 251 (“cosa que es de conceyo”), 267 (“cosa de conceyo”), 347 (“heredade del conceyo”); F Ledesma §§214 (“heredade de conceyo”), 234 (“fuentes antiguas e poços antiguos que sean de conceyo”), 277 (“deuesa deconceyo”) и т.д.

Несмотря на наличие десятков и даже сотен исследований, посвященных городской истории региона этого времени¹⁵⁰, проблема территориальной юрисдикции консехо, ее истоков и основных направлений ее эволюции не относится к числу полностью изученных. Между тем, без ее решения полное и адекватное понимание природы средневекового города, – в том числе – и в центральных районах Испании, – представляется невозможным.

2. Город в системе консехо: *civitas* (*çibdat*), *uilla*, *urbs*

В качестве системообразующего центра консехо выступал город. Явно противопоставляя город поселениям сельского типа и, тем самым, подчеркивая первостепенную значимость общих характеристик, отличавших городские поселения *stricto sensu*¹⁵¹, средневековые тексты фиксировали и различия между городами Кастилии и Леона, проявившиеся уже на уровне терминологии. В разных латинских и старокастильских текстах то, что принято ассоциировать со средневековым городом, представало то как *ciuitas* / *çibdat*, то как *urbs*, то как *uilla mayor*, то, наконец, как «просто» *uilla*, и это разнообразие слов вовсе не было случайным.

Так, латинское *ciuitas* и соответствующее ему *çibdat* разговорных романских диалектов, как правило, соотносились с центрами епископств (диозцезов) и архиепископств (церковных провинций); в числе которых фигурируют такие значимые горо-

¹⁵⁰ См., например: Gautier-Dalché 1979; Rucquoi A. 1987; Monsalvo Antón 1988; Martínez Llorente 1990; Benito Martín 2000; Carlé, Fauve, Ramos, Forteza, Las Heras 1990; Orduña Rebollo 2005: 27–46; La ciudad medieval y su influencia territorial. 2007; et al.

¹⁵¹ Так, например, законодательные памятники эпохи Альфонсо X далеки от полного противопоставления городов-*çibdades* и городов-*uillas*, и считать подобный взгляд исключением нет оснований. См., например: “...en la cibdat o en la uilla” (Especulo. II.14.3). См. также: Especulo. III.5.5; III.5.7; IV.2pr.; IV.2.3; IV.3.1 etc.

да, как Овьедо¹⁵², Паленсия¹⁵³, Куэнка¹⁵⁴, Леон¹⁵⁵ и др. При этом, те же самые поселения в других случаях (или даже параллельно) именуются *uillas*¹⁵⁶. Очевидно, что эти понятия воспринимались современниками как синонимичные, что, впрочем, совершенно не означает их идентичности: не случайно «Королевское фуэро» Альфонсо X в качестве синонима ст. каст. *çibdat* использует слово *uilla mayor*, подчеркивая существенные отличия таких городских центров (в которых, по причине их важности, предполагалось учредить должности городских нотариев (*escribanos públicos*)) от уступавших им по значению всех остальных поселений—*uillas*¹⁵⁷. Под последними же имелся в виду город вообще, вне зависимости от факта наличия в его пределах епископской или архиепископской кафедры, либо королевской резиденции, поскольку в источниках периода Высокого Средневековья под

¹⁵² CHDA Oviedo. Doc. 1 (08.08.1295): “Don Fferrando por la gracia de Dios Rey de Castella de Leon de Toledo de Gallizia de Seuilla de Cordoua de Murcia de Jahen del Algarbe et sennor de Molina, al Concejo de *la Cibdad* de Oujedo. Salut et gracia”.

¹⁵³ Reynado de Fernando IV. Doc. 3 (16.06.1296, Valladolid): “... por fazer bien e merçed al conçeio dela muy noble *ciudad* de Palençia...”.

¹⁵⁴ CD Cuenca. Doc. 11 (05.09.1255, Valladolid): “... de fazer bien et merced a todos los cavalleros et a todos los homnes buenos et a todos los moradores de la noble *cibdat* de Cuenca, de *villa* et de aldeas...” Ibid. Doc. 12 (23.08.1256, Segovia): “... al concejo de Cuenca, tanbién de *villa* cuemo de aldeas...” (etc.).

¹⁵⁵ CDocLeón. Doc. 13 (27.08.1272, Roa): “... de fazer bien e mercet al conçeio de *la çibdat* de León...”.

¹⁵⁶ См., например: CHDA Oviedo. Doc. 16 (a. 1245): “Estos sont elos staulicimientos que fezieront las Justicias de Ouiedo con consello delos onmes bonos dela *villa* ye con otorgamento de todol Concello pregonado”; CDocLeón. Doc. 16 (27.04.1274, Valladolid): “... otorgamos a uos el conçeio de León, de *villa* e de aldeas...”; CDC: P. 100. doc. n. 44 (a. 1295, Valladolid): “... cortes en *la villa* de Valladolid ...” etc.

¹⁵⁷ FR. I.8.1: “...Establecemos que en *las cibdades* o en *las uillas mayores* sean puestos escribanos públicos et iurados por mandado del rey o de qui él mandare e non por otro...”.

этим наименованием, среди прочего, часто фигурируют средние и даже совсем небольшие городские поселения, не являвшиеся центрами епархий¹⁵⁸.

Отдельный случай расширенного употребления слова – его применение к относительно небольшим поселениям, противопоставлявшимся как городам – военным, административным и (в случае крупных поселений) церковным центрам, – и собственно деревням *aldeas*. Название *ville* / *villas* применительно к таким населенным пунктам можно было бы условно перевести как «поселки» или «местечки». По разным причинам поселения этого типа, изначально развивавшиеся как будущие города, наделенные собственной административной юрисдикцией, с течением времени утратили этот статус и переходили под власть более значимых городских поселений. Применительно к Кастилии можно было бы привести пример *villa* Сото, в марте 1184 г. переданной королем Альфонсо VIII магнату Гутьерре Пересу де Риносо в обмен на аналогичное поселение Педросильо, вместе с подчиненными последнему деревнями Фонтальвелья, Адрадос и Форумтада¹⁵⁹. Аналогичным образом, в августе 1257 г. король Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрый передал городу Леон местечко Ардон, вместе со всей его территориальной юрисдикцией, предписав консехо Ардона подчиниться власти леонской

¹⁵⁸ Для Кастилии см., например: “... cum aliis hominibus *villae* sue...” (CDS. Doc. 5 (08.08.1201, Ayllón)); “...do al cabillo de Cuéllar, a los clérigos de *la villa*...” (CDocC. Doc. 15 (a. 1252)); “...porque fallé que *la uilla* de Cuéllar non auíe ffuero complido” (CDocC. Doc. 16 (21.07.1256, Segovia)); “viníamos a *la villa* de Sepúluega...” (CDS. Doc. 7 (16.10.1257, Burgos)). Для Леона см., например: “al conceio de Béiar, *de villa* e de aldeas” (DM Béjar y Candelario. Doc. 4 (22.04.1260, Almazán)); “...la villa de Béiar” (Ibid. Doc. 5 (18.06.1261, Sevilla)); “Que ningun omne de *la villa* nin del pueblo non sea osado de traer vino nin uva nin mosto de fuera parte...” (DMAMAT. Doc. 10 (30.09.1267, Alba de Tormes)); “... que ningún omne de *la villa* de Alva nin del término nin del otro logar ninguno non metiese vino en Alva nin en su término...” (DMAMAT. Doc. 11 (17.08.1268, Sevilla)); DMAMAT. Doc. 12 (12.09.1271, Murcia) etc.

¹⁵⁹ CDocC. Doc. 3 (23.03.1184, Belvís): “Rrecepi itaque ab eo quantum ipse et partentes sui habebat ... in Pedrosello, cum suis *aldeis*, scilicet, Fontaluel-la et Adrados et Forumtada, cum omnibus terminis suis, in concambium pro *uilla* que dicitur Soto, quam ei dedi”.

территориальной общины¹⁶⁰. При этом, судя по косвенным данным, ранее, начиная, по меньшей мере, с апреля 1219 г., местечко Ардон пыталось сохранить свою административную самостоятельность и неоднократно оспаривало решения королей Леона (а затем – Кастилии и Леона) о своем подчинении соседнему, более крупному городу¹⁶¹.

До конца XII – середины XIII вв. подобные примеры были отнюдь не редки. В частности, сложившаяся в период Раннего Средневековья практика подчинения поселению–*villa* одной или нескольких других *ville* (*villule*) поменьше, фиксируется еще кастильскими грамотами графского периода¹⁶², причем большинство таких *ville* несомненно являлись неукрепленными поселениями сельского типа; шанс на эволюцию в полноценные города имели только те из них, чье военное, логистическое, экономическое значение оказалось достаточно для этого существенным. Процесс формирования четких различий между городом и деревней растянулся на столетия. Во всяком случае, *ville*–поселки, явно не обладавшие характеристиками городских поселений, фигурируют в дипломах кастильских и леонских королей, главным образом – в их дарственных, еще достаточно долго, вплоть

¹⁶⁰ CDoc. Leon. Doc. 5 (23.08.1257): “...al conceio de León doles et otór-goles por alfoz Ardón con todos sus términos et con todas sus pertenencias et con todos sus derechos. Et mando al conceio de Ardón que fagan por el conceio de León assí como su alfoz”.

¹⁶¹ См.: CDoc. Leon. Doc. 1 (28.04.1219, Rabanal).

¹⁶² См., например: “de exitos et terminos et presuras de Paretas Rubias et suas villas et de Villanova et Alfania et Villa Gro et de suas villas” (CD Cond. Cast. Doc. 76 (a. 1014)).

до самого конца указанного периода¹⁶³. Позднее наметилась четкая тенденция к унификации территориальной организации, в рамках которой промежуточный между городом и деревней тип поселений исчез, и консехо, как уже отмечалось выше, со второй половины XIII в. окончательно превратилось в сообщество «города и деревень»: “*conçêio de villa e de aldeas*”.

Последним в ряду обозначений городских поселений в кастильских и леонских источниках периода Высокого Средневековья, следует назвать латинское понятие *urbs*, не имевшее четких «романских» аналогов и спорадически, появляющееся в текстах XI–XII вв., в частности – в местных кратких и пространных фуэро и в документальных источниках. В римских правовых текстах, исходя из известного определения юриста Секста Помпония (II в. н.э.), оно обозначало город как таковой, с четко очерченной (изначально – бороздой плуга) территорией¹⁶⁴, в противовес укрепленному поселению – *oppidum*¹⁶⁵. Однако мои источники – как документальные, так и памятники форального

¹⁶³ Леон: “... uillam meam uocitatam Cordario... cum cunctis opibus et adunctionibus suis atque prestationibus etiam cum hominibus, qui ei seruicium soliti fuerut exercere...” ((CD Verm. III. Doc. 1 (15.11.1028)); “...uilla que uocatur Sancta Columba cum totis suis directuris, in casales, in terras, uineas, arbores fructuosas uel infructuosas, montes, fontes, cum exitibus et regressibus, per ubi totum directum inuenire potueris” (CD Alf. VII. Doc. 1 (12.12.1126)); “... de ipsa uidelicet hereditate de Uilla Fructusa, que uestra erat et monasterii uestri, et illam dedit populatoribus de Uilla Fructosa...” (CD Alf. IX. Doc. 10 (27.06.1188, Carrión)) etc. Кастилия: “... Uilla Frida et Orbanelia et Sancti Martini et ypsa uilla Sancti Martini tribuimus uobis duos domos cum omnes hautantes en eos...” (CD Fern. I. Doc. 10 (17.02.1039)); “... castrum et uillam que uocatur Bella, cum montibus, nemoribus, cum hereditatibus cultis et incultis, cum uineis, pratis, pascuis, cum aquis, fontibus et riuis, cum ingressibus et egressibus, et cum omnibus pertinenciis, et cum omnibus terminis quos habuit dicta villa tempore Almiramolin” (CD Fern. III. Doc. 778 (24.03.1249, Sevilla)) etc.

¹⁶⁴ “*Urbs* ab urbo appellata est: urbare est aratro definire. Et Varus ait urbem appellari curvaturam aratri, quod in urbe condenda adhibet solet” (D. L.16.239.6 (*Pomponius libro singulari enchiridii*)).

¹⁶⁵ “*Oppidum* ab ope dicitur, quod eius rei causa moenia sint constinta” (D. L.16.239.7 (*Pomponius libro singulari enchiridii*)).

права, – не соответствуют этому значению в полной мере уже потому, что города неукрепленные в них не упоминаются вообще. Не соотносится лат. *urbs* и с масштабами и значением обозначаемых им городских поселений.

Так, например, в документах рубежа Раннего и Высокого Средневековья слово *urbs* обозначает как город Леон, фактическую столицу Астурио–Леонского королевства (именно под таким наименованием он фигурирует в хартии (кратком латинском фуэро) 1017 (1020) г.)¹⁶⁶, так и небольшой кастильский город Сепульведа – в королевской грамоте, изданной несколькими десятилетиями позднее (август 1076 г.)¹⁶⁷. Много позднее, – на рубеже XII–XIII вв., – также именуется Куэнка в прологе к ранней латинской версии местного фуэро (ок. 1190 г.) и в основном тексте этой версии, датируемом началом XIII в.)¹⁶⁸ и т.п. Последняя дата, вероятно, фиксирует одно из последних упоминаний понятия: в дальнейшем *urbs* практически исчезает из документов, а с переводом делопроизводства на «романский» язык не получает ни старокастильских, ни леонских соответствий. Впрочем, и в латинской понятийной системе XII столетия употребление слова отличает выраженная нестабильность, на что, в частности, указывают разные наименования одних и тех же городов региона – то *ubs*, то *ciuitas*, то *uilla*, – в нарративных источниках, например, в латинской хронике, традиционно именуемой «Силосской историей»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ F León. 30: “Omnes habitantes intra muros et extra predictae **urbis**, semper habeant et teneant unum forum”. Ibid. 41, 47.

¹⁶⁷ CDS. Doc. 1 (20.08.1076, Navares): “... sub **urbe** qua ferunt Septem Publica, super fluvium Duraton”.

¹⁶⁸ FL Cuenca. Syst. [Prologus]: “conchensem **urbem** intrauit”; “cuius ortus **urbem** prescriptam insigniuit” (Ibid.); “In primis igitur dono atque concedo omnibus inhabitantibus conchensem **urbem**” (FL Cuenca. Syst. I [praeamb.]); “Si uicinus **urbis** extraneum in contermino conche...” (FL Cuenca. Syst. I.1) etc. См. также: FL Cuenca. Primord. I.11 etc.

¹⁶⁹ Hist. Sil. 913: “... **urbes** desertas ab antiquitus populare iussit. Hec sunt Semora, Septimancas et Donnas uel omnes Campi Gotorum”. Cfr.: “... apud Semuram **ciuitatem** ualida febre correptus...” (Ibid. 743).

3. Внешние пределы города: предместья

Кастильские и леонские города предстают как поселения с достаточно четкими внешними и внутренними границами. В отличие от пределов деревенской общины или сельской округи, такие границы не обозначались пограничными знаками. Тем не менее, и горожане, и жители деревень, и приезжие хорошо понимали, где начинается и заканчивается собственно городская территория – то самое «тело города» (*cuerpo de la uilla*), в пределах которого, например, фуэро Саламанки категорически запрещало держать овец. Судя по его данным, городская черта проходила по городским предместьям, и шла от Кастель-де-Рибас и далее, по линии виноградников, до деревни Гонсало-Гонсалес, а затем, через поселение Сан-Кристобаль до Монте-Рубио, а затем к Караскальехо-де-дон-Томе, вплоть до Мосодель и дороги в деревню Санта-Мария¹⁷⁰. Тот факт, что эта черта была защищена режимом особых гарантий безопасности (*coto*), позволяет уверенно рассматривать ее как границу города в собственном смысле слова.

Подобное понимание внешних пределов города нашло отражение и в «Семи Партидах» Альфонсо X Мудрого. В 33-м титуле Седьмой Партиды, посвященном уточнению значения ключевых терминов, говорится, что под городом (*cibdat*) следует понимать «... поселение, окруженное стенами и имеющее предместья (*arrauales*), вместе с расположенными там строениями»¹⁷¹. Такие торгово-ремесленные предместья (ст. каст. *arrival*, леон. *arraualde*), примыкавшие к городской черте с внешней стороны, упоминаются в городах Кастилии и Леона с XIII в., хотя они стали возникать несомненно раньше. Судя по данным пространного фуэро кастильского города Сепульведы, в тексте которого упоминается о подразделении таких предместий на приходы (*collationes*, *collaçiones*), *arrauales* могли занимать достаточно

¹⁷⁰ F Salamanca §342.

¹⁷¹ Partid. VII:33.6: “Otro si dezimos: que do quier que sea fallado este nome ciudad, que se entiende todo aquel lugar, que es cercado de los muros, con los arrauales, e con los edificios, que se tienen con ellos”.

значительную территорию¹⁷². В тот же период в Мадриде вокруг монастыря св. Мартина начало формироваться предместье Сан-Хинес, судя по археологическим данным, весьма обширное¹⁷³.

Еще одна черта предместья – наличие собственных стен, которые и определяли его границы, – как материальные, так и юридические, что хорошо видно по данным фуэро Саламанки¹⁷⁴. Что же касается смысла выделения предместий (а, следовательно, и их границ) в отдельную категорию поселений, то он определялся положением подавляющей части их жителей – ремесленников (*menestrales*), которых фуэро и иные нормативные акты ставили ниже тех, кто проживали *infra muros* и являлись полноправными членами консехо (*uicini, uezinos*) в собственном смысле слова, поскольку город *stricto sensu* начинался именно за линией главных городских укреплений.

4. Городские стены

О значении городских стен как отличительной особенности «настоящих» городских поселений говорит, в первую очередь, та роль, которую придавали им современники. К разобранному выше определению города в Partid. VII.33.6, следует добавить и другие упоминания подобного рода в законодательных памятниках эпохи Альфонсо X. Так, Вторая Партида подчеркивает значимость «добрых стен и добрых башен» для любого города или замка¹⁷⁵, сооружение которых по приказу короля интерпретирует-

¹⁷² FR Sep. [211]: “*De los que moran en arraval*. Otrossí, tod omne que morare en *el arraval* non eche suerte por portiello ninguno en *las collaciones de la villa*; et otrossí, los moradores que fueren en de la villa non echen suerte en portiello ninguno en *las collaciones del arraval*”.

¹⁷³ Попова 2018: 79–80.

¹⁷⁴ F Salamanca §§159 (“e quando fuer fecho el muro dela cipdade, fagamos otro muro ena arrualde”), 160 (“Et elos dela cipdade assien alos dela arrualde, que quando fecho fuer el muro dela cipdade, quales aluden afazer el muro dela arrualde”).

¹⁷⁵ Partid. II.11.2: “Honrra deue el rey fazer a su tierra, e señaladamente en mandar cercar las cibdades, e las uillas, e los castillos, de buenos muros, e de buenas torres”.

ся как великая честь, оказанная городскому поселению. Еще более ярко выражаются авторы Третьей Партиды. В 28-м титуле последней, посвященном объектам сеньориальной власти, сооружение городских стен, ворот и иных укреплений трактуется как общее дело горожан¹⁷⁶, а сами эти объекты относятся к категории святынь (*santas cosas*), из-за чего любое посягательство на них трактуется как святотатство: в доказательство своей правоты составители Третьей Партиды, вспоминая «Фарсалию» М. Аннея Лукана¹⁷⁷, приводят пример Ромула, «сеньора Рима», и его брата Рема, убитого за попытку проникнуть в город через стены, а не через ворота¹⁷⁸. Ниже, в 32-м титуле, стены имену-

¹⁷⁶ Partid. III.28.10: “...Deuen ser metidas en pro comunal de toda la cibdad, o villa, cuyas fueren las cosas onde salen assi como en lauor de los muros, e de las puentes, o de las fortalezas...”.

¹⁷⁷ Patid. III.28.16: “E por esto dixo Lucano que los primeros muros de Roma fueron bañados de la sangre del hermano del Señor della”. Cfr.: “Fraterno primi maduerunt sanguine muri” (Luc. Phars. I.95) («Братской кровью у нас забрызганы первые стены» [пер. Л. Е. Остроумова]).

¹⁷⁸ Partid. III.28.15 (*Como los muros, e las puertas de las cibdades son llamadas santas cosas*): “**Santas cosas** son llamados **los muros, e las puertas de las cibdades e de las villas**. E por ende establecieron los emperadores, e los filosofos que ningund ome no los quebrantasse ronpiendolos nin forçandolos nin entrando sobrellos por escaleras, nin en otra guisa, nin so ellos en ninguna manera si non por las puertas tan solamente. E establecieron por pena a los que fiziesen contra esto que perdiessen las cabeças e porque quien assi entrasse en alguna cibdad, o villa non entraria como ome que ama pro e onrra del lugar: mas como enemigo, e como malfechor. E este establecimiento fizo Romulo que fue Señor de Roma”. См. также: Partid. III.28.16. Ранее сходное по содержанию положение было включено в «Зерцало законов»: “Santas cosas dezimos que son los muros e las puertas de las cibdades. E los muros dizen asi por que son guarda e defendemiemo de los que son dentro, e las puertas por que por ellas entra gouernio, e todas las cosas que son mester a los que viven en aquel logar. E por estas razones son llamadas santas cosas tan bien los muros como las puertas de las cibdades e de las villas. Onde ninguno non deue entrar nin sallir sobre los muros con escaleras nin dotra manera, nin so ellos, nin quebrantar las puertas, nin entrar sobrellas nin so ellas. Ca qual quier que lo feziese seyendo de edat, e en su seso, deve morir por ello” (Especulo. V.8.3).

ются «украшением и благородством города»¹⁷⁹, причем в непосредственной близости от них запрещается возводить какие-либо строения¹⁸⁰.

Значимая часть городского пейзажа, стены городов Кастилии и Леона нередко восходят к достаточно раннему (порой даже римскому или доримскому) периоду истории соответствующих поселений¹⁸¹. Такое явление характерно для значительной части городов, возникших в доримский или римский периоды (в отличие, например, от Куэнки, чья история началась после эпохи мусульманского завоевания¹⁸²). Классическим примером развития городских укреплений, вероятно, является история неплохо сохранившихся до настоящего времени стен Авилы. Эта история началась в доримские времена¹⁸³, продолжилась в эпоху римского и вестготского *civitas abulensis*, сложившегося начиная со II в. до н.э.; именно в этот период были заложены основы топографии центральной части современного города, включая ее внешние пределы, совпадавшие с границами римского поселе-

¹⁷⁹ Partid. III.32.20: “Apostura, e nobleza del Reyno es mantener ... los muros de las villas”.

¹⁸⁰ Partid. III.32.22; III.32.24.

¹⁸¹ Так, например, Ф. Бордехе утверждает, что в римское время укрепления Куэльяра были отстроены при консуле «Тите Ливии», а в дальнейшем сохранились. Однако и он признает, что четкие свидетельства (помимо, разумеется, археологических (см., напр.: Velasco Bayon B. Op. cit., P. 85 ss.)) отсутствуют до XI в. См.: Corpus de castillos medievales de Castilla 1974: 402.

¹⁸² Строго говоря, будущая территория города была заселена уже в доримское время. Однако укрепленное поселение сложилось только после исламского завоевания. Соответственно, основу укреплений христианской эпохи (начавшейся после завоевания города Альфонсо VIII в 1177 г.) составили постройки алькасабы мусульманского времени. Об основных этапах развития городской территории верхней (средневековой) части современного города см., например: Martínez Morales 2020: 13–33.

¹⁸³ Historia de Ávila 1998: 105–280.

ния¹⁸⁴. История авильских укреплений продолжилась в период Раннего и Высокого Средневековья, начавшийся мусульманской конкистой ок. 714 г., за которым последовало отвоевание города, несколько раз переходившего из рук в руки и окончательно завоёванного христианами только в начале XI в. В этот период (ок. 1007 г.) стены Авилы были разрушены до основания, а сам город пришел в полное запустение и освоение его территории (а также восстановление стен на старых фундаментах) произошло лишь во второй половине XI – первой половине XII вв. В дальнейшем эволюция системы укреплений развивалась в тесной связи с процессом освоения территории города и его округа вплоть до конца Средневековья¹⁸⁵.

Городские стены Авилы неплохо сохранились до настоящего времени. Опорой для этих укреплений (как и для предшествовавших им римско–вестготско–мусульманских конструкций) стала скальная порода, характерная для этих мест. Стены были возведены из местного камня, добавившегося буквально в нескольких шагах от черты укреплений. В плане линия стен представляет собой неправильный прямоугольник с протяженностью по периметру ок. 2,5 км. Ограниченное стенами внутреннее пространство занимает площадь ок. 353 м². Комплекс включает 88 башен (к настоящему времени сохранилось 87), четырехугольных в плане, со скругленной внешней гранью; их высота колеблется от 11 м до 17 м (в отдельных случаях достигает 20 м и более), а расстояние между ними – от 19 м до 22 м. Из этих башен девять являются проездными (имеют ворота, ширина которых позволяет проезд гужевого транспорта), причем шесть (Сан-Висенте, Алькасар, Адаха, Пуэрта-де-Марискаль, Пуэрта-де-Малавентура, Пуэрта-дель-Обиспо (ныне – Песо-де-ла-Арина)) являлись таковыми уже в Средние века, тогда как ворота в башнях Ла-Санта, Эль-Растро и Эль-Кармен-Кальсадо были пробиты лишь в XVI в. Еще три башни являются проходными (имеют калитки, часть из которых, вероятно, поздняя)¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Historia de Ávila 1998: 281–380.

¹⁸⁵ Historia de Ávila 2006: 31–65.

¹⁸⁶ Historia de Ávila 1998: 479–517. См. также: Gutierrez Robledo 2021.

Тенденции, прослеживающиеся на примере такого крупного городского центра, как Авила, отмечаются и применительно к городским поселениям меньшего масштаба. Так, стены кастильских городов Куэльяр и Сепульведа, основы которых были заложены в римскую эпоху, неоднократно подвергались разрушению, и в последний раз были восстановлены в период колонизации X–XI вв. Первые же документальные свидетельства о существовании стен датируются еще более поздним периодом; так в Куэльяре речь идет о 1264 г.¹⁸⁷ Эти стены (или, точнее, их сохранившиеся фрагменты с пристроенными к ним (или даже встроенными в них) зданиями более позднего периода) до сих пор составляют неотъемлемую часть сепульведского и куэльярского городских пейзажей. Так, например, район главных средневековых городских ворот Сепульведы (квартал с характерным названием «Барбакана» (ст. каст. – барбакан)) за прошедшие столетия освоен настолько, что к настоящему времени в жилую застройку превратились даже сами эти ворота. В той или иной степени сохранились также ворота «Ессе Ното», «Асоке» («Рыночные»), «Ла-Фуэрса» («Мощь») и «Пуэрта-дель-Постгило» («Боковая»), «Пуэрта-дель-Вадо» («Брод»)¹⁸⁸. В Куэльяре, где городские стены сохранились намного лучше, чем в Сепульведе (степень сохранности куэльярских укреплений – одна из лучших в Кастилии и Леоне), их общая протяженность составляет ок. 2000 м. Из множества башен сохранились две проездные – «Сантьяго» и «Сан-Басилио»; очевидно, что в прошлом их было больше. На протяжении всего Средневековья городские укрепления практически непрерывно расширялись и совершенствовались. В XIII –

¹⁸⁷ О стенах Сепуведы испано-готского периода упоминается в “Хронике Альфонсо III” (конец IX в.): поселение было известно как “castrum” в период походов Альфонсо I. См.: Cron. Alf. III: P. 68–69: “... plurimas ciuitates ... cepit id est: ... Septempública. Ex cunctis castris cum uillis et uiculis suis ... christianos secum ad patriam duxit.” В грамоте 1076 г. Сепульведа именуется “urbs”, то есть поселением, обнесённым стенами. См.: FF Sep.: AD: P. 170, doc. n. 1 (a. 1076, Navares): “... sub urbe Septem publica ...”

¹⁸⁸ Corpus de castillos medievales... P. 407 – 408; *Martín Aymerich M. D.* Las murallas de Sepúlveda (Segovia): Un ensayo de aproximación con métodos arqueológicos, a un ejemplo de pervivencia arquitectónica. Segovia: Exma. Diputación provincial de Segovia, 1990. – 254 p.

начале XIV вв. Сепульведа и Куэльяр оказываются окруженными уже двойной линией стен с башнями и подъемными мостами, в черте которых оказались районы, возникшие после начала колонизации¹⁸⁹. Подобные примеры можно продолжать долго, однако, думается, и сказанного достаточно для того, чтобы представить общие тенденции возникновения и развития городских укреплений в Кастилии и Леоне.

5. Территория *infra muros*

При всем своем неоспоримом военном значении, городские стены представляли собой не только ключевой рубеж обороны, но и еще одну границу в том, что касалось различий правового статуса лиц, проживавших по обе стороны от нее. Лишь те, кто не только являлись постоянными жителями пространства *infra muros*, но и были владельцами, а не арендаторами своих домов, могли в полной мере пользоваться правами, вольностями и привилегиями, которые консехо получало от королей и сеньоров. В частности, именно об этом говорится в привилегии, пожалованной консехо Сепульведы королем Кастилии Альфонсо VIII в августе 1201 г., согласно которой эта категория горожан была освобождена от всех платежей и повинностей в пользу Короны, за исключением обязанности участия в военных походах¹⁹⁰.

Не менее последовательно факт наличия дома в городе как главное основание для получения льгот продвигается в кастиль-

¹⁸⁹ Murallas de Cuéllar. URL: <https://www.cuellar.es/murallasdecuellar/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁹⁰ FF Sep.: AD. Doc. n. 7 (08.08.1201, Ayllón): “... homines qui morabantur infra muros de Septempública comorati fuerint et domos populates cum uxoribus et filiis per totum annum ibi tenuerint, et qui uxores non habuerint et similiter per totum annum cum suo corpore domos populates ibidem tenuerint, absoluo itaque eos de pecto, hoc tamen excepto quod eant in fonsadum”.

ских¹⁹¹ и леонских¹⁹² фуэро. Подчеркну еще раз: такие льготы распространялись только на тех горожан—домовладельцев, которые постоянно проживали в своем доме, а не арендовали жилье, ибо законодатель проявлял понятную заинтересованность в том, чтобы укрепленные города (а также другие укрепления, включая отдельно стоящие башни) были стабильно обеспечены защитниками. Вероятно, наиболее красноречиво эти цели прописаны в фуэро Саламанки, которое приравнивает горожанина—арендодателя, не проживающего в своем доме постоянно, по статусу к жителю деревни, тем самым, умоляя его социально—правовое положение по сравнению с его соседями¹⁹³. Полноправные же горожане включались в фискальные описи (*padron*), специальную книгу (ведение которой являлось обязанностью городского нотариуса Саламанки), с учетом их привилегий, отличавших их от *aldeani* / *aldeanos*¹⁹⁴. Данные, внесенные в опись, становились основой для последующей раскладки платежей и повинностей между членами общины¹⁹⁵.

¹⁹¹ См., например: “*De la vezindat*. Otrossí, mando que omne que non fuer morador en Sepúlvega, & non toviere casa poblada, & heredamiento oviere en Sepúlvega o en su término, que recuda por vezindat, él o otri por él, et si esto non quisiere complir, tómenle la heredit el conçeo fasta que lo compla, assi como sobredicho es” (FR Sep. [196]). См. также: FL Cuenca. Primord. CCCCXXVI; FL Cuenca Sist. XVI.3; F Heznatoraf. CCCXCVIII; F Zorita. 7 и др.

¹⁹² F Salamanca §171; F Ledesma §§111, 262; F Plasencia [2] и др.

¹⁹³ F Salamanca §171: “*De quien ouier casa en Salamanca*. Todo omne que casa ouiere en la uila de suyo, ela ouier poblada *e nola alquilar*, tal foro aya como uezino de Salamanca. E *si la dier alquiler*, tal foro aya como aldeano”.

¹⁹⁴ F Zorita. 347: “El notario sea fiel enel libro leer, et enlas cuentas de conçeo, et enel *padrón* de conçeo, et que sienpre lo tenga tal qual fuere escripto ante los iurados”. См. также: F Zorita. 325, 432, 575, 576. См. также: F Alcalá §207.

¹⁹⁵ F Zorita. 575: “*Del cogedor que mudare el padron de conçeo*. Otroque-sí, el cogedor que el padrón de conçeo mudare de como estudiere, o en el alguna cosa mudare o annadiere, peche X marauedis et el danno doblado”.

Продолжая разговор о городской топографии Кастилии и Леона, отмечу, что город, как и его пригороды, подразделялся на районы (*barrios*), границы которых определялись, главным образом, делением на приходы (лат. *collationes*, ст. каст. *collaçiones*), формировавшиеся вокруг приходских церквей: не случайно в ряде местных фуэро понятия «район» и «приход» фигурируют как синонимы¹⁹⁶. В свою очередь, такие районы / приходы подразделялись на улицы¹⁹⁷, вдоль которых выстраивались участки (позднелат. *solar*, ст. каст., леон. *solar*, *suelo*), занятые отдельными домовладениями. Поселенцы, бесплатно получавшие их под застройку и обретавшие на них право собственности по истечению символического срока «года и дня»¹⁹⁸, не могли на тех же основаниях требовать их вновь после продажи земли в городской черте, выделенной им ранее; впредь участок для постройки дома следовало приобретать за свои деньги¹⁹⁹. Внешние границы домовладения обозначались стенами (ст. каст. *paret*); до момента завершения застройки участок также имел ограду, но временную (ст. каст. *corral*)²⁰⁰. Разумеется, законодатель предусматривал комплекс мер по защите прав владельца участка в законно установленных границах; однако детальное рассмотрение этого вопроса выходит за пределы целей настоящего исследования.

Отмечу также, что застройке той части городской территории, которая находилась в пределах городских стен, была свойственна выраженная скученность, свойственная городам средневековой Европы. Домовладения (ст. каст., леон. *casas*) с примыкающими к ним садами/огородами (где вперемешку росли овощи и фруктовые деревья) (лат. *hortus*, ст. каст., леон. *huerto*) и

¹⁹⁶ См., например: “uezinos del barrio o de la collacion hu mora” (F Zamora §44). См. также: F Ledesma §251.

¹⁹⁷ См., например: “el uezino sea de su calle o de su collacion” (F Salamanca §94). См. также: F Ledesma §44.

¹⁹⁸ См., например: F Soria §475.

¹⁹⁹ См., например: “*De los pobladores.* <...> Otrossí, si alguno vendiere su casa & quisiere y fazer otra de cabo, non la faga, sinon en *suelo* comprado” (FR Sep. [106]).

²⁰⁰ См., например: F Soria §§476, 477.

скотными дворами²⁰¹, окруженные деревянными или каменными заборами (ст. каст. *paret, ualladar*)²⁰², располагались очень близко друг к другу. Жилые строения, возведенные большей частью из дерева и крытые соломой или черепицей²⁰³, выходили окнами (ст. каст. *finiestra*) на улицу, так что выплеснутая из окна грязная вода могла испачкать прохожего, а недоброжелатели хозяина забрасывали окна и двери его дома камнями²⁰⁴. По понятным причинам, составители пространного фуэро Сепульведы (как, впрочем, и ряда других пространных фуэро) были озабочены опасностью пожаров и регламентацией возмещения ущерба, вызванного падением обветшавших строений на участки соседей²⁰⁵. Так, судя по нормам фуэро Сепульведы, количество мусора и навоза на городских улицах вынуждало местные власти к установлению жестких норм ответственности за его оставление в неположенном месте²⁰⁶.

Поскольку городские улицы (лат. *uia, callis*; лат., леон., ст. каст. *carrera*; ст. каст., леон. *rua* (< ст. франц. *rue* < позднелат. *ruga* – «дорога»); ст. каст. *calle*; леон. *calleia*), естественное продолжение античных и средневековых дорог (о чем свидетель-

²⁰¹ FR Sep. tit. [164].

²⁰² FR Sep. tit. [158].

²⁰³ FR Sep. tit. [9].

²⁰⁴ FR Sep. tits. [160]. См. также: FR Sep. [162a].

²⁰⁵ FR Sep. tit. [158].

²⁰⁶ FR Sep. tit. [250]: “Todo omne o muger que estiercol o bassura echare en toda Sepúlvega, en logar que danno faga a casa o a *carrera*...”. Ср.: F Zorita. 356 (текст см. ниже).

ствуется уже этимология перечисленных понятий²⁰⁷), в большинстве случаев, не воспринимались как самостоятельные административно-территориальные единицы, а составляли единое целое с теми кварталами или предместьями, к которым относились, сведений о них в наших источниках относительно немного. Тем не менее, определенное представление об улицах городов Кастилии и Леона мы составить все-таки можем, в частности – в контексте организации городского благоустройства, осуществлявшегося (насколько можно понять) за счет частных лиц.

Так, в апреле 1317 г. некий Антон Перес, сын Доминго Хуанеса Кохо, взял в аренду на десять лет за 330 мараведи торговую

²⁰⁷ Ст. каст., леон. *carrera* (по аналогии с латинским *uia*) в памятниках форального права этого времени в равной мере означает и дорогу, и улицу (как естественное продолжение последней в городской черте). См., например: “...in taberna uel in azoche aut in *carera* aut in quali loco quesierit” (F Madrid. 4); “... que le venga fazer derecho al tercer día a la hora de la tercia a Sancta María Magdalena, al portal de *la carrera*” (F Zamora. 11) etc. Ср.: “La *carrera* por que los omnes suelen yr a las çipdades o a las uillas ningun omne no las çierre, mas dexen de cada una parte VI cobdos que aquellos que uan *carrera* que puedan auer espaçio para solgar” (FJ–1996. VIII.4.25). Ст. каст., леон. *calle* (ставшее наиболее распространенным в современном испанском языке словом для обозначения улицы) также восходит к наименованию дороги или пути, а именно – к лат. *callis* (тропа, дорожка), не позднее второй половины XI в. использовавшемуся также и в значении «улица». См., например: “... de uno solare in Legione, intus muro, secus illa *calle* que discurrit de porta Cauriense pro ad porta de comite, et de alia parte ... *calle* minore, de III pars corte de Scemenio Uelasquiz, IIII pars uestro termino de Sancti Petri” (CD Alf. VI. Doc. 9 (12.11.1071)); “... Aquel mismo almotacén cate que ninguno no eche estiércol ni suziedat ninguna en *las calles*. Et tod aquel que *la call* ensuziare, pendre lo el almotacén por calonna de V sueldos.” (F Zoria. 356). См. также: F Zorita. 137, 260, 825. См. также леон. *calleia* (DMAMAT. Doc. 28 (04.04.1317) etc.). Что касается понятия *rua*, то оно (и в значении «дорога», и в значении «улица») часто встречается не только в текстах документов XIII в. (*Rua* // DEDA. P. 381) и фуэро (Fuero de Carcastillo de Navarra concedido a sus vecinos por Don Alfonso I el Batallador // Muñoz. P. 469: “*Rua longa...*”), но и в памятниках средневековой кастильской и леонской хронистики и эпической поэзии. См., например: “et lo troxieron por todas las mas onradas *ruas* de la uilla” (EE.181); “Un día de fiesta, entrante la semana // pasaba Dionisa por la rúa, mañana” (Apoll. 366).

улицу Роп-Вьеха (дословно: Старьевщиков) (*Rrúa de la Rropa Vieia*), расположенную в небольшом леонском городе Альба-де-Тормес, расположенном недалеко от Саламанки. По мнению Ф. Араухо, имеется в виду современная Пуэрта-дель-Рио, которая идет от моста через Тормес вдоль берега этой реки в южном направлении²⁰⁸. Небольшой переулок (*calleia*) соединял Роп-Вьеха с улицей *Rrúa de los Pannos* (дословно: Сукон или Тканей).

Доход арендатора должна была составить арендная плата с торговцев, как покупателей, так и субарендаторов, тех шестидесяти лавок (точнее – жилых домов с торговыми помещениями при них), которые надлежало перестроить по обеим сторонам улицы. Стены следовало выстроить из камня, а перекрытия должны были располагаться на такой высоте, «чтобы снаружи мог войти человек, вытянувшись в полный рост». Помещения надлежало сохранить «того же размера, что и сейчас», а перекрытия изготовить «из длинного бруса, добротных досок и хорошей черепицы, с выступом крыши на ладонь от линии стен»; здания надо было снабдить «добрыми дубовыми опорами, как те, что находятся на улице Паньос, открытыми сверху на локоть, с добрыми воротами, и добрыми засовами, и добрыми замками, и дверными молотками с наружной стороны, и чтобы переулок, расположенный между этой улицей и улицей Паньос, был вымощен добрыми плитами с известью таким образом, чтобы вода стекала на обе стороны улицы; а с другой стороны пусть выроет канаву в пять ладоней в ширину и пять в глубину, чтобы туда не заходил скот и все исполнит как следует, чтобы с проживающими на этой улице не случилось ничего дурного и они не претер-

²⁰⁸ Araujo 1882: 91.

пели бы никакого ущерба» (в противном случае, такой ущерб Антон Перес должен был возместить за свой счет)²⁰⁹.

Торговцы могли приобретать дома с лавками в собственность, проживать и торговать в них, если были готовы вложить в дело 200 мараведи; также можно было брать лавки в аренду (с проживанием или без такового). На средства, полученные от покупки и аренды лавок, Антон Перес и должен был произвести благоустройство; остальное составляло его доход. По истечении двух лет доходы от аренды должны были поровну делиться между арендатором и консехо.

Разговор о городской застройке невозможно вести без учета социальной и сословной структуры населения городов. К последнему, помимо представителей духовенства, рыцарей, их слуг и других категорий горожан, разумеется, относилось бюргерство, торговцы и ремесленники, присутствие которых в немалой степени придавало городам Кастилии и Леона их специфически-городской социальный облик. На этот факт уже в начале 1980-х гг. обратил внимание С.Д. Червонов²¹⁰. Дополнительные источники позволяют существенно дополнить и конкретизировать сделанные им выводы. Они упоминают о ремесленниках (*menestrales*) самых разных специальностей – бочарах, землекопах, пекарях, мясниках, кузнецах, цирюльниках, угольщиках,

²⁰⁹ DMAMAT. Doc. 28 (04.04.1317): “E que la adobe en esta manera: que faga las paredes de piedra e que las faga tan altas conmo ande el omne enffiesto de dentro, a par de las paredes, e que faga sessenta tiendas, treynta de cada parte, e tamannas conmo agora son e que la cobige bien con buenos cabritos quartizos e buena rripia junta e buena teia e que yxca el ala fuera de las paredes un palmo e con buenas fortas rrobrizas, tan buenas conmo las de la Rrúa de los Pannos, e abierta ençima un cobdo e con buenas puertas, con buenas alamudes e con sus çerraduras e con adavas de dentro; e que la calleja, que es etre esta rrúa e la de los Pannos, que la faga de buenas lanchas e con cal, en tal manera que yxca el agua a amas *las calles*; et de la otra parte que faga una gavia, que aya çinco palmos en ancho e çinco en alto, por que el ganado non suba ençima, e que la adove bien por que mal nin danno non venga a los que posaren en ella; et, si mal o danno rreçibieren por ninguna del su adobo, que él ge lo peche”.

²¹⁰ См., напр.: Червонов 2018.

художниках (*pintores*) и др.²¹¹ Наряду с ними значимую роль играли профессиональные торговцы (*negotiati*). Об относительной стабильности рыночного спроса говорят факты их специализации на продаже отдельных товаров, вплоть до торговли исключительно ячменем. Кроме того, с торговлей были в значительной мере связаны и интересы населения хударий. Наконец, местное городское право содержит немало специальных норм, касающихся регламентации торговли и ремесла. Они включают и элементы настоящего «рыночного права», устанавливающие осо-

²¹¹ О ремесленниках (“*menestrales*”) как особой группой населения неоднократно упоминает пространное фуэро Сепульведы. См., напр.: FR Sep.: tits. [99a], [212], [213]. Там же содержатся отдельные нормы, касающиеся статуса ремесленников отдельных профессий: мясников (tit. [97], [138]), пекарей (tit. [110]), угольщиков (tit. [227]), бочаров (tit. [228]), кузнецов (tit. [249a]). См. также: CDC. Doc. 51 (a. 1302, Cuéllar): “... Pero Yvañez ferero, don Vicent ferero”; CDC. Doc. 55 (a. 1304, Burgos): “... cuatro escusados e un sangrador”; CDC. Doc. 59 ([a.1303 – 1308]): “Pero Dominguez, el çapatero”; CDC. Doc. 74 (a. 1320, Cuéllar): “... don Alfonso carnicero”; CDC. Doc. 91 (a. 1337, Cuéllar): “... Johan García pintor” etc. В большинстве случаев упомянутые лица выступают в актах либо в качестве свидетелей, либо в роли традентов капитулы клириков. Это свидетельствует о высоком (пусть и не доминирующем) положении торгово-ремесленной прослойки в общественной жизни. См. также перечень таможенных тарифов, содержащийся в 223-м титуле FE Sep. etc.

бый статус рынков (*mercados*) и ярмарок (лат. *nundinae*, ст. каст. *ferias*)²¹².

Возвращаясь же к разговору о городских районах, пределы которых определялись приходским делением, замечу, что количество таковых в разных городах, разумеется, было неодинаковым. Так, в кастильском городе Сепульведа к концу XIII в. приходских церквей (а соответственно, и приходов при них) было уже не менее полутора десятков. В частности, документе, датированном декабрем 1295 г. (текст которого сохранился с некоторыми лакунами), фигурируют церкви св. Петра, св. Марины, св. Стефана, св. Спасителя, св. Иоанна, св. Андрея, св. Иакова (Сантьяго), св. Эгидия, св. Варфоломея, св. Доминика, св. Эмилиана, св. Себастьяна, причем этот список следует считать явно неполным²¹³. В тот же период в другом кастильском городе, Мадриде, насчитывалось десять приходов – Санта-Мария, Сан-Андрес, Сан-Педро, Сан-Хусто, Сан-Сальвадор, Сан-Мигель-делос-Оторес, Сан-Хуан, Сантьяго, Сан-Николас и Сан-Мигель-дела-Сагра²¹⁴. В документах из муниципального архива Куэльяра, который на рубеже XIII–XIV вв. по площади и количеству жителей существенно превосходил Мадрид, упоминаются 16 церквей, расположенных *infra* и *extra muros*, в том числе – св. Петра

²¹² Лица, профессионально занятые торговлей, неоднократно упоминаются в документах Куэльяра. См.: CDC. Doc. 6 (a. 1215): “... ut nullus emat carnem vel vinum iudeorum ...; Ibid: “... quod nullus clericus ... vinum et carnem vendat; cum cleri– cis non licet negotiati”; CDC. Doc. 61 (a. 1308, Cuéllar): “... Fernando Ruíz çebadero” etc. Пространное фуэро Сепульведы содержит статьи, гарантирующие режим особой безопасности на ярмарках, которые проводились в Сепульведе в течение 8 дней до и после Великого Поста (см.: FR Sep.: tits. [21], [22]). Отдельные нормы такого рода касаются и рынков. См.: FR Sep. tit. [214], [236]. Наконец, пространный таможенный тариф, подробно изученный С. Д. Червоновым (см. выше), включен в состав 223–го титула. Действовавшее в Куэльяре “Королевское фуэро” включает пространный титул, содержание законов которого касается исключительно регламентации торговли. См.: FR III.10: “De las uendidas e de las compras”.

²¹³ CDS. Doc. 13 (04.12.1295, [Sepúlveda]).

²¹⁴ Alvarado Planas, Oliva Manso 2019: 111; Попова 2019: С. 66–79.

(построена не позднее 1095 г.), св. Марии-на-склоне (Santa María de la Cuesta) (не позднее 1190 г.), св. Себастьяна, Спасителя, св. Марины, св. Иоанна, св. Юлиана, св. Агеды, св. Стефана, св. Фомы, св. Иакова (Сантьяго), св. Мартина, св. Эгидия (Сан-Хиль), св. Николая, св. Михаила, св. Андрея, а к концу XV в., по данным Б. Веласко Байона, общее число куэльярских церквей достигло 22 при населении ок. 2000 человек²¹⁵ и т.д.

В последние десятилетия исследуемого периода (конец XIII – середина XIV вв.) в городах Кастилии и Леона, как и в других регионах Латинского Запада, число приходских церквей достигло своего максима. В это время, в городских поселениях, средних по площади и количеству жителей, насчитывалось, как правило, 10–15 приходских церквей и, соответственно, столько же городских и пригородных приходов. По данным Ф. Бенито Мартина, во всем королевстве Кастилия и Леон более 15 приходов насчитывалось только в Сории, Саламанке, Сеговии, Авиле, Куэльяре, Ольмедо и Медина-дель-Кампо²¹⁶. Для сравнения приведу пример Саламанки, бывшей, наряду с Авилей и Сеговией, одним из крупнейших городов Эстремадуры своего времени. В фуэро Саламанки содержится полный перечень городских и пригородных приходов / районов, выполнявших функции судебных округов (*iudgado*). Всего их насчитывалось 35: Сан-Симон, Санта-Мария-ла-Майор, Сан-Хусто, Сан-Бартоломе, Сан-Адриан, Сан-Хервас, Санто-Томе, Сан-Хуан, Сан-Андрес, Сан-Педро, Сан-Себриан, Сан-Факундо, Сан-Роман, Санта-Крус, Сан-Николао, Сан-Бовал(?), Сан-Мильян, Сан-Мигель, Сан-Лоренсо, Сан-Эстебан, Санта-Олалья, Сан-Себастьян, Сантьяго, Сан-Исидро, Сан-Мартин, Сан-Бенейто, Сан-Матеос, Сан-Сальвадор, Сан-Хиль, Сан-Хулиан, Сан-Пабло, Сан-Кристобаль, Санто-Доминго, Сан-Пелайо, Санта-Мария-ла-Нуэва²¹⁷.

²¹⁵ Velasco Bayon 1996: 157.

²¹⁶ Benito Martín 2004: 65.

²¹⁷ F Salamanca §292.

Несмотря на то, что наши источники не описывают границы приходов и не касаются вопроса о размерах их территории²¹⁸, существенное правовое значение этого территориально–административного института не подлежит сомнению. Не входя в детали (о которых будет подробно сказано ниже), отмечу, что именно по приходам избирали важнейших должностных лиц – судью (выполнявшего функцию главы городского управления), алькальдов, терсеро (сборщиков трети церковной десятины) и др.²¹⁹ Церкви нередко служили местом клятв – неотъемлемой части судебной процедуры и протокола деятельности властных учреждений, включая консехо; клялись на Евангелиях и кресте – предметах церковного культа²²⁰. Значительный объем административных, фискальных и судебных функций связывает с институтом прихода леонское фуэро Саламанки²²¹. Крайне подробное (включающее 871 закон) кастильское фуэро Сориты-де-лос-Канес, относящееся к семейству фуэро Куэнки, возлагает на городские и пригородные приходы функции, связанные не только с избранием должностных лиц, но и с фискального (выдвижение сборщиков платежей, установлением режима круговой поруки и др.), военного, (снабжение отряда консехо, выставление дозорных, квадрильеро и др.), экономического (организация выпаса

²¹⁸ Эта территория определялась епископом. Изначально исходили из представлений о том, что церковь должна находиться в зоне шаговой доступности для прихожан, на что применительно к Франции XIII в. указывала уже О.А. Добиаш-Рождественская, однако, затем эта норма перестала соблюдаться. О.А. приводит также примеры установления и оспаривания границ приходов, рассматриваемые ею на примере диоцезов Ле-Мана и Оша, где приходские церкви в сельской местности были расположены в 2–4 (максимум – в 6) лье друг от друга, а число прихожан определялось цифрой в 30–50 очагов (хотя известны и примеры приходов, включавших до 300 очагов) (см.: Добиаш-Рождественская 1914: 51–54). К сожалению, мои источники такой информации не дают.

²¹⁹ См., например: FR Sep. [175], [176], [205], [211].

²²⁰ См., например: FR Sep. [178] и др.

²²¹ F Salamanca §§94, 120, 164, 225, 261, 290, 292, 302, 304, 305, 310. Ср.: F Ledesma §§ 44, 113, 251, 258, 298 и т.д.

скота и назначение пастухов), административного характера²²² и т.п. Эта явно выраженная особая роль местных церковных учреждений в системе организации власти в городе, разумеется, не являлась случайной и объяснялась выраженной слабостью и даже рыхлостью институтов светской власти, действовавших в городской черте, что, впрочем, было характерно не только для Кастилии и Леона²²³.

Исключение из общего правила тесной и даже неразрывной связи административного деления и местной церковной в организации представляли собой те районы (*barrios*), территория которых не была связана с приходским делением и границами приходов. Речь идет о районах, населенных представителями иноконфессиональных меньшинств – мусульманами (маврами) и иудеями, т. н. *aljamas*²²⁴. Мавританские районы (морерии) для Центральной Испании были явлением более редким, чем для городов юга, где такие районы сохранялись в течение более длительного времени. Однако, например, в кастильском городе Куэльяре морерия (*varrio de los moros*) существовала еще и в XIV в. Рядом с ней, за чертой главных городских стен, располагался городской рынок, окруженный оградой (“*barrera*”) с воротами. Находившиеся здесь лавки мясных, рыбных, хлебных и других рядов, по-видимому, в большинстве случаев сдавались в аренду частным лицам, а последние, в свою очередь, передавали право

²²² F Zoria. 144, 179, 180, 218, 325, 327, 330, 331, 374, 393, 569, 609, 615, 623, 634, 641, 657, 835.

²²³ См., например: Jehel, Racinet 1999: 516–521.

²²⁴ Cortes de Palencia (a. 1313).102: “Otrrossi me ffiçieron ssaber que las *mis aljamas delos judíos* delos mios rreynos ssolian pechar al Rey don Alfonso mio auelo e al Rey don Sancho mio padre, sseys mill mr. cada dia, e desto non sse escusaua ningun judio, que me pechauan ami el quinto; e que son escussados mas de cinco mill judios en mios rregnos delos mas rricos...” (Cortes. T. I. P. 220):.

торговли субарендаторам²²⁵. Вне всякого сомнения, применительно к исследуемому периоду этот случай был далеко не единственным²²⁶, но все-таки не повсеместным, тогда как наличие иудейского квартала (худерии) в городах Кастилии и Леона до конца XV в. являлось именно нормой²²⁷. Однако, хотя в кастильских и леонских фуэро содержится немало положений, касающихся отдельных аспектов правового статуса мавров и иудеев, но как в нормативных, так и в иных письменных источниках местного происхождения данные о морериях и худериях как особой части городской территории отсутствуют. Что, впрочем, выглядит вполне логично, если учесть факт наличия королевской монополии на контроль как над маврами, так и над иудеями: не случайно упоминания об альхамах (особенно – о худериях) встречаются только в королевском законодательстве.

Так, в сентябре 1290 г., король Кастилии и Леона Санчо IV (1282/1284–1295), выступивший в поход на мавров, находясь в ставке в Уэте, распорядился о взимании с худерий экстраорди-

²²⁵ CDC. Doc. 9 (a. 1244, Cuéllar): “en las carnicerías del mercado”; CDC. Doc. 52 (a. 1302, Cuéllar): “... las casas e el huerto ... en mercado, que an la puerta do venden los peces”; CDC. Doc. 85 (a. 1333, Cuéllar): “... las casas que yo he en varrio de los moros, enfrente de la puerta de la barrera del mercado.”; CDC. Doc. 86 (a. 1333, Cuéllar): “... unas casas ... que son en varrio de los moros que dizen de Panadería.” etc.

²²⁶ Г.А. Попова (см.: Попова 2019: 118–128), впрочем, указывает, что в Мадриде морерия существовала протяжении всего Средневековья, вплоть до начала XVI в. Она была расположена к югу от оврага, по дну которого протекал ручей Сан-Педро, на склонах Лас-Вистильяс. Отделенный этим оврагом от основной части города, окруженной крепостной стеной, мавританский квартал граничил также с христианскими приходами Сан-Андрес и Сан-Педро. В пределах сеговийского диоцеза, к которому относился Куэльяр, морерии фиксируются также в городах Сеговии, Коке, Искаре, Педрасе, Пеньяфеле, Портильо, Сепульведе, а также в местечках Чинчон, Гуадаррама, Мартин-Муњос-де-лас-Посадас и Реаль-де-Мансанарес; см.: Rasual Cabrero 2016: 135-163. Общие сведения о морериях в Кастилии и Леоне в указанный период см., например: *Echevarría Arguaga* 2006: 27–30.

²²⁷ См., например: Ruiz Gómez 1993: 57–78.

нарного платежа для покрытия расходов на военные действия и утвердил соответствующие квоты. Среди других общин, там значатся и хударии Сепульведы Куэльяра: первая должна была выплатить королю 18 912 мараведи, вторая – 1 929 мараведи²²⁸. И хотя конкретную раскладку общины провели сами под руководством старшин иудейских общин, имена которых перечислены в документе, – *Jacob Yahion* (Ньебла), *Çag aben Açot* (Херес-де-ла-Фронтера), *don Abrahem aben Ffara* (Кордова, Хаэн) и *Dauj a Budarhan* (Толедо), – однако, все они действовали по прямому королевскому приказу. Не случайно, например, постановление кортесов в Вальядолиде (1322 г.) прямо запрещает контроль над иудейскими общинами кому-либо, кроме короля²²⁹. Близки по содержанию королевское «Установление Алькала-де-Энарес», утвержденное на кортесах в этом городе в 1348 г., и отдельное постановление, принятое на тех же кортесах²³⁰. Что же касается границ худерий (как и морерий), порядка их установления и изменения, то, скорее всего, здесь действовал тот же принцип, что и в случае иных предместий: естественным пределом такого района становилась его внешняя стена. Эти стены полностью или частично сохранились в ряде городов Центральной Испании, в частности, в Куэльяре, где присутствует не только часть стены иудейского квартала, но и открывавшие доступ в куэльярскую худерию арка «Сан-Мартин», названная по близлежащей церкви²³¹. Подобный пример явно не является исключением.

²²⁸ CD Sancho IV. Doc. 322 (09.1290, Huete): “Esta es la partiçión delas Aljamas delos Judíos que se fizo en hueste por mandado del rrey, enel mes de Septiembre, era de mill & CCC & XXVIII annos. <...> Obispado de ssegouja... Sepúlveda, XVIII mill DCCCCXII; ... Cuéllar, mill DCCC-CXXIX”.

²²⁹ Cortes de Valladolid (a. 1322). 60: “Et que inffante nin rrico omme nin inffancon nin cauallero nin rrica ffenbra nin duenna nin otro ninguno que non aya judio nin judia nin tenga *juderia* ninguna., mas que todos los judios ssean del Rey e moren enlas ssus villas” (Cortes. T. 1. P. 356).

²³⁰ Ordenamiento de Alcalá. Ley LVII (Corte. T. 1. P. 533); Cortes de Alcalá (a. 1348). 54 (Cortes. T. 1. P. 612).

²³¹ Velasco Bayon 1996: 226–229.

6. Город и замок

Наконец, последняя категория внутренних границ, существовавших во всех без исключения городах Кастилии²³² и Леона²³³ (включая и городские поселения центральной Испании), проходила по линии укреплений городских замков (*castiellos*). Замок – неотъемлемая часть истории средневекового города в Кастилии и Леоне, – занимал наиболее возвышенное и важное в военном отношении место в городе; именно на замок замыкалась вся система городских укреплений²³⁴. В связи с этим частота упоминания замков в моих источниках достаточно велика. Правда, большинство таких упоминаний касается военных кампаний, обстоятельств, связанных с защитой замков, их взятием или, наоборот, незаконной сдачей врагу и т. п. О замках же как неотъемлемой части городского пространства из источников местного происхождения узнать почти невозможно. Данные ограничиваются сообщениями о долях судебных штрафов и иных платежей, полагающихся замку (т.е. его владельцу, сеньору, и его вассалу – алькайду (шателену)). Некоторую дополнительную информацию содержит лишь фуэро леонского города Пласенсия, в котором присутствует запрет принимать в замке знатного мавра²³⁵, а также упоминается об использовании замка в качестве места заключения²³⁶.

Более конкретные данные содержит актовый материал первой половины XIV в. В частности, шесть актов, сохранившихся

²³² См., например: FR Sep. [51]; CDocC. Doc. 63 (02.10.1306, Burgos): “... paral refazimiento del vuestro castiello ...”; F Zorita. 239, 595, 635, 636, 637, 682, 759; F Soria. IX.

²³³ F Salamanca §§159, 317; F Ledesma §§377, 379; F Alba de Tormes §§42, 129, 146, 147; F Plasencia. 2, 13, 19, 51, 428, 481, 510, 511, 513, 541, 542, 705, 706, 723, 736.

²³⁴ См., например, об этом: El castillo medieval en tiempos de Alfonso X 2009.

²³⁵ F Plasencia. 705.

²³⁶ F Plasencia. 706, 723.

в муниципальном архиве леонского города Альба-де-Тормес касаются конкретного казуса, связанного с городским замком. Дел в том, что в феврале 1317 г. сеньор города, магнат Диего Гомес де Кастаньеда, поставил алькайдом некоего инфансона Гарсия Переса де Мейс. И сеньор, и новый алькайд скрепили оммажем в руках королевского алькальда Альба-де-Тормес, действовавшего от лица горожан, свои обязательства не нарушать прав жителей города. Возникновению подобных опасений весьма способствовали и широкие полномочия шателена, и имевшаяся у него возможность в любой момент укрыться за стенами замка, под защитой его гарнизона. Однако (как это нередко бывало в ту эпоху) скрепление обязательств оммажами не гарантировало отсутствия злоупотреблений. В борьбе с последними консехо взяло вверх далеко не сразу, на это ушли долгие годы. Мы не знаем деталей этих событий. Известно лишь, что в конце концов, в мае 1323 г., новым алькайдом замка леонского города Альба-де-Тормес стал местный уроженец, рыцарь Гарсия Нуньес, к чему, собственно, горожане и стремились²³⁷. Следует особо отметить, что, хотя назначение алькайдом «своего» человека должно было смягчить остроту проблемы, однако, оно не меняло главного — экстерриториального статуса замка, шателена и гарнизона в пределах, очерченных линией городских стен.

Ныне (да и то в сильно перестроенном виде) сохранился лишь донжон замка: остальная часть его была взорвана французами в 1812 г., в период испанской Войны за независимость (1808–1814). Не менее драматичной была судьба Бургосского замка, практически уничтоженного артиллерией во время взятия города испано–британской армией герцога Веллингтона в 1813 г. В числе сохранившихся, но сильно пострадавших в тот же период следует назвать также замок Куэльяра, неоднократно фигури-

²³⁷ DMAMAT. Docs. 26 (18.02.1317, Alba de Tormes); 27 (22.02.1317, Alba de Tormes), 30 (12.05.1323, Alba de Tormes), 31 (12.05.1323, Alba de Tormes), 32 (13.05.1323, Alba de Tormes), 33 (14.05.1323, Alba de Tormes).

рующий в средневековых документах²³⁸. Свой нынешний вид куэльярский замок приобрел в XV в., в правление короля Энрике IV, который пожаловал его Бельтрану де-ла-Куэва, герцогу Альбукерке. После 1558 г. замок утратил характер сеньориальной резиденции и вскоре был превращен в тюрьму. Тем, даже в своем нынешнем виде, сильно перестроенный, он оставляет огромное впечатление²³⁹. Что же касается замка Сепульведы, также неоднократно упоминаемого в актах²⁴⁰, то он пережил войны и потрясения, но в начале XX в. был снесен из-за ветхости. Другим замкам повезло намного больше. В частности, это касается замка Пеньяфьеля (в современной провинции Вальядолид), построенного не позднее середины X в., уже в 1917 г. включенном в число памятников истории национального значения и тщательно отреставрированного²⁴¹.

Библиография

- Добиаш-Рождественская О.А. Церковное общество Франции в XIII веке. Ч. 1: Приход. Пг., 1914.
История Испании. Т. 2. М., 2014.
Попова Г.А. Мадрид в Древности и Средневековье. Очерк истории. М.: Наука, 2018.
Червонов С.Д. Испанский средневековый город. СПб., 2018.
Чиркова А. В. Западноевропейская дипломатика Средних веков и Раннего Нового времени. СПб.: Нестор-История, 2019.
Alvarado Planas J., Oliva Manso G. El Fuero de Madrid. Madrid, 2019.

²³⁸ См., напр.: CDC. P. 63. doc. n. 21 (a. 1264, Sevilla): “... catando que los muros de la villa e otrossi las puentes que avedes mucho mester son a pro e guarda de vos ...”; Ibid. P. 130. doc. n. 57 (a. 1306, Burgos): “E estas penas que sean paral refazimiento del vuestro castiello ...” См. также: Velasco Bayon 1996: 131.

²³⁹ См.: Corpus de castillos medievales 1974: 402.

²⁴⁰ О сепульведских укреплениях на рубеже XIII–XIV вв. см., напр.: FE Sep.: tit. [51]: “... venga de los muros afuera ... fasta la puerta del castiello”.

²⁴¹ Villa Polo, Sanz Platero 2019: 13–38.

- Araujo F. Guía histórico–descriptiva de Alba de Tórmes. Salamanca: Imp. y Lit. que fué de S. Cerezo, 1882.
- Benito Martín F. El sistema medieval de asentamientos de Castilla y León // *Arqueología y Territorio Medieval*. 2004. Vol. 12. № 2.
- Benito Martín F. La formación de la ciudad medieval. Valladolid, 2000.
- Cano Aguilar R. Alfonso X y la historia del español: imagen histórica // *Alcanate: Revista de estudios Alfonsies*. 2008–2009. № 6.
- Carlé M. del C., Fauve M. E. G., Ramos N.B., Forteza P., Las Heras I.J. La ciudad.; Orduña Rebollo E. Historia del municipalismo español. Madrid, 2005.
- Carlé M. del C., Fauve M. E.G., Ramos N.B., Forteza P., Las Heras I.J. La ciudad. Barcelona, 2001.
- Corpus de castillos medievales de Castilla / Coord. por J. Espinosa de los Monteros, L. Martín–Artajo Saracho. Bilbao: Clave, 1974.
- Echevarría Arsuaga A. La “mayoría” mudéjar en León y Castilla: legislación real y distribución de la población (Siglos XI–XIII) // *En la España Medieval*. 2006. № 29. P. 27–30.
- El castillo medieval en tiempos de Alfonso X / Ed. por A. L. Molina Molina, J. A. Eiroa Rodríguez. Murcia: Universidad de Murcia. Servicio de Publicaciones, 2009.
- Gautier–Dalché J. Historia urbana de León y Castilla en la Edad Media (siglos IX – XIII). Madrid, 1979. P. 69–168
- Gautier–Dalché J. Historia urbana de León y Castilla en la Edad Media (siglos IX – XIII).
- Gutierrez Robledo J. L. Las murallas de Ávila. Arquitectura e Historia. Ávila: La Diputación de Ávila, 2021.
- Historia de Ávila. Vol. 1: Prehistoria e Historia Antigua / Dir por M. Mariné Isidro. Ávila: Caja de Ahorros de Ávila; Diputación de Ávila; Institución Gran Duque de Alba, 1998. P. 105–280.
- Historia de Ávila. Vol. 2: Edad Media (siglos VIII–XIII) / Dir. por A. Barrios García. Ávila: Caja de Ahorros de Ávila; Diputación de Ávila; Institución Gran Duque de Alba, 1998. P. 479–517.
- Historia de Ávila. Vol. 3: Edad Media (siglos XIV–XV) / Dir. por G. del Ser Quijano. Ávila: Caja de Ahorros de Ávila; Diputación de Ávila; Institución Gran Duque de Alba, 2006. P. 31–65.
- Jehel G., Racinet Ph. La ciudad medieval: del Occidente cristiano al Oriente musulman (siglos V – XV). Barcelona, 1999.

- Kleine M. La cancillería real castellana durante el reinado de Alfonso X (1252–1284): una aproximación prosopográfica / Tesis doctoral. Sevilla: Universidad de Sevilla, Facultad de Geografía e Historia, Departamento de Historia Medieval y CC.TT.HH., 2012. P. 257–270 – <https://core.ac.uk/download/pdf/157763765.pdf> (data обращения: 14.05.2022).
- La ciudad medieval y su influencia territorial. Najera. Encuentros internacionales del Medioevo 2006 / Ed. B. Arizaga Bolumburu, J.A. Solorzano Telechea. Logroño, 2007.
- Martín Aymerich M. D. Las murallas de Sepúlveda (Segovia): Un ensayo de aproximación con métodos arqueológicos, a un ejemplo de pervivencia arquitectónica. Segovia: Exma. Diputación provincial de Segovia, 1990.
- Martínez Díez G. Las Comunidades de la Villa y Tierra de la Extremadura Castellana (Estudio Histórico–Geográfico). Madrid, 1983.
- Martínez Llorente F.–J. Régimen jurídico de la Extremadura Castellana Medieval. Las Comunidades de la Villa y Tierra (s. X–XIV). Valladolid, 1990.
- Martínez Morales N. Cuenca. Evolución urbana de la ciudad alta / Trabajo Fin de Grado. Madrid: Escuela Técnica Superior de Arquitectura de Madrid. Universidad Politécnica de Madrid, 2020 – https://oa.upm.es/63068/1/TFG_Jun20_Martinez_Morales_Nuria_1de2.pdf (data обращения: 15.05.2022).
- Monsalvo Antón J.M. El sistema político concejil. El Ejemplo del señorío medieval de Alba de Tormes y su concejo de la villa y tierra. Salamanca, 1988.
- Niederehe H.–J. Alfonso el Sabio y la fisonomía lingüística de la Península Ibérica de su época // La lengua y la literatura en tiempos de Alfonso X: Actas del Congreso Internacional, Murcia, 5–10.05.1984. Murcia, 1985.
- Pacual Cabrero J.L. Aljamas y morerías de la diócesis de Segovia // De la alquería a la aljama / Coord. por A. Echerarría Arsuaga, A. Fábregas García. Madrid, 2016.
- Rucquoi A. Valladolid en la Edad Media. Vol. 1. Valladolid, 1987.
- Ruiz de la Peña Solar J.I. Reconquista, Repoblación y Sociedad en la Frontera Castellano–Leonesa // Los fueros de Sepúlveda. I Symposium de Estudios Históricos de Sepúlveda / Ed. por J. Alvarado Planas. Madrid, 2005.

- Ruiz Gómez F. Aljamas y concejos en el Reino de Castilla durante la Edad Media // *Espacio, Tiempo y Forma. Ser. III: Historia Medieval*. 1993. T. 9.
- Sánchez González A. El privilegio rodado medieval. Cuando el documento resulta especialmente bello // Quiroga. *Revista de Patrimonio Iberoamericano*. 2021. Vol. 20.
- Vanoli A. Alle origini della Reconquista: pratiche e immagini della guerra tra cristianità e islam. Torino, 2003.
- Vanoli A. L'invenzione della Reconquista. Note sulla storia di una parola // *Reti Medieval Rivista*. 2008. T. 9. № 1 – <http://www.rmojs.unina.it/index.php/rm/article/view/urn%3Anbn%3Ait%3Aunina-3116> (дата обращения: 01.06.2021);
- Vanoli A. *La Reconquista*. Bologna, 2009.
- Velasco Bayon B. *Historia de Cuéllar*. Segovia, 1996.
- Villa Polo J., Sanz Platero D. *Castillo de Peñafiel*. León: Editorial MIC, 2019.
- Villar García L.M. *La Extremadura castellano-leonesa: guerreros, clérigos y campesinos, 711–1252*. Valladolid, 1986.

ПРАВОВОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ИСТОРИОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОММУНЫ ИТАЛИИ: ТРАДИЦИИ, НОВАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Н.А. Селунская

Понятие «город итальянского средневековья» охватывает две сферы, которые на латыни определяются как «urbs» и «civitas». Нас в данном обзоре интересуют именно цивитас, т.е., прежде всего, история изучения институтов общины и историографические картины цивитас. Историографическая панорама эта грандиозна, что заставляет заострить внимание на определенных этапах и ракурсах.

Отмечу сразу, что при выборе плана историографического обзора мне хотелось бы, в первую очередь, сравнить некоторые направления итальянской и российской традиции исследования коммуны на протяжении прошлого и в начале нынешнего столетия хотя бы потому, что такое сравнение не занимает иностранных авторов историографических очерков. Другие историографические моменты влияния и отдельные труды представителей иных национальных историографических школ, в особенности, англоязычные публикации, которые задумывались как переворот и вызов традиции, упоминаются мной в связи с особенностями их восприятия и силой влияния на исследования истории коммуны в России и Италии (Не менее интересны для интерпретации и проявления полной невосприимчивости к этим вызовам медиевистов неанглоязычных стран). Основания для такого ограничительного выбора, надеюсь, будут раскрыты для читателя более убедительным образом в ходе развития данного экскурса.

Укажем сразу и основные линии сопоставления историографических тенденций, избранных в качестве основного объекта изучения. Выделяются такие сквозные темы, как соотношение правовых и социально-экономических аспектов изучения истории civitas, вопросы взаимоотношения города и феодально-сеньориальных структур, обобщающий дискурс и казус, историография и саморефлексия историка и корпорации медиевистов. Речь пойдет об истории изучения коммуны преимущественно в двадцатом столетии, а также и то

историографическое положение, которое сложилось в начале века нынешнего.

Естественно, история коммуны как история определенного города или края изучалась эрудитами, знатоками древностей и архивов на протяжении нескольких веков. Этот этап позволил осуществить комментированные публикации важных как для изучения социальной истории, так и для истории права источников²⁴². Аналитическая история, проблемный подход, однако, думается, формировался в самой Италии лишь к 1880 – 90-м гг., хотя краеведческий и историко-правовой характер литературы по-прежнему преобладал у историков, тем не менее, тогда появились исследования, на которые принято ссылаться до сих пор.

Я имею в виду т.н. школу экономическо–юридических исследований – *scuola economica giuridica*, к которой принадлежит творчество таких историков, как Джоакинно Вольпе, Ромоло Каджезе, Газтано Сальвемини, Джино Луццато. Школой это направление называется условно, здесь не было, строго говоря, школы, но так определялся круг единомышленников. Несмотря на встречающиеся (особенно в англоязычной литературе) эпитеты «вульгарный марксизм» или «твердый марксизм»²⁴³ по отношению к этой школе историографии, можно сказать, что это было творческое направление аналитической исторической мысли.

Позитивизм в основных подходах к изучению истории являлся достижением академической мысли. Также марксизм к этому времени стал если не влиятельным, то весьма модным интеллектуальным течением и приобрел себе в Италии сторонников. Либеральная мысль была достаточно сильна.

Вопрос о начальных этапах средневекового развития городской общины, на мой взгляд, служит индикатором появления проблемно-исторического исследования по итальянской медиэвистике. Несомненно, Дж. Вольпе был смелым исследователем, свое мнение формулировал решительно, не заботясь об автори-

²⁴² Выделим из исследований раннего периода развития историографии общий труд по истории коммун южной Италии XII–XIX в.: Faraglia 1883.

²⁴³ См. например характеристику Дж. Ларнера (Larner 1991: 8).

татах прошлого. Вольпе склонялся к тезису о новационном характере средневековой коммуны. Тезис этот не был представлен голословно, ему сопутствовала большая работа над источниками, свидетельствующими о конкретных формах воплощения новых принципов объединения. При этом ни сам исследователь, ни историографическая (экономико-юридическая) школа, к которой он принадлежал, ни в коей мере не грешили модернизированием исторических реалий и не пытались представить коммунальное движение в качестве революции²⁴⁴.

Фундаментальный труд историка Р. Каджезе, современника и единомышленника Вольпе, по истории сельской коммуны также полон идей о новационном характере процесса, который вел к консолидации жителей округа, как простолюдинов, так и нижнего слоя привилегированной группы (Valvassori). При этом коммунальное движение отнюдь не воспринималось как буржуазная революция в среде итальянских специалистов начала XX в.²⁴⁵

Обращение к работам данных историков до сих пор является подспорьем для серьезного ознакомления с темой коммун, а не просто данью уважения к историографическим изысканиям прошлого.

Справедливо мнение, что краткая работа Вольпе о происхождении и развитии итальянских коммун служит отправной точкой в изложении современной историографии коммун²⁴⁶, но то же утверждение, на мой взгляд, применимо и к весьма пространным трудам Каджезе по истории сельских коммун²⁴⁷. Возможно, именно масштабность публикации Каджезе помешала работе стать столь же читаемой и цитируемой, каким явился очерк Вольпе, как бы блестящее введение к так и не написанной книге.

²⁴⁴ Ссылаюсь на более доступное в России издание, хотя существует и более современное: Volpe 1961: 85–118.

²⁴⁵ Caggese 1907–1909.

²⁴⁶ Coleman E. The Italian communes. Recent works and current trends // *Journal of Medieval history*. Vol. 28. № 4. P. 376.

²⁴⁷ Caggese 1907–1908.

Естественно, опубликованную век назад работу использовать необходимо с осторожностью и оговорками²⁴⁸. Однако, из современных работ по смелости поставленных вопросов (но не по масштабам исследования) с трудом Каджезе может сравниться только блестящая монография Криса Уикхэма²⁴⁹.

Основная специфика итальянской коммунуны как качественно новой стадии жизни средневекового города долгое время не оспаривалась даже самыми последовательными приверженцами идеи континуитета. Мне представляется оправданным то, что работы представителей экономико-юридической школы (особенно Вольпе и Каджезе) хотя и не переводились в России, но пользовались вниманием итальянистов весьма продолжительное время.

С первых шагов отечественной историографии эпохи средних веков тема итальянской коммунуны вызывала интерес в России.

Родоначальник российской медиевистики Т.Н. Грановский в публичных лекциях не просто касался этой проблемы, но сделал ее стержнем изложения. Как известно, лекции эти стали событием в культурной жизни эпохи, привлекли внимание и историков, и образованной публики. Конечно, манера изложения Грановского более соответствовала жанру публицистики, чем исследования, но это принесло свои плоды: интерес к итальянским городам-коммунам, к теме самоуправления, демократии как результата социальной борьбы укоренился в России. Во всяком случае, эта тема самоуправления города стала ассоциироваться с демократическим дискурсом. Любопытно, что славянофил С.П. Шевырев, работая над трудом о творчестве Данте, гораздо точнее и конкретнее выразил особенности и роль средневекового города, с его традицией социальных институтов и непрестанной борьбой партий имперской и папской ориентации. Краткие, но емкие замечания Шевырева относительно городов Тосканы показывают, что за ними стояли глубокие знания источников.

²⁴⁸ Тезис, прозвучавший из уст известного историка Дж. Ларнера (to be used with some caution), пристрастно относившегося к направлению экономико-юридической школы; Larner 1991: 180.

²⁴⁹ Wickham 1998.

Говорить о создании серьезной и оригинальной школы итальянистики и изучения истории коммун в частности, можно лишь применительно к более позднему периоду отечественной науки, т.е., рубежу XIX–XX вв. Настолько разноплановые историки, как И.М. Гревс, Н.Н. Кареев, отчасти, и М.М. Ковалевский, интересовались историей *цивitas* и всегда подчеркивали инновационные черты средневековой *цивitas*, хотя каждый из этих исследователей обладал достаточной эрудицией в области античной истории, чтобы подметить формальные моменты сходства средневековых институтов самоуправления с институтами периода древнего мира. Вклад И.М. Гревса, его особый путь преподавания и изучения Флоренции и средневековых коммун Тосканы, экскурсионный метод погружения в историю с предварительной подготовкой в виде чтения и комментирования исторических источников эпохи, дал свои плоды. И в России после революции 1917 г. и в эмиграции ученики этого профессора-итальяниста проводили успешные исследования по истории коммуны Флоренции и Тосканы, достаточно упомянуть имена Н.П. Оттокара и В.И. Рутенбурга.

В своих ранних исследованиях, еще в начале прошлого века, Оттокар путем исследований локальной специфики городской коммуны Тосканы разработал модель истории развития коммуны во Флоренции на протяжении нескольких столетий. К сожалению, (а возможно, к счастью) полный расцвет творчества этого ученого пришелся на годы эмиграции и оказал гораздо большее влияние на развитие *медиевистики* в Италии, чем в России, о чем свидетельствует тот факт, что статью «коммуна» для первой многотомной итальянской энциклопедии двадцатого столетия было доверено подготовить именно Оттокару²⁵⁰.

Если мы обратимся к послереволюционному периоду истории науки в России, то следует отметить: после нескольких лет тотальной борьбы с историей как дисциплиной гуманитарного цикла и попытками заменить историю вульгарной социологией, последовал возврат к традиционной практике преподавания с призывом специалистов старой школы. При бдительном и нередко репрессивном надзоре со стороны новых властей, история и исторические исследования вернулись

²⁵⁰ Ottokar 1931.

в университеты и школы, период борьбы с исторической наукой (как с чуждой дисциплиной) сменился призывом создать новую историю, вооруженную правильной идеологической доминантой, в переходное же время, уже с 1934 г. вернулась возможность заниматься традиционной медиевистикой для тех ученых, которые не покинули родину в тяжелые кризисные моменты. Эти самоотверженные историки, специалисты по истории средиземноморья: И.М. Гревс, О.А. Добиаш-Рожественская, Н.П. Соколов, смогли возродить специализацию и традицию изучения *civitas* средневековья.

Именно в советский период тема исследования коммун, публикации источников на русском языке стала одной из приоритетных, и целая плеяда историков проливали свет на страницы истории итальянской общины, как города, так и деревни²⁵¹.

В советской школе историографии, как и в любой школе исследований, господствовали определенные схемы, тем не менее, итальянисты, которые работали в университетах и исследовательских центрах после войны и в особенности в 1960–70е гг., существенно различались по своей исследовательской манере. В то же время следует отметить, что типичный для советской историографии интерес к экономическому положению и юридическому статусу непривилегированных групп, и, прежде всего, различных слоев крестьянства средневековых итальянских земель, были оригинальными в плане постановки вопросов и четкими по исполнению исследовательских задач²⁵².

Вклад российских ученых действительно был самобытным, но, в то же время, тесные контакты российских и итальянских историков открывали новые возможности научного обмена, результаты которого сказывались на протяжении десятилетий. Следует отметить, что в 1960–70-е гг. контакты отечественных историков с итальянскими коллегами были весьма успешными и плодотворными.

Несмотря на то, что в отечественной историографии коммунальное движение являлось одним из излюбленных сюжетов, именно вопрос о происхождении средневековой итальянской

²⁵¹ Абрамсон 1976; Бернадская 1959; Рутенбург 1951.

²⁵² Бернадская 1959б; Брагина 1958; Брагина 1959; Котельникова 1960; Рутенбург 1959; Самаркин 1964.

коммуны, черты преемственности в ее истории, на мой взгляд, не получили четкого отражения.

Восьмидесятые годы двадцатого столетия стали временем синтеза идей и разработок предшествующих исследований. Мне хотелось бы подробнее рассмотреть вклад Л.А. Котельниковой в изучение истории сельских, и городских общин Севера и Центра Италии X–XV вв., который весьма высоко оценивался международной научной общественностью, прежде всего и в самой Италии в 70–80-х г. XX в.

В своих исследованиях Котельникова справедливо обращала внимание на то, что одним из наиболее примечательных фактов итальянской истории периода расцвета феодализма было повсеместное существование не только городских, но и сельских коммун. Котельникова отстаивала идею преемственности между общиной и сельской коммуной как социальными явлениями. При этом исследовательница полагала, что та или иная конкретная община не являлась непосредственной предшественницей сельской коммуны²⁵³.

Таким образом, Л.А. Котельникова отрицала непосредственную преемственность средневековых коммун по отношению к структурам и институтам, которые существовали в более ранний период на той же территории (даже в сельской местности, где перемены всегда происходили медленнее, чем в городе). Тем самым видная представительница отечественной историографии закрепляла в российской науке определенный стиль трактовки данной проблемы, характерный для первой половины прошлого века.

В отличие от нее некоторые (прежде всего, итальянские) историки и историки права готовы были рассматривать в качестве предтечи коммуны не только муниципий или объединения периода поздней античности и раннего средневековья, но и более отдаленные ее прообразы, как общины до-римского периода истории, причем континуитету общины в сельской местности уделялось особое внимание²⁵⁴.

Важным постулатом современной европейской, прежде всего, итальянской историографии стал вывод о частном характере

²⁵³ Котельникова 1987.

²⁵⁴ Bognetti 1978; Santini 1964.

первоначального объединения в коммуну. Этот тезис стал общепринятым с 60-х г. прошлого века, причем его утверждение можно приписать влиянию публикаций фундаментальных исследований и лекций Дж. Фазоли.

Центральной для исследования Фазоли стала идея о том, что на первоначальной стадии развития коммуна носит исключительно частный характер, будучи продуктом временного договора частных лиц – горожан или селян–соседей, заключенного с конкретными утилитарными целями²⁵⁵. В трудах Фазоли, посвященных трансформации городской общины в средневековую коммуну, период рубежа тысячелетий отмечен как качественно важный и переломный, причем подчеркивается, что для обозначения городского объединения постепенно начинает использоваться новый термин, новое имя существительное на вольгаре, которого не существовало в классической латыни.

Интересно, что почти незамедлительно и столь же четко был обозначен противоположный тезис, отрицающий частноправовую природу средневековой коммуны. Табакко, в противовес уже сформировавшемуся представлению, настаивал на признании политической и публичной природы итальянской средневековой коммуны, причем (со ссылкой на работы Банти) указывал на ненадежность следования юридической терминологии источников в употреблении термина *цивитас*. Автор этого утверждения Дж. Табакко был достаточно популярен, причем не только на родине. Сам программный труд Табакко был переведен на английский язык, что не так часто случалось с работами итальянских историков.

Удивительно, что историк, выработавший целостную социально–политическую концепцию средневековой истории Италии почти в марксистском ключе²⁵⁶, получил признание в англоязыч-

²⁵⁵ Fasoli 1961.

²⁵⁶ «...in the instance the chosen viewpoint is the socio–political one. Socio–political history is here understood as the conscious acquisition by groups or hegemonic classes, and by a political power–structure which gradually becomes institutionalized...». Tabacco 1989: 1.

ной академической среде, но не в российской²⁵⁷, хотя, казалось бы, подобная позиция должна была казаться близкой отечественной историографии тогда еще советского периода.

В советской историографии употребление источниками названий *comunia*, *comune* определялось не просто как появление нового юридического термина для обозначения общины, но как качественно новое явление социально–политического развития. Так, например, акцентировался аспект борьбы за коммуны, а не моменты преемственности генезиса коммуны. В частности, сами термины «*coniuratio*», «*juramentum*», которые сопровождают первые документальные свидетельства появления коммуны, истолковывались в данном ключе. Характерна манера обращения к данному аспекту таких видных специалистов по истории средневековой Италии, как Л.А. Котельникова и В.И. Рутенбург.

В.И. Рутенбург (а именно он с середины прошлого века являлся одним из известнейших и влиятельнейших советских исследователей) прямо указывал, что «торжественный момент перехода власти из рук феодального сеньора в руки города отмечали клятвой *coniuratio*»²⁵⁸.

Как и в произведениях европейских историков начала прошлого века, речь шла о переломном, качественно новом моменте развития общины, а само рождение общины, первоначальный этап ее развития (этап *coniuratio*) связан с приобретением этим объединением публичных функций. И, следовательно, уже в силу этого приобретения нового качества о плавной линии преемственности не могло идти и речи. Однако, даже в таком изложении сторонника исторического материализма правовой дискурс не исчезает, а просто приобретает ряд особенностей.

В Италии, на мой взгляд, похожий дискурс просматривается в ранних работах Вольпе, в особенности, акцент на возникновении сообщества круговой поруки. Есть, как мне кажется и переклички между изложением версии истории коммуны советским историком–марксистом и дискуссионными точками зрения итальянской историографии 1960–70х годов. Вопрос о новационном

²⁵⁷ Этот контраст замечен при сравнении библиографии и справочного аппарата общих работ по итальянской медиевистике 1980-х гг.

²⁵⁸ Рутенбург 1965: 8.

моменте развития городов и становлении коммуны ставился в эти годы в итальянских работах, но не был разрешен.

По мнению авторитетной итальянской исследовательницы Дж. Фазоли, важнейшим моментом является не время объединения соседей круговой поруки, а переход от *civitas* к коммуне. В труде Фазоли есть попытка объяснить, чем собственно выражалось приобретение нового качества и статуса и насколько быстро оно становилось ощутимым, но ее нельзя назвать окончательно проясняющей проблематику. Кроме того, можно отметить, что в работах Фазоли идея коммуны проступает вполне отчетливо как идея развития городского мира.

Формы подачи проблемы в книге Фазоли отразили особенности изложения материала, принятого в курсах лекций, послуживших основой для монографии. Видимо, именно в ходе своей преподавательской деятельности Фазоли ощутила необходимость поставить на обсуждение некоторые вопросы, которые не стремились акцентировать многие ее коллеги.

Само по себе название основной работы Фазоли: «От *civitas* к коммуне в Италии», взятое без анализа содержания, может натолкнуть на мысли о том, что исследовательница развивала идеи общины континуитета от античности к средневековью. Но отметим, что Дж. Фазоли под *civitas* подразумевала в основном городскую общину средневековья, предшествующую коммуне. При этом роль античной *civitas* не рассматривается как определяющая для формирования *civitas* в средневековье. Интересно, что ученик и сподвижник Джина. Фазоли, Антонио Иван Пини, описывая историю коммун и корпораций, отстаивал иную точку зрения, проводя параллели между системами отношений зависимости, создаваемыми в различные исторические эпохи²⁵⁹.

По моему мнению, в сущности, разные определения, выдвигавшиеся в 1960–70-х гг. в различных национальных исторических школах, которые мы разбирали выше, не являются непримиримыми. Можно заключить, что разнохарактерные определения просто относятся к разным этапам или вариантам консолидации жителей определенной местности в коммуну.

²⁵⁹ Pini 1986.

Нельзя сказать, что современная историография выработала общепризнанную концепцию становления коммуны. С другой стороны, существует повсеместно цитируемый круг трудов и сборников работ по самым общим проблемам складывания горизонтальных связей общности, перерастающей в коммуну. Кроме того, историографическим вызовом и стимулом служили некоторые дискуссионные и обобщающие англоязычные работы. Здесь планируется отметить лишь узкий круг трудов, трудов, которые, тем не менее, значительно повлияли на историков других национальных школ историографии средневековья, в частности, имели резонанс и в России, и в Европе, на континенте. Среди этих работ, фигурируют исследования С. Рейнольдс и опубликованное коллегами к юбилейной дате ее последователями (Дж. Нельсон, П. Стаффорд, Дж. Мартиндейл) собрание эссе под общим названием *Law, Laity and Solidarities*, (вскоре получившее статус авторитетного руководства для учебного процесса)²⁶⁰. Не менее часто цитируются общие исследования клановой структуры внутри пространства городской коммуны и роли фактора кровнородственных связей в позднесредневековый период²⁶¹.

Это сочетание популярности тем при ближайшем рассмотрении выглядит парадоксальным. Ведь вчитываясь в исследования Рейнольдс, читатель сразу обращает внимание на умышленное нивелирование роли кровнородственных отношений в развитии коммуны, которое исследовательница несколько не скрывает, а наоборот, открыто декларирует²⁶². Тем не менее, многие исследователи, признающие и использующие идеи Рейнольдс, также охотно ссылаются на материалы традиционных исследований темы клановых и фамильных связей, которые данным идеям в корне противоречат²⁶³. Рейнольдс в книге «Королевства

²⁶⁰ Law, laity and solidarities 2001.

²⁶¹ Heers 1977; Hanawalt 1986.

²⁶² Reynolds 1997: 337–338.

²⁶³ Хочется отметить обстоятельность и взвешенность концепции правового канонического восприятия кровнородственных связей, присутствующую в уже указанном собрании эссе, посвященного средневековым идеям солидарности и общинам: D'Avray 2001: 188–199.

и общины Западной Европы 900–1300» утверждала, что понятие «коммуна» не имело правового значения вообще, а политическое значение коммун варьировалось в большей степени, чем историки готовы признать²⁶⁴. Думается, что такое резкое заявление и отрицание правовой определенности понятия «коммуна» было ответом на традицию правовой интерпретации исторического явления коммун, однако, данный вызов англоязычной историографии не повлиял существенным образом на преобладание правового дискурса в области изучения истории цивитас.

Действительно, трудно дать общее определение правовых и политических характеристик европейской средневековой коммуны. Однако само отрицание важности определенных характеристик демонстрирует, что автор обобщающего труда продолжает опираться на конкретные региональные особенности феномена коммун, в данном случае, Рейнольдс явно акцентирует специфику англо–саксонского мира, наиболее досконально изученную ей в ряде специальных работ.

Весьма важно отметить стремление к поискам общих черт в истории итальянской коммуны и общин других регионов и в работе Рейнольдс, в частности, и в историографии 80-х гг. и особенно 1990-х гг. в целом²⁶⁵. Это показательный этап развития историографии вопроса. В самое последнее время, другой дискутируемой и по праву заинтересовавшей корпорацию итальянистов работой стал другой вклад британского историка, анализирующий, в частности, проблему спонтанности и рациональности в процессе становления коммуны²⁶⁶.

Этот труд был вскоре переведен на итальянский язык, и пусть, не моментально, но стал обсуждаем итальянскими специалистами, но, к сожалению, ни коллективного мнения, ни обстоятельных высказываний отдельных авторитетных медиевистов России по этому поводу пока не прозвучало. К сожалению – это говорится не в качестве фигуры речи, ведь данный труд мог стать поводом для новой круциально важной дискуссии по поводу начального этапа формирования коммун Италии.

²⁶⁴ Reynolds 1997: 179–180.

²⁶⁵ Civitatum Communitas 1984; D'une ville a l'autre 1989; Nicholas 1997.

²⁶⁶ Wickham 2015.

Думается, что в отношении континуитета коммуны не существует и, видимо, не может в настоящее время быть выработано четких и общепризнанных заключений. Наиболее осторожным было бы ограничиться констатацией того факта, что почти все заметные поселения и общины, получившие статус *civitas* в средневековье, стали европейскими коммунами. Однако неоспоримо и то, что некоторые средневековые коммуны отнюдь не имели античных предшественников. Вторая половина 1980-х г. прошлого века дала развитие этой проблематики и на уровне отдельных работ, и на уровне конгрессов историков. В принципе, плодотворность этих дискуссий может быть использована и в настоящий момент.

Работы Р. Бордоне, Х. Келлера, Дж. Табакко отстаивали идею весьма плавного характера процесса становления общины в качестве общины гражданского и политического характера, т.е., коммуны. Также внесли свою лепту исследования правовой документации, ибо при анализе вопроса о появлении коммуны пользуются в основном правовой документацией как историческим источником, а в нотариальной практике сохранялась традиция употребления термина *цивитас*, а не неологизма *comune*.

Приоритет разработки соотношения этих двух терминов в правовых документах городского происхождения, скорее всего, принадлежит итальянскому исследователю О. Банти²⁶⁷. Вскоре эта тема получила развитие (в основном, на материале севера Италии) в работах сразу нескольких ученых²⁶⁸.

Тем не менее, нельзя сказать, что после этого этапа появилось стандартное определение коммуны, которое устраивало бы совершенно всех историков. Точнее говоря, как только определенный консенсус складывался, и становилось возможным хотя бы на уровне общих трудов по истории Италии средневековья обозначить такое синтетическое определение, пригодное для преподавания истории, то непременно в ближайшие годы возникала новая историографическая дискуссия и звучало предложение

²⁶⁷ Banti 1977: 217–231.

²⁶⁸ Это обстоятельство отметил в очерке по историографии средневековой итальянской коммуны Э. Колеман и привел соответствующие цитаты: Coleman 1999: P. 381, nn. 42, 44.

пересмотреть сложившееся мнение. Поднимался неоднократно такой вопрос и в итальянской академической среде.

Реплики по поводу отсутствия особого и новационного характера итальянской городской общины в сравнении с другими вариантами развития общины в Европе²⁶⁹, тем не менее, требуют ответа и анализа итальянистов. Ситуация осложняется тем, что национальная школа итальянской историографии достаточно замкнута, не стремится к популяризации и обобщенному изложению тезисов, выработанных рядом микроисторических исследований.

Можно заключить, что именно период организации сообщества круговой поруки являлся первичным для развития будущей коммуны. Латинский термин в средневековом начертании — *conjuratio*, был первым и наиболее характерным встречающимся в источниках обозначением этой нарождающейся коммуны. Важно отметить также, что сообщество круговой поруки характерно не только для итальянских земель, но и для других исторических регионов Европы²⁷⁰. Воля этого сообщества к противоборству с вышестоящими властями и приобретению публичного характера власти могла сказаться в дальнейшем при определенных условиях, а могла и не проявиться.

Мне кажется необходимым сделать выводы по поводу вопроса трактовки феномена *conjuratio* (если использовать форму написания, встречающуюся в средневековых источниках). Так или иначе наиболее общий и нейтральный историографический тезис формулируется следующим образом: при своем зарождении коммуна — это объединение без каких-либо публичных функций, созданное посредством круговой поруки и клятвы верности («*Juramentum*») с целью взаимовыручки и обеспечения безопасности. Постепенно к этому договору присоединялось все большее количество жителей городского квартала, селения, замка. Движущей силой объединения являлась местная элита, по-

²⁶⁹ См. например, цитировавшуюся выше интересную полемическую работу обобщающего характера: Coleman 1999: 373–397.

²⁷⁰ С. Рейнольдс приводит примеры запретов *conjuratio* Симоном де Монфором в Лангедоке и почти одновременно Фридрихом II (в последнем случае речь шла о братствах под разными названиями, возникавшими в городах Германии. Reynolds 1997: 74.

этому не удивителен факт, на который обращают внимание представители английской историографии Рейнольдс и Хайд: что коммуной называли и всех членов объединения, и лишь систему самоуправления, и тех, кто ее активно осуществлял, и, наконец, то и другое вместе²⁷¹. Очевидно, что следует обратить особое внимание на состав и характер локальных элит для определения специфики конкретной общины или стадии ее развития. Такая задача будет поставлена в числе исследовательских приоритетов.

Но, если признать, что коммуна на первоначальном этапе (по своему происхождению посредством круговой поруки и принесения клятвы верности «*Juramentum*» членами объединения) не имела публично-правовых функций, это вызывает новый ряд вопросов. Как случилось, что итальянские общины росли не только численно, но и качественно, претендуя на отправления некоторых публичных функций (например, правосудия) и добиваясь признания такого публичного характера власти коммуны. Была ли коммуна, однажды возникнув, «обречена» на приобретение иного статуса путем неизбежной борьбы за свободы и привилегии корпорации? Или же лишь счастливое стечение исторических обстоятельств помогло итальянской городской общине занять иную ступень в средневековой иерархии сил и властей? Что происходило с объединением, которое, освободившись от власти локального сеньора, само подчиняло себе округу, перехватывая инициативу сеньориального управления? Наконец, можно ли сопоставить определение средневековой *civitas* с понятием гражданской общины?

Проблема независимости или иммунитета (свободы) общины, а также критериев и градаций зависимого статуса общины и индивида в средневековой Италии – одна из главнейших и наиболее дискуссионных в историографии. Эта тема включает анализ влияния городской коммуны на формирование структур общинного самоуправления в округе. В целом можно сказать, что

²⁷¹ Hyde 1972: 273–307, esp. 280–82; Reynolds 1977: 132–136; Reynolds 1997: 182 («...by the thirteenth century the various words which they (historians) translate as commune could be used according to context to cover the whole community of government, or just the government, or just the community of people whom the government governed»).

индивидуальный статус определялся членством и местом в городской или сельской общине (привилегированный член общины, неполноправный, бесправный и т.п.). Что же можно сказать об определении статуса самой общины (коммуны) в социальной иерархии? Можно ли, например, в этом вопросе опираться на понятия «зависимости» и «независимости»?

Придется отметить, что вопрос о критерии «независимости» средневековой гражданской общины Италии в работах историков часто не ставится²⁷². Обозначение «независимая коммуна» либо употребляется произвольно, либо считается тавтологией (сам термин коммуна как бы подразумевает, что это – независимая, самоуправляющаяся общность).

Отправной постулат в наиболее краткой форме, которую мне удалось подобрать, звучит так: степень независимости индивида, формы подчинения группы или индивида вышестоящей власти, возможность осуществлять господство и предоставлять покровительство определялись статусом корпорации, к которой они принадлежали. В начальный период формирования региональных государств, в ситуации политического полицентризма, абсолютная независимость общины от влияния иных социальных сил была невозможной: коммуна взаимодействовала с разного рода сеньориальными структурами. Поэтому, разбирая вопросы развития коммуны, нельзя игнорировать специфику сеньориальной стороны (как контрагента этого взаимодействия). Коммуна (или любое объединение, приобретавшее или уступавшее права или привилегии), ограничивалась давлением извне, определенной значимой на локальном уровне или централизующей господствующей силой.

В российской историографии особенно акцентировались те стадии развития общины, когда публичные функции ею уже приобретались или, по крайней мере, настойчиво оспаривались,

²⁷² В.И. Рутенбург постулировал, что города-коммуны к последней четверти XI в. пользовались уже «частичной или полной автономией, как правило, закрепленной юридически» без какой-либо конкретизации форм и способов правового самоопределения коммуны (Рутенбург 1965: 8). Такая тенденция продолжала существовать и в дальнейшем в отечественной историографии. См. напр. Классы и сословия средневекового общества 1988. Общности и человек в средневековом мире 1992.

т.о. понятие «коммуна» должно было получить такие коннотации, как «свободная» и «самоуправляющаяся». Момент взаимодействия коммунального и сеньориального мира также не просто учитывался, но постоянно подчеркивался. Мнение Рутенбурга звучит так: «Время зарождения средневековой коммуны Италии не может быть зафиксировано с абсолютной точностью». При этом, однако, подчеркивается, что консолидация коммун происходит на рубеже XI–XII в., именно «в период борьбы с сеньорами»²⁷³. Мнение Котельниковой, точнее выводы из ее обстоятельных исследований, говорили более настойчиво о достаточно прочном слиянии структур, условно относимых к миру феодализма и миру города-коммуны, но, тем не менее, моменты противостояния также заострялись.

Этому моменту бурного развития исследований коммун в Италии со стороны историков России соответствовала сложная историографическая ситуация взаимодействия школ и мнений в самой Италии, при условном разделении специалистов на собственно историков, в т.ч. и прежде всего историков экономического мира средневековья и историков права и институтов. Русская школа медиевистики, историческая мысль, с интересом следила за этим развитием, воспринимала эту сложную картину историографии и отражала ее некоторым обобщенным образом.

Среди историков права, пришедших к изучению вопросов развития социальных институтов и соотношения теории права и ее воплощения на практике необходимо особо выделить имя ныне работающего сиенского специалиста проф. Марио Аскери²⁷⁴.

Отдадим дань медиевистам, заложившим основу специализации в XXI веке, наиболее близких к изучению социального поля при блестящем знании статутного права и других источников правового поля: Джироламо Арнальди (1929–

²⁷³ Рутенбург 1965: 8–11.

²⁷⁴ Ascheri 2003; Asceri 2006a; Asceri 2006b.

2016)²⁷⁵ и Джорджио Киттолини²⁷⁶ (1940–2022), а также Джованни Керубини (1936–2021)²⁷⁷, ушедших из жизни в последние годы, но до конца своей жизни и карьеры, творчески активных и оказывающих влияние на формирование новых поколений историков. Работы этих авторов были известны специалистам итальянистам и медиевистам в России, хотя известность эта не выходила за узкие рамки академической специализации. В особенности работы Керубини, продолжателя линии историографии Сальвемини и Сестана, представителя итальянского марксизма (по крайней мере, близкого европейскому марксизму в глазах историков–сверстников из России), были созвучны советской школе медиевистики.

Среди историков-медиевистов, изучающих коммуны средневековья в Италии в настоящий момент много ярких дарований, исследователей, изобретающих новые темы и методики изучения феномена *civitas* (в основном на уровне локальной и региональной истории). Но, к сожалению, прежнего контакта корпораций Италии и России уже не происходило, да и не могло происходить, хотя бы в силу некоторой атомизации исследований по медиевистике в России. Соответственно, трудно найти после 1990-х гг. отечественные коллективные труды медиевистов-итальянистов, фокусирующие проблему и специфику итальянской средневековой коммуны, хотя, думается, нельзя игнорировать и индивидуальные усилия исследователей, в особенности, поднимающие общие проблемы развития историографии итальянской *civitas* на русском языке²⁷⁸. Однако, коллективная рефлексия по поводу развития иноязычной, например, итальянской традиции историографии в данных

²⁷⁵ Arnaldi G. – <https://www.treccani.it/enciclopedia/girolamo-arnaldi/> (режим доступа: 05.05.2024).

²⁷⁶ Chittolini – <https://www.sismed.eu/it/2022/04/03/scomparsa-di-giorgio-chittolini/> (режим доступа: 05.05.2024)

²⁷⁷ Cherubini G. – <https://www.unifimagazine.it/giovanni-cherubini-la-medievistica-fiorentina/> (режим доступа: 05.05.2024).

²⁷⁸ Этой темы непосредственно касаются мои собственные работы, которым, что примечательно, нашлось место в альманахах по интеллектуальной истории: Селунская 2007а; Селунская 2007б.

условиях не может осуществляться и постулироваться на русском языке заметным образом ни в рамках корпорации, ни вне ее. Между тем, с начала века в итальянской медиевистике происходят значительные перемены, которые требуют анализа со стороны.

Следует отметить, что в новейших итальянских разработках темы средневековой *civitas* есть тенденция к большей рефлексивности, а также намечается важная работа по соединению конкретно–исторических исследований с исследованиями по истории историографии, размышления медиевистов над прошлым опытом, над моментами «истории историков».

Такую работу прекрасно демонстрируют, как мне кажется, прежде всего медиевисты, включенные в семинары, традиционно проводимые в тосканском Сан-Миньято. Подчеркнем особую ноту преемственности в работах ученика Керубини, медиевиста из Пистойи Джампаоло Франчесconi, который с равным успехом занимается и индивидуальными исследованиями по истории коммуны и сеньориального мира Тосканы XIII–XV вв., но и выступает в качестве редактора и публикатора коллективных трудов и исторических источников²⁷⁹. Примечателен в ряду общих исследований десятилетия также и коллективный вклад, который подготовили представили другой линии развития историографии коммуны²⁸⁰. В ряду работ по изучению историографических дискурсов особенно значительную роль на протяжении многих лет, на мой взгляд, имеют труды Энрико Артифони²⁸¹.

²⁷⁹ См., напр.: *Liber hominum et personarum comitatus Pistorii* (1293–94) 2010; *Le Provvisioni del Comune di Pistoia* (secolo XIV) 2015; Natale Rauty: *l'impegno culturale e la ricerca storica* 2016; Francesconi 2021. См. тж. коллективный труд: *La città che scrive* 2017.

²⁸⁰ *Società e poteri nell'Italia medievale* 2014. Отметим и индивидуальный вклад представителя этой ветви историографии, одного из учеников того же мэтра, ныне титулованного специалиста Энрико Фаини: Faini 2018.

²⁸¹ Artifoni 1990: 387–404; Artifoni 1993; Artifoni 2001: 45–56. Artifoni 2010: 7–16. Artifoni 2013: 43–57; Artifoni 2021: 411–437.

Именно сейчас не хватает того присутствия русскоязычной историографии, которое ощущалось в европейской медиевистике на протяжении половины века. Мало коллективных усилий итальянистов по объединению новых возможностей работы с казусом и новых ориентиров историографической мысли. Разумеется, требуется больше рефлексии по поводу сочетания правового и социального дискурса в изучении коммуны. Зато были сделаны важные шаги, необходимые для осмысления медиевализма и возможностей идеологического использования страниц истории средневековья в современном мире, которые, впрочем, при всех усилиях корпорации медиевистов и итальянистов на современном этапе развития исторической дисциплины не могут перекрыть тенденции популизма и модернизации, которые проявляются в общественном сознании. Тем более следовало бы соединить усилия правоведов и историков права с усилиями историков и социологов для достижения большего равновесия между академическими дискурсами и расхожими представлениями о средневековье и средневековых коммунах.

Библиография

- Абрамсон М.Л. Характерные черты южноитальянского города в раннее средневековье (VI–XI вв.) // Средние века. 1976. Вып. 40.
- Бернадская Е.В. История сельских коммун Моденской провинции // Средние века. 1959. Вып. 14.
- Бернадская Е.В. К истории аграрных отношений Северной и Средней Италии XIV–XVI вв. (по материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
- Брагина Л.М. Общинное землевладение в Северо–Восточной Италии в XIII–XIV вв. // Средние века. 1958. Вып. 12.
- Брагина Л.М. Положение крестьянства в Северо–Восточной Италии в XIII–XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.
- Классы и сословия средневекового общества / Под ред. З.В. Удальцовой. М., 1988.
- Котельникова Л.А. О формах общинной организации североитальянского крестьянства в IX–XII вв. // Средние века. 1960. Вып. 17.
- Котельникова Л.А. Феодализм и город в Италии. М., 1987.

Общности и человек в средневековом мире / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1992.

Рутенбург В.И. Итальянские коммуны XIV–XV вв. Л., 1965.

Рутенбург В.И. Итальянские коммуны XIV–XV вв. М.–Л., 1965. С. 8–11.

Рутенбург В.И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.–Л., 1951.

Рутенбург В.И. Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.

Самаркин В.В. Эволюция либеллярного держания в Северо–Восточной Италии в XII–XIV вв. // Вестник МГУ. Серия «история». 1964. № 3.

Селунская Н.А. «Коммуна» и «сеньория» средневековой Италии: история концептов, или особенности национальной охоты к историографии // Диалог со временем. № 20. 2007.

Селунская Н.А. Коммуна в «вотчине Св. Петра»: история концептов и средневековая история Италии. М., 2007.

Artifoni E. La medievistica in Piemonte nel Novecento e il problema dell'identità regionale. La cultura del Novecento in Piemonte: un bilancio di fine secolo, San Salvatore Monferrato, Edizioni della Biennale «Piemonte e Letteratura», 2001. P. 45–56.

Artifoni E. La contessa Adelaide nella storia della medievistica // La contessa Adelaide e la società del secolo XI. Susa: Società di ricerche e studi valsusini, 1993 («Segusium», vol. 32, 1992)

Artifoni E. Nuovi documenti di medievistica psichiatrica: San Francesco e Dante tra Lombroso, Paul Sabatier e Max Durand–Fardel // Lombroso et la France. Criminologie, politique, littérature / A cura di S. Montaldo, M. Porret, X. Tabet. Genève: Georg, 2021 (= Beccaria. Revue d'histoire de droit de punir, vol. 6, 2020–2021).

Artifoni E. Pietro Torelli e la tradizione medievistica. Notariato e medievistica. Per i cento anni di “Studi e ricerche di diplomazia comunale” di Pietro Torelli / A cura di I. Lazzarini, G. Gardoni. Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 2013 (Nuovi studi storici, 93).

Artifoni E. Una questione di libertà... (a proposito di “Medievistica del Novecento” di Giovanni Tabacco) // Reti Medievali. XI/2 (2010). P. 7–16.

Artifoni E. Corporazioni e società di «popolo»: un problema della politica comunale nel secolo XIII // Quaderni storici. № 74 (1990).

- Ascheri M. Appunti di storia del diritto nel Medioevo. Torino: Giapichelli, 2006.
- Ascheri M. Le città–Stato. Radici del municipalismo e del repubblicanesimo italiani. Bologna: Il Mulino, 2006.
- Ascheri M. Siena e la città – Stato del Medioevo italiano. Siena: Betti, 2003.
- Banti O. “Civitas” e “Commune” nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Forme di potere e struttura sociale in Italia nel medioevo. Bologna, 1977.
- Bognetti G. P. Studi sulle origine del comune rurale. Milano, 1978.
- Caggese R. Classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Firenze, 1907–1908.
- Caggese R. Le classi e comuni rurali nel medioevo italiano. Vol. 1–2. Firenze, 1907–1909.
- Civitatum Communitas. Studien zum Europaischen Stadtewesen / Hrsg. H. Jager, Fr. Petri, H. Quirin. 2 vols. Cologne–Mienna, 1984.
- Coleman E. The Italian communes. Recent work and current trends // The Journal of Medieval History. Vol. 24. № 4. (Dec. 1999).
- Coleman E. The Italian communes. Recent works and current trends // Journal of Medieval history. Vol. 28. № 4 (1999).
- D’Avray. Lay kinship solidarity and Papal Law // Law, laity and solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds / Ed. by P. Stafford, J. L. Nelson, J. Martindale. Manchester, 2001.
- D’une ville a l’autre: structures matérielles et organisation de l’espace dans les villes européennes, XIIIe–XIV siècles. Actes du colloque organisé par l’Ecole Française de Rome / Ed. J.–C. Maire Vigueur. Roma, 1989.
- Faini E. Italica gens. Memoria e immaginario politico dei cavalieri–cittadini (secoli XII–XIII), Roma, 2018.
- Faraglia N.F. Il comune nell’Italia meridionale, 1180–1806. Napoli, 1883.
- Fasoli G. Dal civitas al comune nell’Italia settentrionale. Bologna, 1961.
- Francesconi G. “Le impressioni dei testimoni, le illusioni degli storici”. La battaglia e il racconto dei cronisti, in 1315 // La Battaglia di Montecatini. Una vittoria ghibellina / A cura di G. Francesconi, Pisa: Pacini, 2021.
- Hanawalt B. The ties that bound: Peasant families in Medieval England. N.Y.– Oxford, 1986.

Heers J. *Family clan in the Middle Ages; A study of political and social structures in urban areas*, Amsterdam, 1977 (*Le clan familial au Moyen Age*. Paris, 1974).

Hyde J.K. *Contemporary views on faction and civil strife in the thirteenth and fourteenth century Italy // Violence and civil disorder in Italian cities, 1200–1500*. Berkeley (Ca.), 1972.

La città che scrive. Percorsi ed esperienze a Pistoia dall'età di Cino a oggi, a cura di G. Francesconi e G. Frosini, Firenze: Edifir, 2017.

Larner J. *Italy in the age of Dante and Petrarch, 1216–1380*. 4th ed. London, 1991.

Law, laity and solidarities: Essays in honour of Susan Reynolds / Ed. by P. Stafford, J. L. Nelson, J. Martindale. Manchester, 2001.

Le Provvisioni del Comune di Pistoia (secolo XIV). Regesti e indici / A cura di G. Francesconi, S. Gelli, F. Iacomelli. Pistoia, 2015.

Liber hominum et personarum comitatus Pistorii (1293–94) / Edizione e introduzione a cura di Giampaolo Francesconi, Firenze: Olschki, 2010.

Natale Rauty: l'impegno culturale e la ricerca storica (Atti della giornata di studi, 25 ottobre 2014) / A cura di G. Francesconi, Pistoia, 2016.

Nicholas D. *The growth of the medieval city from Late Antiquity to early 14th century*. L.–N.Y., 1997.

Ottokar N. *Il commune* // *Enciclopedia italiana*. Vol. 11. Torino, 1931 (*Studi comunali e fiorentini*. Firenze, 1948).

Pini A.I. *Citta, comuni e corporazione nei Medioevo italiano*. Bologna, 1986.

Reynolds. *An Introduction to the history of English medieval towns*. Oxford, 1977.

Reynolds S. *Kingdoms and communities in Western Europe 900–1300*. 2nd ed. Oxford, 1997.

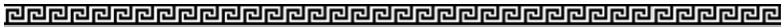
Santini G. *I “comuni di pieve” nel Medio evo italiano*. Milano, 1964. *Società e poteri nell'Italia medievale. Studi degli allievi per Jean-Claude Maire Vigueur* / a cura di S. Diacciati, L. Tanzini. Roma, 2014.

Tabacco G. *The struggle for power in medieval Italy. Structures of political rule*. Cambridge. 1989.

Volpe G. *Questioni fondamentali sull'origini e primo svolgimento dei comuni italiani // Medio evo Italiano*. 2a. ed. Firenze, 1961.

Wickham C. *Community and clientele in twelfth century Tuscany. The origins of rural commune in the plain of Lucca*. Oxford, 1998.

Wickham C. Sleepwalking into a New World: The Emergence of Italian City Communes in the Twelfth Century. Princenton (N.J.), 2015 (итальянский перевод: Sonnambuli verso un nuovo mondo: L'affermazione dei comuni italiani nel XII secolo. Viella, 2017).

HUMAN POTENTIAL AND MERITORIOUS LEADERSHIP IN ANNA KOMNENE, GIOVANNI BOCCACCIO AND NICCOLÒ MACHIAVELLI

Michail Theodosiadis

Introduction

The principal focus of this article is Anna Komnene's *Alexiad*, devoted to her father, Emperor Alexios I Komnenos (r. 1081–1118). Historians have recently declared a profound interest in this 'nuanced' and 'valuable historical resource' (Cooper 2013: 263). Penelope Buckley (2014), for example, considers Komnene's text a source that 'has received too little attention as a literary work and too much readiness to extrapolate Komnene's personal opinions and emotions directly' (24). Lorena Neville (2016) highlights Anna's influences from "ancient philosophy", and (more particularly) from Aristotle (1). According to Ebbesen (2002), Anna Komnene (along with Eustratios of Nicaea and Michael of Ephesus) 'did a tremendous work in completing fragmentary commentaries handed down from antiquity and writing entirely new ones on works for which there was not even a fragmentary one from ancient days' (22). Komnene has read Attic tragedy and comedy, making meaningful allusions to the plays of Sophocles. According to Ljubarskij (2000), '[t]he title of Annas' work is obviously an allusion to Homer's *Illiad*' (171) and nearly every page of the *Alexiad* uses Atticized language and frequently makes Homeric allusions (Cooper 2013: 264; 279). For the same author, Greek learning rightfully belonged 'to the sophisticated Byzantine culture' (264). This profound interest for classical Greece, widely reflected in the *Alexiad*, represents a type of 'Hellenism', which 'is the art and science of philosophy, carrying a humane and civilized tradition of politics and law' (Buckley 2016: 17).

This article identifies a shared set of political concerns present in Anna's oeuvre with Giovanni Bocaccio's and Niccolò Machiavel-

li's texts²⁸². It examines Komnene's social background, focusing squarely on the literary culture of Byzantine society. It also demonstrates that Komnene's views on leadership have much in common with those developed by Machiavelli (as outlined in *The Discourses* and, to a degree, in his misunderstood *Prince*) and Boccaccio (consider, for example, his famous *Decameron*). Komnene utilised a distinctly humanist lexicon to craft the image of her father. This image, I explain, approaches those figures Machiavelli and Boccaccio depicted as the prototypes of meritorious leadership. Furthermore, I define humanism as the philosophy that emphasises human agency and potential, putting at the centre of its mission the unfaltering faith that every human being, man or woman, is a distinct individual who can serve the common good through his/her personal thinking and judgement. More precisely, Machiavelli's ideal leadership is associated with the ability to win over enemies, with intelligence and good diplomacy that statesmen need in order to stabilise, consolidate and secure their rule. These virtues are also identified in Alexios' case (as described by Anna Komnene). In addition, thanks to her 'first rate classical education' Anna could have hardly 'failed to learn from Plato's *Republic* about the philosopher king" (Cooper 2013: 271–2). She shows that like her father 'she, too, is fit to rule, perhaps, as a kind of "philosopher king"' (264). More precisely, Anna praises Alexios by comparing his deeds with the bravery, generosity and patriotism of Homeric heroes presented in the *Iliad* (Neville 2016: 1). She provides solid arguments that call into question deeply-seated stereotypes on issues related to leadership as a role supposedly suited exclusively to men, and offers plausible explanations concerning the moral and intellectual potencies of women in government and diplomacy, in developing the (Homeric) virtues of generosity and devotion to the common good, upon which this 'civilized tradition of politics and law' (Buckley 2016: 17) is built up. Similar viewpoints concerning female empowerment and capacity for initiative are also identified in

²⁸² Unlike Machiavelli and (to a degree) Komnene, Boccaccio was not a philosopher, a historian and/or a political theorist. As, however, Filippo Andrei explains in *The Language of Knowledge in the Decameron* (2017), in the imaginative power of the language of Boccaccio's *Decameron* one could identify epistemological questions similar to those raised by philosophers and political theorists.

certain stories of Boccaccio's *Decameron*, according to accounts given by Valerio Ferme (2015).

To this timely investigation into such a thorny subject, which compares Byzantine strands of political thought to highly influential texts produced by notable thinkers of the Italian Renaissance, discussions related to the socio-political landscape of Byzantium (in relation to Early Renaissance Italy) are considered necessary. In order to proceed to interpretations of a given text, trying to do justice to all the complexities of its direct or indirect interrelations with texts of other authors, the specific social and historical milieu within which each author lived and wrote must be taken into account. Thus, to a degree the works of Komnene, Boccaccio and Machiavelli will be examined in conjunction with the social and historical context within which the same authors lived and wrote. In addition, I will compare and contrast the twelfth century Byzantine society with the Italian world during the fourteenth century (the century Boccaccio's *Decameron* saw the light of the day) onwards. More precisely, I will speak of the *metakénosis* of Byzantium to Italy. The term *metakénosis* stands for the process whereby elements of a culture are transformed from another; this process alters the identity consciousnesses and the historical course of the former (Kennedy 2018: 25). In short, when we speak of the Byzantine *metakénosis* in Italy we refer to the long process whereby Byzantine strands of political thought, art and philosophy were transported to Italy, contributing to the enrichment of perceptions, attitudes and social norms in the Italian world as a whole. I will, therefore, support that the humanist elements of Boccaccio and Machiavelli are, on the one hand, revived concepts from ancient Roman literature and political philosophy and, on the other, reflections of cultural transfers from Byzantium, of elements we also identify in Komnene's *Alexiad*. In other words, the similarities between Komnene and Boccaccio (as well as between Komnene and Machiavelli) owe much to the cultural influences Byzantium had exerted in the Italian world.

Anna Komnene and Boccaccio; historicism and beyond

The interpretational principle of contextualism has been used in several fields of social science, including political theory and social philosophy (Cooke 2000: 194). It considers ideas and viewpoints as historicized concepts (198). In other words, philosophical ideas have to be interpreted in conjunction with the socio-political environment

within which they emerge. As Skinner (1998) argued, ‘religious, political, and economic factors’ determine the meaning of any given text and provide “‘the ultimate framework” for any attempt to understand it’ (29). Hence, the interpretation of philosophical works presupposes ‘an understanding of all the occasions and activities in which a given agent might have used the relevant forms of words’ (57). The chances of misinterpreting a published work increase when we rely exclusively on the ‘universal arguments’ of the text (Cooke 2000: 199), when we consider the text itself sufficient (Skinner 1998: 57). Contextualism prompts us to examine philosophical ideas and political concepts by treating the socio–political environment from which they have emerged as an objective evaluative benchmark (ibid). Most data extracted from sources must be considered products of a particular historical moment within which certain socio–political norms and perceptions dominate. This method could allow us to interpret texts without attributing to authors meanings that have little to do with the social and political realities within which they lived and wrote. On the other hand, critics of contextualism argue that ‘texts often contain transhistorical and universal philosophical truths’ and move ‘beyond their historical boundaries’ (Demetriou 2022: 151–2), and that ‘[h]istorical knowledge is at best only auxiliary and preliminary to political philosophy and by no means an integral part of it’ (150). I will, of course, acknowledge the limits of historicism, suggesting a moderate path on this issue. According to Paul Kelly (2011), ‘the turn to history must be subordinate to the demands of philosophical justification. Consequently, rather than making a case against the possibility and value of historical construction, the acknowledgement of history of the sort claimed by Geuss provides only useful supplementary material to a proper political philosophy’ (Kelly 2011: 15). Let us explain, at this stage, how such a moderate contextualism could allow us to grasp meanings in Komnene’s *Alexiad* that could highlight the humanist aspects of her political thought.

(a) In the modern western imagination the Byzantine Empire is associated with servility and absolutism. For western thinkers (such as Cyril Mango, Arnold Toynbee, *et al.*) the Byzantine state was nothing but a corrupt and violent autocracy. Consider, for example, Romilly Jenkins’ *Byzantium and Byzantinism* (1963), which describes the Byzantine state as a theocratic and monolithic apparatus, as an expansionist and authoritarian empire, plagued by anti–western religious syndromes (40). As Mango explains in his *Byzantinism and*

Romantic Hellenism (1965), the emergence of the Byzantine Empire signals the end of the Greek proto-liberal and democratic spirit. The German philosopher, Oswald Spengler, in his notable book *The Decline of the West* (1961) invented several typologies in order to describe the stages through which humanity has gone through. Thus, he speaks a) of the Apollonian age (which corresponds to the ancient Greco-Roman age), b) of the Magian age (here Spengler refers to the Middle Ages), and c) of the Faustian age (namely, the age of modernity). Byzantium, feudal Europe and, finally, the first Islamic/Arabic kingdoms of Asia and Africa all belong to the Magian world, which (unlike the Apollonian) is entirely absorbed by metaphysical superstitions, stringently endorsed by monotheistic religions, promoted by absolutist regimes. The Magian age emerged as a consequence of misinterpretations of philosophical concepts and works of art during late antiquity, misinterpretations that gradually altered the character of most ancient civilizations and resulted in the final death of the Apollonian age as such. These assumptions rely on modern interpretations, which often conflate almost all pre-modern monarchical institutions with the feudal and absolute Western European monarchical governments of the sixteenth and seventeenth centuries. However, pre-modern socio-political environments in Eastern Europe during the Middle Ages, according to Anthony Kaldellis (2015), had espoused significantly different approaches to monarchy *per se*; a monarch was not necessarily a despot or an authoritarian king. As a matter of fact, the common association of monarchy with absolutism characterises modern schools of thought (22). Cicero did think that monarchy poses ‘the risk of tyranny and loss of the rule of law’ (ibid), the risk of usurpation of popular rule. Nevertheless, Cicero was fully aware of ‘the possibility of a *res publica*’ to be governed well by mixed governments, consisting of monarchical, aristocratic and democratic institutions at the same time (ibid). In this respect, the term “monarchy” may have acquired different significance in social environments corresponding to different historical contexts. Therefore, in order to avoid conceptual misinterpretations that could lead us to false conclusions, in order to acquire a concrete understanding concerning what these authors conveyed, we will have to construe the terms ‘Byzantine monarchy’ by looking at the specific socio-historical culture within which (Byzantine) authors lived and acted, we must avoid attributing to Byzantium elements that correspond to the feudal and absolute western European monarchical so-

cial organisations of the sixteenth and seventeenth centuries that modernity has ostensibly defeated. In other words, Komnene was not nurtured within a world dominated by theocratic and oppressive worldviews.²⁸³ Instead, she grew up within a contested and (at least according to the standards of mediaeval Europe) well educated society, whose knowledge of ancient Greece does not come out as defective.

According to Gouguenheim (2017), classical Greek literature was present in Byzantine education (53) and it was, certainly, not limited to elite families. Homeric epics, considered the founder of Greek literature and the basis of good education, were compulsory in Byzantine schools (Ljubarskij 2000: 171; Gouguenheim 2017: 53). Hesiod's *Works and Days* and the ancient Greek tragedies were considered necessary for teaching of grammar in schools, while Demosthenes for teaching rhetoric and, finally, Aristotle for teaching of logic (Gouguenheim 2017: 53). One could also consider the plethora of Sophoclean, Euripidean and Homeric allusions made in the works of Johannes Zonaras and Michail Psellos – whose *Chronographia* exerted strong influences in Komnene herself (Buckley 2014: 2; 12; 18, 176–188)²⁸⁴ – as well as in the *Timarion*, a satirical work of an unknown author. As Jonathan Harris (2015) argues, ‘precious copies of the ancient Greek classics that had been used as study texts in higher education right up to the end. They included some of the earliest surviving complete texts of the great thinkers, orators and playwrights of the ancient world such as Plato, Aristotle, Aristophanes, Demosthenes and Lucian, works that had not been available in the Christian west for centuries’ (241). Likewise, in Anna's *Alexiad* one finds plen-

²⁸³ According to Cameron (2014), Byzantium ‘has acquired a status of its own, not western ... not European, and therefore not enlightened’ (18). Byzantium ‘occupies a marginal position, if any’ (15). In regards to my stance on the denigration of Byzantium one could resort to one of my previous publications: *Averil Cameron: Byzantine Matters: Book Review* (2021).

²⁸⁴ For Anna, Psellos was ‘so strong in his arguments and so difficult to beat that his opponent would automatically be reduced to silence and to despair. ... in arguments this man used fists as well as words and he did not allow his interlocutor simply to lose himself in embarrassment nor was he satisfied with sewing up his opponent's mouth and condemning him to silence, but forthwith his hand flew out to tear his beard and hair, and insult quickly followed insult, in fact the man could not be restrained in the use of his hands and tongue’ (*Alexiad*, V.VIII).

ty of direct or indirect references to Herodotus and Thucydides. The latter's *Peloponnesian War* 'was composed as a permanent legacy' (a «κτῆμα ἐς ὀεί»), rather than 'a showpiece for a single hearing' (*Peloponnesian War*, 1.22). Likewise, Anna considers history a collective treasure of timeless value. '[H]istory forms a very strong bulwark against the stream of time', which 'in its irresistible and ceaseless flow carries along on its flood all created things, and drowns them in the depths of obscurity' (*Alexiad*, *Book I.I*). History 'secures and binds together ... all things done ... and does not allow them to slip away into the abyss of oblivion' (ibid). Furthermore, Anna follows established traditions of history-writing in Byzantium, where the classical models of Thucydides and Herodotos were closely studied' (Herrin 2007: 237). She, in fact, imitates 'Herodotus, Thucydides, and all the other historians who have emulated them' (Neville 2016: 34). Anna 'does Thucydides proud' claims (Buckley 2014: 286). 'She draws on a great range of sources easily, sometimes describing, at times overtly testing them' (ibid).

(b) According to Neville (2016), Anna employed 'the traditional historical methods of speaking with old veterans and collecting written narratives to gather information for her history' (79),²⁸⁵ a considerably difficult task for a Byzantine woman who had to always remain cloistered in home, relying exclusively on men (Cooper 2013:

²⁸⁵ Thucydides's method is 'to make each speaker say broadly' what he 'supposed would have been needed on any given occasion' (*Peloponnesian War*, 1.22). He does not 'rely on casual information' (ibid); instead, he examines the intentions behind each individual statement (ibid). Like Thucydides, Anna acknowledges testimonies of eye-witnesses (*Alexiad*, *I.I*) and stories told by 'men from whom' she could 'learn of things which they happen to have heard of from others', from 'absolutely unpretentious, simple commentaries, and from a few old men who were soldiers' (ibid, *XIV.VII*). As she explains, '[p]art of my history' derives 'from my own memory and part from the men who accompanied the Emperor on his expeditions and told me divers things about them, and who by means of ferry-men conveyed the news to us of what had happened in the wars' (ibid). '[B]ut most I gathered first-hand as I often heard the Emperor and George Paleologus talking about them' (ibid). Like Thucydides (2009), who examines painstakingly every detail both of what he has witnessed himself and what he has heard from others (*Peloponnesian War*, 1.22), Anna judges the truth of every story she heard 'by comparing and examining' (*Alexiad*, *XIV.VII*).

273),²⁸⁶ In the Byzantine context women were considered by nature ‘subject to passion, but they were able to transcend this nature, to an extent, through practice’ (Neville 2016: 19). As Reinsch (2000) put it, ‘[g]iven the requisite talent and personality, as well as favorable historical circumstances, women in Byzantium could move far beyond the roles intended for them, exerting influence in the political sphere and even taking power into their own hands’ (85), but only as long as they could demonstrate masculine virtues (26). For others, such a view of Byzantine (at least aristocratic) women does not correspond to reality (Cameron 2006: 123). Aristocratic women were not isolated and/or locked away in their homes (Kalavrezou 2003: 13–4). While Neville (2016) assumes that ‘efforts by women to influence openly affairs in the public sphere were viewed with deep suspicion’ (23), suggesting that women themselves had to avoid ‘participation and discussion of events in the public sphere of politics and war’ (28), the example of Empress Zoe and Theodora, who ruled together thanks to “the will of the people, imposed with the help of violent demonstrations” (84–5) may lead us to different conclusions: women were not isolated or excluded.²⁸⁷ Debates concerning gender roles in Byzantium are long and require special attention. While Byzantium was anything but a society of gender equality, Byzantine women could enjoy more freedoms than western women (during the age of Boccaccio and Machiavelli). This relative freedom was, perhaps, the opportunity Anna needed in order to develop viewpoints in favour of the expansion of female participation in government and politics, as we can see by her descriptions of Irene Doukaina (her grandmother), a woman ‘clever in business and so skilful in guiding

²⁸⁶ Of course there is evidence suggesting that some women were “acting with remarkable degrees of authority and autonomy ... with considerable self-determination” in professions related to trade and business ownership, landlordism and monastic leadership (Neville 2016: 15–16). However, these women had ‘to practise the masculine virtue of self-control and hence to become, through training, more like men’ controlling their natural weakness, that of extreme “emotionalism’ (18)

²⁸⁷ According to the Greek historian Contogeorgis ([Κοντογιώργης] 2020), women in Byzantium could participate in politics; no legal code existed preventing women from becoming patricians (for example), performing elite roles (108–109).

a State, and setting it in order, that she was capable of not only administering the Roman Empire, but any other of all the countries the sun shines upon' (*Alexiad*, III.VII), or through the way she depicts (in Books II and III) the efforts of her grandmother, Anna Dalassene to influence Emperor Alexios, and most of all her intelligence through which she swayed over his decisions and strategic moves. In short, Anna's ideas reflect the same context upon which she relies in order to move away. In the same way Boccaccios' story about a Florentine lad Federigho degli Alberighi (*Dec.* 5.9) describes an 'extremely well off and ... young' woman, called Giovanna, who after her husband's and son's death, 'her brothers kept pressing her to remarry'. However, Giovanna insists on either staying single or to marry Federigho, the man she appreciates. In mediaeval paternalistic societies women were considered by nature unstable and emotional, incapable of making rational judgments on crucial decisions about money and heritage without receiving important counsels by men. Thus, the ideal state for a mediaeval woman was to marry a wealthy and educated man. But in *Dec.* 5.9 it is Federigho himself who due to his love for Giovanna engages in irrational activities, 'spending far beyond his means' and, inevitably, finds himself pauper. Giovanna, on the other hand, is a woman of strong character and initiative, capable of making a good decision to marry Federigho, 'who finished his days with her in happiness'. Here Boccaccio uses a humanist lexicon to describe Giovanna; he reflects on the social context of mediaeval Italy, within which humanist ideas were included, challenging certain aspects of it.²⁸⁸

As Buckley (2016) explained, the *Alexiad* constitutes "a striking testimony to Byzantine humanism" (36), influenced from the 'humane and civilized tradition' of Byzantine Hellenism (17), profoundly inscribed in the social and cultural environment of twelfth century Byzantine world. On the other hand, this particular tradition Anna frequently invokes while criticising certain aspects of the same social environment. Finally, the same tradition (that had been disseminated in Italy by notable Byzantine scholars and intellectuals), contributed to the gradual transformation of the Italian world, to the decline of beyond feudal despotism after the fourteenth century (more precisely). The social and political consequences of this *metakénosis* are

²⁸⁸ For more concerning the prevalence of humanism in mediaeval Italy and its background extensive analysis will take place in the next section.

echoed in Boccaccio's *Decameron* (Barsella 2010) and also in Machiavelli's works, as I am going to explain in the next section.

The Byzantine *metakénosis* to Italy

When it comes to the *metakénosis* of Byzantium to Europe, the vast majority of historians focus on the refugees who left Constantinople when the city fell to the Ottoman Turks in 1453, heading west to Italy, such as Emmanuel Chrysoloras, 'a student of Cydones who taught Greek in Florence' (Syros 2010: 486), who contributed to the dissemination of influential classical Greek philosophical and literary works, for which the Latin world had acquired very little knowledge since then (Gouguenheim 2019: 113). Such works include Homer's *Odyssey*, Plato's *Republic* and Aristotle's *Politics* (Rosser 2012: 18; 53; Hankins 1990: 108). Cardinal Bessarion, another Byzantine *emigre*, continued the same tradition (Stratikis 1992: 148). However, the cultural dialogue between the Latins and the Byzantines began in the sixth century with Ioannis Lydos, who exemplifies a group of early Byzantine writers 'who valued the benefits of elective versus hereditary monarchy and emphasized constitutional limitations and checks on royal authority' (Syros 2010: 453–4). George Pachymeres (1242–ca. 1308) praised democracy as 'the best form of government, since every citizen is free and has a say in civic affairs' (455).

In Byzantium, Cooper (2013) assumes, the 'linguistic continuity between the Byzantines and the ancient Greek philosophical schools ... died out' until the age of 'Macedonian Renaissance' (266). The revival of Hellenism in Byzantium owes much to the Latines, who 'fostered the rebirth of Aristotelian studies' in the Byzantine world through their contact with James of Venice (267). In turn, the Latines had discovered Hellenism through their contact with the Arabs (*ibid*). More particularly, 'Arabic Hellenism' was developed in Baghdad by al-Kindī (d. ca. 873), who drew on Greek sources of Aristotle and Plato (Adamson 2007: 29–30) and laid the groundwork for the development of Arabic Aristotelianism (Adamson 2007: 27; Cooper 2013: 266), a highly influential school of thought that produced distinguished thinkers, such as al-Fārābī, Abū Bishr Mattā and Yahyā b. 'Adī (Adamson 2007: 14). Although we do come across sources attributing certain humanistic elements of Byzantium to the Latins and the Arabs, following Ebbesen (2002), it would be too great a stretch to suggest that Byzantine humanism was a product of the rediscovery of Hellenism in the Arab and the Latin world (24–5; 27–8). It was

James of Venice who gave the Latins access to Aristotle's *Posterior Analytics*, *Physics*, *Metaphysics* and Michael of Ephesus' commentary on *Elenchi* through his translations from Greek (23). Michail Psellos, Michael of Ephesus, who (among others) belonged to Anna's intellectual circles, commissioning commentaries were written on Aristotle's *Nicomachean Ethics*' (Laiou 2003: 30; Neville 2016: 207), had already in his possession Michael of Ephesus' and Aristotle's texts that James of Venice was looking for (Ebbesen 2002: 23), including Aristotle's *Nicomachean Ethics*, a work Boccaccio himself had 'not only read with the help of Aquinas's commentary but also carefully annotated' (Barsella 2010: 233). Consider also the case of George of Trebizond, another Byzantine émigré in Italy, who translated Plato's *Laws* (*Nóμοι*) in Latin 'at the request of Pope Nicholas V' during the early 1450s (Syros 2010: 474).

Evidently, the spread of humanism in Italy is not exclusively the work of Byzantine *emigres*. According to Ebbesen (2002), since antiquity, the (western) Roman world was an intellectual *tabula rasa* that received 'the imprint of the Greek agent intellect (16). When the monopoly of Greek language was broken, a good deal of works related to Aristotle were translated and adapted to the Latin world (17–8). 'In the course of the tenth, eleventh, and early twelfth centuries a distinctive native Latin tradition grew up on soil fertilized with ancient Greek philosophy' (18), not entirely connected to theology (19), but with strong ties to Stoicism (p.20). Thus, Italian strands of thought had been spread from the twelfth century onwards, reviving concepts of classical antiquity (particularly of classical Rome). From 1400 and onwards, in Italy 'all sorts of Greek texts became available, from Plato and Plutarch to Leo Magentinos' (24). But the dissemination of ancient Greek literature influenced decisively the course of Italian humanism, enriching the cultural and educational landscape of Italy itself; Homer reads like Virgil; Plato and Aristotle like Cicero (Stratikiis 1992: 148). At the same time, the large quantities of re-translated works after the twelfth century 'replaced the bulk of religious translations of the previous centuries' (ibid), paving the way for the emergence of new interpretations that emphasise human agency instead of subjecting the secular world to supernatural forces, beyond than the mind of men and women.

By that time we are already in the humanistic age, when 'rediscovery of Homer and Plutarch, retranslation of Aristotle, the mass of literary activity provided books for collectors: Niccolo Niccoli was

the first to have over a hundred; Cardinal Bessarion, a Greek emigre, the first to reach the five hundred mark; and the Vatican in the 15th century was the first to reach the 1000 Greek volumes mark' (ibid). Simultaneously, a new system of values was created, which paved the way for the gradual transition of the political and cultural environment of Italy from feudalism to a new social paradigm based on freedom, as portrayed in the *Decameron*, the psyche of Italian society (Barsella 2010). The emergence of these values was followed by a social reality demonstrated in the stories of Boccaccio's *Decameron*, namely by the weakening of the role of the Italian nobles and aristocrats (237–8) and by a shift in the focus of economic activity from the countryside to cities (233), and by the of civic humanism (or republicanism), as expressed in the writings of Machiavelli. The adventure of the ten young people in Boccaccio's *Decameron*, who abandon Florence in order to escape from the plague 'does not involve a refusal of the city' (232). On the contrary, Boccaccio seems to be 'critical view of the bucolic and religious themes' associated with the image of the countryside (ibid), with rural ways of life, supposedly devoted to chastity but (in reality) saturated with hypocritical double standards, as we understand by reading *Dec.3.1* (the story of Masetto da Lamporecchio)²⁸⁹. Boccaccio portrays the place where the young people spend the two weeks as an ideal communal republic (ibid).²⁹⁰ In the communal city environment societies the feudal aristocracies had lost their power; however, they still held sway in rural areas (236; 238). George of Trebizond makes references to the

²⁸⁹ In Boccaccio's mind, chastity, immaterialism and psychical purification are nothing but mere illusions: 'There are scores of men, and women too, who entertain the foolish notion that the moment a girl has the white veil placed on her head and black cowl over her shoulders she ceases to be a woman, she no longer feels sexual urge as other women do' (*Dec.3.1*). In the same story nuns encourage Masetto (the protagonist) to be a zealous husband. It is worth noting, also, that physical mortification, and heavenly reward, the protagonist 'obtains material wealth and pleasure by showing the inutility of physical restraints in avoiding the allures of concupiscence' (Barsella 2010: 243).

²⁹⁰ Boccaccio envisages a new Christian society founded on ethical values (Barsella 2010: 234), anticipating the moral recreation of society after the crisis that the plague had caused (233), as the story of Cimone (*Dec. 5.1*) and Beritola (*Dec.2.6*) suggests.

freedom of the Italian cities, when he praised the constitution of Venice, which he considers one of the best examples of healthy government (Syros 2010: 472; 474; 476). Much like Cicero, George (inspired by the Platonic idea of mixed constitution) praised the republic of Venice, which (as he believed) was established ‘on Plato’s precept that the longevity of a government hinges on the blending of elements of monarchy, aristocracy, and democracy’ (474). For George, the republic of Venice embodied in full the Platonic vision of the mixed regime and involved ‘the appointment of officeholders based on popular votes and according to a very complex system designed to remove all suspicion of fraud’ (475). In fact, ‘[m]ost thirteenth– and fourteenth–century discussions on Genoese–Byzantine relations described Genoa as the archetype of democracy’ (456). Manuel Holobolos (1240–1290), who ‘set a precedent for the view that Genoa replicated Athenian democracy and extolled the skills of the Genoese in seamanship, sea fighting, cavalry, and trade activities’ (457). The Italian cities were, therefore, strong kernels of civic humanism and freedom; they were centres of education and economic prosperity. Thus rural populations in order to escape feudalism, took advantage of the benefits of ‘the urban organization of work’, which ‘followed an artificial rhythm that the civic mentality of the communal republic echoed’ (Barsella 2010: 234), and begun to represent ‘expression of human ingenuity and creativity’ (232). Their arrival to urban environments brought them into contact with social environments founded on humanist ideals. Consequently, humanism spread to large segments of the Italian population. Thus, Boccaccio’s *Decameron* describes ‘a society undergoing deep changes’, a society that moves ‘toward a new system of values’ (231), a society that had just begun to abandon feudal values. Machiavelli’s republican views, his passion to revive the republican institutions of ancient Rome (as explained in the first chapters of his *Discourses*), reverberate the spirit of civic humanism prevalent in the city of Florence until the usurpation of Lorenzo di Piero de’ Medici. We shall highlight in the next section common concepts between Machiavelli’s humanism (expressed in his *Discourses*, but also in *The Prince*) and the type of humanism shared by Komnene’s *Alexiad* and Boccaccio’s *Decameron*.

Virtue and meritorious leadership

Like Machiavelli, Boccaccio makes extensive references to Fortune (or Chance), presented as a goddess of sudden upheaval, disas-

ter and destruction. In *Dec. 5.9.*, Federigho speaks as follows: ‘I’ve reckoned that Fortune has mistreated me in all too many ways and I’ve complained her; but all her wrongs were trifling compared with the trick she has now played on me’. For Machiavelli, *fortuna* is represented by the archetype of a goddess of deception (*Discourses* 29), who controls ‘half our actions, and yet leaves the control of the other half, of little less, to ourselves’ (*Prince, XXV*). She brings deception or becomes the source of misery and disasters when ‘there is neither barrier nor embankment to confine her’, when there is no *virtù* (virtue) when (in other words) there is no *virtù* (virtue) (*ibid*). In Boccaccio’s *fortuna* is synonymous with abrupt disaster, destruction and suffering; she is also represented as a force that regrets ‘the sudden wrong’ she does. ‘The random developments of Fortune are no easy thing to bear, indeed they are an affliction’ (*Dec. 2.9*). However, *fortuna* brings reprieve only if there is skill and virtue through which one exploits positive synchronicities (*Dec. 5.1*). Likewise, in Machiavelli’s mind *virtù* implies skill, intelligence and ability, which Anna Komnene identifies in Emperor Alexios. Thanks to his military skills and virtues Alexios quickly becomes a Grand Domestic (commander in chief) and a personal guard of the Nikephoros III Botaneiates (*Alexiad, Book 1*). As Harris (2015) argued, Byzantium’s frontiers were under constant pressure; the dread of war, of foreign invasions and attacks was constantly present. Thus, good knowledge of military diplomacy was essential for Byzantine leaders (including Emperors). Komnene’s *Alexiad*, therefore, expresses views we could identify in schools of political realism, which associates virtue not exclusively to moral decency but also to the necessity for someone to exploit opportunities in order to sustain his own rule or even to ascend into power. This is the virtue that brought Alexios to the throne (claims Komnene). Eventually, this aspect of Komnene’s thought brings us closer to Machiavelli, who in *The Prince* describes the virtues leaders should develop in order to seize opportunities, emerging into power, eliminating threats and conspiracies against themselves. Machiavelli leaders who demonstrate good knowledge of military diplomacy win the respect and trust of their soldiers (*Prince XIV*). More importantly, a leader should be as wise a fox in order ‘to discern toils’ (*Prince, XVIII*), exploiting the tendencies of fate (*fortuna*) to create allies, according to Boccaccio (*Dec. 5.1*), and as brave as a lion ‘to drive off wolves’ (*Prince, XVIII*). ‘To rely wholly on the lion is unwise; and for this reason a prudent Prince neither can nor

ought to keep his word when to keep it is hurtful to him and the causes which led him to pledge it are removed' (ibid). Thus, leaders must be 'smart foxes' in order 'to defend what Fortune has placed in their lap' (*Prince*, VII). They must acquire the *virtù* and intelligence 'to maintain their position' and those who lack that knowledge 'is not reasonable for them to rule' (ibid). The leader/prince who 'was best known to play the fox has had the best success' (*Prince*, XVIII). A prince must develop high intelligence in order to identify potential conspirators, foreseeing the plans of his enemies. Such has been the case of Alexios Komnenos, as one can see in the *Alexiad*, particularly in *Book 1 and 2*, where Anna provides a detailed description of his ascendance to power. To begin with, two Imperial servants, in order to win the sympathy of Emperor Botaneiates favour, portrayed Alexius and his brother Isaac as traitors and conspirators. In order to escape harsh punishment Alexios sets up plans to ascend into power by stirring up revolts against Botaneiates himself. Gradually Alexios, thanks to his eloquence and diplomacy, wins over public servants, army officials and a portion of the populace. The public assembly approves him as an Emperor. At the same time deadly military attacks conducted by foreign armies in both the Eastern and the Western frontiers of the Empire will undermine the territorial sovereignty of the Empire (*Books VI–XIII*). Alexios has none to rely upon but his own military virtues, wisdom and diplomacy. For Komnene, knowledge in military strategy and planning, awareness concerning the need (on behalf of leaders) to preserve social hierarchy, as well as knowledge of philosophy, poetry, aesthetics and theology (Cooper 2013: 264). The 'man Alexius', she claims, was a 'skilful scientist and artist' and 'the arch-scientist of Emperors', who excelled in 'innovations' (*Alexiad*, III,IV).

Unlike Machiavelli's ideal prince, for Komnene the leader (the *basileus*) must be prudent and compassionate; he/she must abhor ruthlessness and vengeance. It would be, certainly, crucial to consider the context behind Machiavelli's *Prince*, where the author seemingly abandons his civic humanism (or republicanism) (ardently endorsed in his *Discourses*, as mentioned earlier). In certain passages of his *Prince* Machiavelli backs cynical autocracy, seeking to impress the Lorenzo de' Medici – to whom eventually this treatise was dedicated (*Prince*, *Dedication*) – hoping of returning to an active career in government (Skinner 1981: 48). He offers strategic advice to him, such as how to preserve his absolute power, eliminating external and

internal enemies. It is not that Machiavelli was unaware of the importance of clemency. As he explains:

‘[i]t is well to seem merciful, faithful, humane, religious, and upright, and also to be so; but the mind should remain so balanced that were it needful so to be so, you should be able and know how to change to the contrary ... A Prince should ... understand how to use well both the man and the beast. And this lesson has been covertly taught by the ancient writers, who relate how Achilles and many others of these old Princes were given over to be brought up and trained by Chiron the Centaur; since the only meaning of their having for instructor one who has half man and half beast is, that it is necessary for a Prince to know how to use both natures, and that the one without the other has no stability’ (*Prince XVIII*).

On the other hand, in Machiavelli’s *Discourses* we read the following: ‘a well-ordered populace in power is stable, ‘prudent and grateful, in much the same way, or in a better way, than is a prince, however wise to be thought’ (58). On the other hand, ‘a prince who condemns the laws, will be more ungrateful, fickle and imprudent than is the populace’ (ibid). [t]he Masses are more Knowing and more Constant than is a Prince’ and ‘[i]f account be taken of all the disorders due to populaces and of all those due to princes, it will be found that alike in goodness and in glory the populace is far superior’ (58). Nothing indicates that ruthlessness in power is never endorsed by a populace or that a leader has received no mandate by the *populus* itself to ‘rule like a beast’ when deemed necessary. Whether in *The Prince* Machiavelli departs from civic humanism or, on the other hand, his strategic advice to Lorenzo de’ Medici incorporate viewpoints compatible with republicanism is a subject of a different debate. What one witnesses, however, is that both in *The Prince* as well as in *The Discourses* Machiavelli relies on the humanist context of the Italian Renaissance, which emphasises human ability and agency. In the context of *The Prince* the *populus* is deprived of its agency, but its leader must rely exclusively on his *virtù* and intelligence, without clinging on to some supernatural force, as princes of ecclesiastical (or Papal) kingdoms, which ‘are sustained by agencies of a higher nature than the mind of man can reach’ and are ‘[a]cquired by merit or good fortune, but maintained without either’ (XI). For

Machiavelli, reliance on supernatural guidance does not guarantee good leadership; the Pope must ‘effect with money and arms’ (as was the case of Pope Alexander VI) (ibid). In short, he must rely on his *virtù* and, like most successful leaders, he must recognise when methods of violence will have to be employed or, instead, clemency and generosity should be exhibited.

It is not that Anna Komnene was unaware of the need for punishment and repression. But as opposed to Machiavelli, she prioritises clemency over ruthlessness. She praises Alexios for his generosity, for his humane treatment of his captured enemies, in stark juxtaposition to the barbarity and ruthlessness of tyrants like Robert Guiscard (the Normad conqueror of north Italy) (Book I and II). This may well suggest that Komnene’s *virtù* does not simply point to agency and ability but, more importantly, to *moral virtù*. As an ardent Aristotelian, Anna clings on to the notion of *prudence*, which (as explained in his *Nicomachean Ethics, Book VI*) stands for the ability of restraining passions. For Aristotle perfect virtue consists of *phronesis*, *justice* and *prudence* at the same time. *Phronesis*, the ability of making good decisions, constitutes the most important virtue of a political leader. Through *prudence* one becomes just and acquires *phronesis*. In short, through *prudence* one becomes perfectly virtuous, or (in other words) *morally virtuous*. Compassion and clemency, in Anna’s *Alexiad*, are manifestations of *prudence*. Consider, for example, her descriptions of the Anna the ‘compassionate’ attitude of Alexios, who insisted that war prisoners must ‘not be barbarously treated’ (p.19), since captured ‘was in itself sufficient punishment’ and, thus, ‘after their capture’ they must be treated with ‘clemency, friendliness and generosity’ (p.15). In Book I and II of the *Alexiad* she juxtaposes Alexios to the barbarity and ruthlessness of Robert Guiscard, the Norman adventurer remembered for the conquest of southern Italy and territories of the Eastern Roman Empire, a ‘formidable tyrant’ (*Book I.I*), a ‘sly fox’ with ‘murderous intent’ and ‘shameless morals’ (*Book I.XI*), who ‘treated many of the prisoners most cruelly’ (*Book VI.V*), a man of ‘tyrannical and very sharp temper’ that ‘imitated the madness of Herod’ (*Book I.XIV*). In Book VIII Anna mentions the punishment of Synesius who disobeyed Alexios’ orders, executing Scythian war prisoners. Alexios orders Synesius ‘to be arrested and kept in chains, saying, ‘thus you will learn what an evil mere chains are, and not to make decisions of this kind against men again’ (*Book VIII.VI*). ‘Even though’ they are ‘Scythians, yet

they are men; and even though our foes, yet worthy of pity' (ibid). In short, for Alexios the passion of enmity, the wish to destroy the opponent (a destructive passion aroused in times of war) should be restrained. Alexios is described as a *prudent* leader, whose *phronesis* leads to 'bellicosity', to the ability of understanding that all wars should serve an ethical cause, peace and prosperity, instead of perpetuating enmity, encouraging the physical destruction of the enemy (Stouraitis 2012: 71).²⁹¹ . While 'the term peaceful and the term bellicose are equally meant to function antithetically' (ibid), for Anna Komnene the former does not refer to ruthlessness against the opponent; it does not point to a 'warmongering disposition that promotes unlimited warfare' (ibid), but to the *prudence* of a leader who understands that while the need to resort to violence is sometimes unavoidable in politics (as Machiavelli also believed), at the same time he/she should be aware of the limits of violence itself as well as of the means through which it is exercised. More importantly, idealisation of violence and ruthlessness must not characterise the political temperament and the ideological inclination of the leader.

For Anna, ruthlessness suits only the tyrant and the despot. She brings as an example Pope's rule, whose methods 'transcended even the insolence of barbarians', an insolence that '[m]y *womanly* and *princely* dignity ... forbid" to describe (*Alexiad*, Book I,XIII). These methods are "not only unworthy [of] a high priest, but of anyone who bears the name of a Christian' (ibid). Here Komnene identifies two types of morality: a low morality, that best suit the barbarian and the tyrant. In contrast, high moral ideals (such as mercifulness, a deep sense of fairness, justice and common decency) could best describe the dignity of women and as well as that of a good prince/princess. Consider, again, her descriptions of her grandmother, Anna Dalassene, 'a credit to women and men too ... [and] indeed to the whole human race' (Buckley 2016, p.36). As explained in Book II and III, Dalassene had exerted strong influences on Alexios. As Anna Komnene argues, most of his moves were Annas' counsels. Alexios 'was the instrument of Empire for her, but not the Emperor ... he subjected his mind to her as to a master of the science of ruling. For

²⁹¹ Alexios believed that peace 'is the end of every war, but to choose war in every case instead of peace for the sake of anything and always to disregard the good end, this is the characteristic of senseless generals and demagogues and men who are working for the destruction of the state' (*Book XI.V*).

he was convinced that she had reached perfection in all points and that in knowledge and comprehension of affairs she far surpassed all men of the time' (*Book III, VII*). Alexios 'had handed over the supervision of the Empire' (*Book III, VIII*). Alexios' clemency was, therefore, a virtue he had learned from Dalassene's *prudence*, from her high morality (which leads to perfect virtue, according to Aristotle). Dalassene embodies Homeric virtues of meritorious leadership; intelligence, and bravery, particularly when she rushes to defend Isaac and Alexios against legal persecution (as a consequence of the slander spread by the two servants of Botaneiates). Anna defies the Imperial ambassadors and demands from the Emperor guarantees that she and her sons will never receive ill treatment:

'My sons are the faithful servants of your imperial Majesty and have willingly served you at all times, sparing neither their lives nor their bodies, and have always been the first to risk everything for your empire. But the jealousy felt by others who could not endure your Majesty's kindness and solicitude for them, caused them to stand in great and hourly peril; and when finally their enemies decided to blind them, they got wind of it, and as they could not endure such undeserved peril they left the city, not as rebels but as your trusty servants, firstly, in order to escape this imminent danger and secondly, to inform your Majesty of the plotting against them and to implore help from your Majesty' (*Alexiad, Book II, V*).

The ambassadors respected her request, allowing her to enter the Church sanctuary. When Dalassene had almost reached the very entrance of the Sanctuary, 'she made two genuflexions and at the third collapsed on the ground, and clinging to the Royal Doors cried out: 'Unless my hands are cut off, I shall not leave these holy precincts, until I receive the Emperor's cross as pledge of my safety'' (ibid). Dalassene's disobedience demonstrates independence, agency, and magnanimity, when she challenges authority, perhaps more than any other woman on this day. Like Boccaccio's Giovanna (*Dec. 5.9*), who 'controls her own destiny and is upheld as an example of virtuous woman who determines her future' (Ferme 2015: 183), Anna Dalassene engages with acts of civil disobedience, exhibiting devotion to justice. On the other hand, Alexios' decision to usurp power, overthrowing the legal Emperor Botaneiates in order to escape pun-

ishment, may lead to a series of debates and controversies concerning the ethical legitimacy of his plans: to what degree could one who violates legal institutions (in the pursuit of his/her personal justice) be regarded *morally virtuous*? In order to avoid anachronisms we will have to clarify that for the ancients (as we can see by reading Homer's *Illiad* and Thucydides' *Peloponnesian War*) the Byzantines power struggles are *sine qua non* of the existence of all politics; people put up with them; they disapprove them, they may even praise them, but they are not to be judged any more than destiny is. Thus, if power struggles are inevitable one has to ensure that usurpation will he/she will not spoil his/her moral character by resorting to tyranny and ruthlessness.

It turns out that *virtù* does not simply touch resistance to *fortuna*; *virtù* is also needed when one is about to make decisions in order to revert the devastating consequences of *fortuna* herself but the available choices are limited. This applies to Alexios, who usurps power in order to escape punishment, or with Boccaccio's Giovanna, whose social environment imposed severe restrictions on her future plans. According to Ferme (2015), it is Federigho himself who loves Giovanna; Federigho's love is not reciprocated (185). When he has spent all the money he had in courtship, he is left with only a beautiful falcon, which Giovanna's son craves in order to recover from his illness (*Dec.* 5.9). When Giovanna visits Federigho the latter listens to her request 'that he would be unable to fulfil it, because he had served the bird up to her for lunch' (ibid). According to Ferme (2015), Giovanna's decision, after her son's death, to marry Federigho 'might appear as evidence of her limited choices' (181). However, Giovanna's husband had already willed 'his entire inheritance to her should his son die without a legitimate heir' (ibid). Thus, while 'her brothers insist that she remarry, Giovanna is under no familial obligation to do so. Her power ... rests precisely in her social condition as a widow that is independent and controls considerable wealth' (ibid). He chooses to marry Federigho, a man she highly appreciates for the kindness he had expressed towards her. Yet, this reading does not take into account the following important parameter: while Giovanna considers the possibility of remaining single, she finally ends up with Federigho. She succumbs to the demands of her brothers, who kept pressing her to remarry. Thus, Giovanna compromises with the standards of mediaeval Italy, which consider marriage the only acceptable choice for a woman. However, Giovanna relies on her

agency, on her ability to make good decisions, and marries a man who respects and values her personality and female independence, as opposed to Griselda, a submissive woman, who passively satisfies the absurd requests of her abusive husband (see *Dec. 10.9*). Of course, this assumption does not entail that limits on free choice imposed by dominant norms must be always accepted as given once and for all. We could, instead, assume that if restrictions are inevitable, if within a given moment an individual cannot maximise his/her available choices, the same individual, regardless of gender, must rely on his/her agency, on his/her *prudence* and *phronesis*, ensuring that the available choices have been evaluated and, subsequently, the best one has been followed. In this regard, meritorious leadership embodies the *virtù* of *prudence*, which values human agency over fatalism and defeatism.

Concluding remarks

Komnene's depiction of Alexios as an ideal ruler converges with Machiavelli's views, as well as with Boccaccio's viewpoints expressed in several tales of his *Decameron*. Both authors place emphasis on human agency and potential. But in spite of similarities we have also identified a good deal of divergences, particularly on the issue of generosity and clemency, which is prioritised by Komnene. This could be attributed to Komnene's Orthoox orientation, as opposed to Machiavelli's (overwhelmingly) secular preferences. For Machiavelli civic virtue has little use for Christianity, precisely because Christians turn to the inside world in the pursuit of truth, as he explains in certain passages of *The Discourses* (particularly in Book 1, Chapter 2). We have, however, seen that the secularism of Italian humanism has much to do with the translation and dissemination of Greek literature in the Italian world, which replaced volumes of religious translations. More importantly, the new translations and the new works transported in Italy contributed decisively to the strengthening of humanist thinking, which breaks with worldviews subjecting society, politics, and interpersonal relations to extra-social authorities. Beyond the common assumption that has been settled into place in the western world, that humanism is essentially an Italian philosophical current, we have seen that there exist humanist trends (such as Byzantine humanism) which predate the Italian Renaissance.

But while humanism in Italy prompted separation of religion from secular affairs, in Byzantium humanist strands of thought rely both on Christian principles about morality and ethics as well as on classical Greek concepts, developed in works of Greek philosophy, in Homeric poetry, and Greek tragedy. In spite of the historic conflict between Christianity and pagan philosophy in Byzantium, which (especially during the first centuries of the Empire) resulted to the persecution of ‘Hellenism’, classical Greek works (particularly the works of Homer, Aristotle, Plato and Thucydides) had never disappeared from the Byzantine educational curriculum (as the first section of this article explained). A contextual analysis indicates that Byzantium was not a violent autocracy, a world dominated by oppressive monarchies, a society within which religious institutions rule supreme. In fact, Byzantine society on the whole was an educated one; it relied on classical poetry and philosophy more than any other society of that era. Furthermore, Anna Komnene’s *Alexiad* is an indication that a compromise between pagan and Christian philosophy was already taking place. Michail Psellos ‘had a secular outlook, which sought only human causes for events’ (Harris 2000: 25); works of preceding thinkers, such as Theodoros Metochites and Niketas Choniates (that I will discuss in another study), highlight human agency by reflecting on Orthodox theology and secular philosophy at the same time. Overall, it seems that Komnene’s humanism appears to be closer to the humanist worldview of Boccaccio, which does not approach Machiavelli’s extreme (for the standards of mediaeval Europe) secularism.

Finally, we have identified in Komnene and Boccaccio a tendency to attribute human agency to females. The story of Giovanna (*Dec.* 5.9.) does point towards this direction. In addition, the majority of protagonists and storytellers in Boccaccio’s *Decameron* are women who often excel in beauty and intelligence. As mentioned in the first section of this article, Komnene wrote the *Alexiad* in order to rehabilitate the reputation of her father. Thought praise of Alexios’ as a pious Emperor who excels in military diplomacy and moral integrity, she makes a clear statement about her knowledge of what a meritorious leadership is really about; the humanist lexicon she uses in order to craft the image of Alexios himself is also a statement for herself: she could fit to rule as a ‘philosopher king’. Should Anna had usurped John II Komnenos she would be the third sole Empress (female supreme monarch) in the history of the Byzantine Empire, be-

hind Empress Irene (797–802) and Theodora Porphyrogenita (1055–1056). She was, however, the first female historian of Europe and a highly educated thinker, who invites us to think of male and female agency in tandem with the pursuit of ideal leadership being synonymous with moral *virtù*.

Bibliography

- Adamson, P., 2007. *Al-Kindi (Great Medieval Thinkers)*. Oxford: Oxford University Press.
- Andrei, F., 2017. *The Language of Knowledge in the Decameron*. New York and London: Palgrave Macmillan.
- Aristotle, 2009. *The Nicomachean Ethics*, translated by Ross, D. Oxford: Oxford University Press.
- Barsella, S., 2007. Work in Boccaccio's Decameron: Politics, Theology, and the Images of the Countryside. *Romance Quarterly*, 54:3, pp. 231–253.
- Boccaccio, G., 1998. *The Decameron*, translated by Waldman G., Oxford: Oxford University Press.
- Buckley, P., 2014. *The Alexiad of Anna Komnene*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Cameron, A., 2006. *The Byzantines*. Oxford: Blackwell Publishings, LTD.
- Cameron, A., 2014. *Byzantine Matters*, Oxford: Oxford University Press.
- Comnena, A., 2000. *The Alexiad*, translated by Dawes, E., A., S., Cambridge, Ontario.
- Cooke, M., 2001. Between 'objectivism' and 'contextualism': The normative foundations of social philosophy, *International Journal of Philosophical Studies*, 9 (1), pp. 63 – 83.
- Cooper, M., G., 2013, Byzantium Between East and West: Competing Hellenisms in the Alexiad of Anna Komnene and her Contemporaries, in Classen A., and Sandidge, M., (eds) *East Meets West in the Middle Ages and the Early Modern Period* (vol. 12 of series: Fundamentals of Medieval and Early Modern Culture), Berlin and New York: Walter de Gruyter, pp. 263–87.
- Demetriou, K., 2022. The logical status of history and the paradoxes of historicism. *Dia-noesis: a Journal of Philosophy*, 12, pp. 145–162.
- Ebbesen, S., 2002., Greek-Latin Philosophical Interaction. In Ierodi-

- akonou, K., (ed). *Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Oxford: Oxford University Press.
- Ferre, V., 2015. *Women, Enjoyment, and the Defense of Virtue in Boccaccio's Decameron*. New York: Palgrave Macmillan.
- Gouguenheim, S., 2017, *La Gloire Des Grecs*, Paris: Les Éditions du Cerf.
- Harris, J., 2015, *The Lost World of Byzantium*, New Haven and London: Yale University Press.
- Harris, J., 2000. Distortion, divine providence and genre in Nicetas Choniates's account of the collapse of Byzantium 1180–1204. *Journal of Medieval History*. 26(1), pp.19–31, DOI: 10.1016/S0304-4181(99)00011-1
- Hankins, J., 1990, *Plato in the Italian Renaissance (Volume 1)*, Leiden, New York: E. J. Brill.
- Herrin, J., 2007, *Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire*. London: Penguin Books.
- Jenkins, J., H., J., 1963, *Byzantium and Byzantinism*, Cincinnati: University of Cincinnati.
- Kalavrezou, I., 2003. *Byzantine Women and Their World*. New Haven and London: Yale University Press.
- Kaldellis, A., (2015). *The Byzantine Republic*. Harvard University Press.
- Kelly, P., (2011). Rescuing political theory from the tyranny of history, in *Political Philosophy versus History?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Laiou, A., 2003. Women in the History of Byzantium. In Kalavrezou, I., 2003. *Byzantine Women and Their World*. New Haven and London: Yale University Press.
- Ljubarskij, J., 2000. Why is the Alexiad a Masterpiece of Byzantine Literature? In Peterson–Gouma, T., (ed) *Anna Komnene and Her Times*, New York and London: Garland Publishings, pp. 169–187.
- Machiavelli, N. 1992, *The Prince*, New York: Dover Publications.
- Machiavelli, N., 2003, *The Discourses* (Reprinted with new chronology and updated editorial matter), Harmondsworth: Penguin.
- Mango, C., 1965, Byzantinism and Romantic Hellenism, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 28, pp.29–43.
- Mytilinaki Kennedy, M., 2018, ‘During the Long Greek Crisis: Jan Fabre, The Greek Festival, and Metakénosis’. *Performance Philosophy* [e-journal]. 1(4), pp.25–38.
- Neville, L., 2016, *The Life and Work of a Medieval Historian*, Ox-

- ford: Oxford University Press.
- Rosser, H., J., 2012. *Historical Dictionary of Byzantium*, Lanham, Toronto and Plymouth: The Scarecrow Press, Inc.
- Skinner, Q., 1988, 'Meaning and Understanding in the History of Ideas', *History and Theory*, 1(8), pp.3–53.
- Skinner, Q., 1981. *Machiavelli (Past Masters)*. Oxford: Oxford University Press.
- Spengler, O., 1961, *The Decline of the West*, London: George Allen & Unwin.
- Stouraitis, I., 2012. Conceptions of War and Peace in Anna Comnena's Alexiad, in Stouraitis, I., *Byzantine War and Ideology*. Austrian Academy of Sciences Press.
- Stratikis, L., 1992. *Byzantium and France: the Twelfth Century Renaissance and the Birth of the Medieval Romance*. PhD Thesis: University of Tennessee – https://trace.tennessee.edu/utk_graddiss/2521
- Syros, V., 2010. 'Between Chimera and Charybdis: Byzantine and Post-Byzantine Views on the Political Organization of the Italian City-States', *Journal of Early Modern History*, 14, pp. 451–504.
- Theodosiadis, M., 2021. Byzantine matters: book review. *Dia-noesis: a Journal of Philosophy*. 11, 251–26.
- Κοντογιώργης, Γ., Δ., 2020a. *Το Ελληνικό Κοσμοσύστημα, Τόμος Γ*. Αθήνα: Εκδόσεις Σιδέρη [Contogeorgis, G., D., 2020a. *To Elliniko Cosmosysthma. Volume C.*, Athens: Sideri Publications].

MODELLI MIGRATORI E ALFABETISMO NELLE ALPI (XVIII–XIX SECOLO)

Maurizio Piseri

Nach Bergamo, zur Heimat,
Kehrt nun Pierrot zurück;
Schwach dämmert schon im Osten
Der grüne Horizont.
Der Mondstrahl ist das Ruder.

A Bergamo, a casa,
Torna Pierrot ansioso,
Già albeggia all'Oriente
Il verde orizzonte.
Fa da remo un raggio di luna.

(Arnold Schönberg, Pierrot Lunaire)

Il contesto: lo spazio alpino

«La montagna è un mondo a parte dalle civiltà, creazioni delle città e dei paesi di pianura. La sua storia sta nel non averne, nel restare abbastanza regolarmente ai margini delle grandi correnti incivilitrici sebbene scorrano con lentezza»²⁹².

«La montagna è proprio questo: una fabbrica di uomini al servizio altrui: la sua vita diffusa, prodiga, nutre la storia tutta del mare»²⁹³.

Le parole di Ferdinand Braudel dedicate alle montagne dello spazio mediterraneo ed europeo ci introducono al punto focale dell'emigrazione alpina: la povertà, lo squilibrio tra risorse alimentari e popolazione rende la montagna una riserva di uomini per le pianure. Al tempo stesso la montagna è uno spazio dove la storia, se per tale intendiamo i processi civilizzatori delle città, scorre a lentezza varia-

²⁹² Braudel 2012: 18.

²⁹³ Braudel 2012: 37.

bile. Per comprendere i caratteri dell'emigrazione alpina dobbiamo ricondurci a questo carattere originario che unisce le Alpi alle altre montagne. Al tempo stesso non saremmo in grado di comprendere la migrazione alpina, i suoi significati socioeconomici e antropoculturali, se ignoriamo le peculiarità che fanno delle Alpi una montagna in grado di instaurare un rapporto dialettico con le pianure.

Il mondo urbano, con i suoi portati culturali, religiosi e socioeconomici, entra nelle Alpi in forme varie e più incisive rispetto alle altre montagne europee. La discesa dei ghiacciai ha scavato le valli alpine e ha reso le più alte montagne dell'Europa Occidentale valicabili con relativa facilità. Dagli stessi ghiacciai nascono i grandi fiumi che nel medioevo hanno definito i percorsi di uomini e merci su cui si è costruita la civiltà europea (il Reno, il Po, il Danubio, il Rodano). I ventuno valichi rendono permeabile il confine fisico dell'arco alpino, dove fin dal medioevo l'ingegnosità dell'uomo si è prodigata a costruire reti stradali in grado di integrarsi con le vie d'acqua tracciate dai laghi e dai fiumi (si pensi alla strada del Gottardo o al passo dello Spluga). Uomini e merci transitano per i passi alpini e offrono occasioni di lavoro e di contatto con il mondo urbano alle popolazioni locali²⁹⁴.

Il mondo urbano penetra nelle Alpi ma non realizza quel processo di colonizzazione culturale promosso dal processo di civilizzazione interpretato da Norbert Elias – e da altri storici dopo di lui – come tratto caratteristico dell'età moderna e della modernità²⁹⁵. Siamo di fronte ad un nodo cruciale per comprendere la cultura alpina e il ruolo dell'emigrazione nella definizione del modello antropoculturale alpino. Per la sua comprensione dobbiamo partire dal principio enunciato da Bachtin nel suo lavoro sull'opera di Rablais e la cultura popolare²⁹⁶. Secondo Bachtin il Cinquecento segna una frattura nell'unità culturale del medioevo. Le élite europee sviluppano una propria cultura, fondata sul testo scritto, e destinata a

²⁹⁴ Braudel: 2012: 209–211.

²⁹⁵ Elias 1998; La civiltà delle buone maniere. La trasformazione dei costumi nel mondo aristocratico occidentale, Bologna, il Mulino, 1998; Foucault 1976; Disciplina dell'anima, disciplina del corpo e disciplina della società tra medioevo ed età moderna 1984; Il concilio di Trento e il moderno 1996.

²⁹⁶ Бахтин 1965.

ridefinire gli universi simbolici delle popolazioni europee attraverso un processo di colonizzazione culturale che ha nella scuola uno dei suoi capisaldi²⁹⁷. I tradizionali codici culturali del medioevo, fondati sull'oralità e sulla rappresentazione, si muovono entro gli spazi, sempre più angusti, della cultura popolare.

Nella seconda parte del contributo avremo modo di approfondire questo aspetto, che trova una manifestazione emblematica nei processi di scolarizzazione e di alfabetizzazione. Per ora basti osservare la separazione di due universi simbolici: uno elitario, fondato sullo scritto e proiettato sulle città e sulle pianure, e uno popolare che, nel corso dell'età moderna, trova i suoi spazi di resistenza nei gruppi e nelle società marginali, tra cui quella alpina. Possiamo affermare che Alpi e pianure, con i loro modelli culturali, non sono due universi paralleli, ma sono due universi separati, seppur dialoganti, e lo resteranno finché la società industriale non permeerà anche il mondo alpino richiamando nelle pianure una riserva di manodopera destinata a strutturarsi definitivamente nei processi urbani di produzione.

Per comprendere il mondo alpino e le migrazioni dobbiamo ripartire da Braudel: la storia, il processo di "civilizzazione", entra nelle Alpi ma viaggia a velocità diverse rispetto alle pianure ... e la storia ha diverse modalità di penetrare negli spazi alpini; modalità che hanno il loro comune denominatore nel concetto di "frontiera". Oltre ai confini fisici tracciati dallo spartiacque alpino, le Alpi costituiscono una frontiera polisemica: religiosa, culturale, linguistica. Una frontiera permeabile al pari dei suoi passi alpini e, al pari di questi, capace di instaurare relazioni, reciprocità, dialettiche. Le élite urbane entrano in queste dinamiche di frontiera e ne definiscono alcuni caratteri. La religione è un buon esempio. Le Alpi sono una frontiera confessionale, dove si confrontano cattolici, calvinisti e luterani (senza contare comunità religiose minori come i valdesi). Le autorità civili e religiose delle città attuano strategie articolate al fine di conquistare nuovi spazi alla loro fede o per limitare la penetrazione delle altre confessioni²⁹⁸. La predicazione ha un ruolo centrale ma non meno importante è il ruolo della scuola. In ambito cattolico è stata

²⁹⁷ Furet, Ozouf 1977: 176; Piseri 2006: 255–278.

²⁹⁸ Bendiscioli 1958: 369–404.

ben studiata la rete di piccoli seminari sparsi per le valli alpine²⁹⁹ mentre non mancano collegi prestigiosi collocati in centri piccoli (come Ponte Valtellina o Arona) ma strategici perché capaci di proiettarsi su territori protestanti e attirare i rampolli di nobili casate calviniste o luterane³⁰⁰.

Eppure, anche in tema di religione, gli spazi della cultura urbana sono ridimensionati dalla fede interpolata dai retaggi pagani e dai miti ancestrali delle popolazioni alpine. La contaminazione di retaggi propri della cultura popolare nella vita religiosa delle Alpi produce l'atteggiamento ambiguo delle autorità religiose, ora propense ad additare i montanari come modello di devozione ora sollecitati a promuovere campagne di estirpazione del paganesimo: iniziative fondate sulla predicazione ma capaci di derive drammatiche, come la caccia alle streghe della Valtellina, che trovò il suo apice tra il 1630 e il 1632.

L'emigrazione alpina

Conoscere il contesto culturale delle Alpi, le dialettiche prodotte dal loro rapporto con le pianure e dalla loro natura di frontiera dai significati plurimi, è un passaggio fondamentale per comprenderne i caratteri distintivi rispetto a un fenomeno condiviso con tutte le montagne europee: l'emigrazione. La montagna, infatti, non può prescindere dall'emigrazione; non può prescindere dalla sua natura di riserva di uomini. Agricoltura e allevamento, soprattutto nelle alte valli, non possono garantire la sopravvivenza di tutti. L'emigrazione non è una scelta ma una necessità, perché permette di riequilibrare il rapporto tra disponibilità alimentari e popolazione. Del resto è proprio il più celebre degli emigrati alpini, Arlecchino, a incarnare e mettere in scena questa strategia di sopravvivenza: il servo bergamasco (uno dei tanti emigrati a Venezia) sa districarsi nelle situazioni più complicate ma al tempo stesso è incapace di liberarsi dalla fame eterna di chi ha conosciuto la povertà estrema.

La stagionalità delle migrazioni chiarisce la ineludibilità dell'emigrazione: la popolazione maschile si allontana dalla propria casa con l'aprirsi della primavera, quando le riserve alimentari prodotte nella passata stagione agricola iniziano a scarseggiare. Il

²⁹⁹ Negruzzo 2000.

³⁰⁰ Moretti 2001; Planzi 2018.

rientro avviene in autunno mentre l'inverno è il periodo dedicato alla produzione artigianale, la cui vendita fornirà i mezzi di sussistenza durante la nuova stagione migratoria. Le dinamiche dell'emigrazione alpina non sono diverse dalle dinamiche di altre regioni montuose. Il tratto distintivo è lo sviluppo di attività artigianali caratterizzate da specializzazioni definite dalle materie prime offerte dal territorio. Un esempio è fornito dalle "valli del ferro" lombarde: la Valsassina, la Valtrompia, l'alta Valcamonica; territori specializzati nella produzione di armi, coltelleria, ferramenta. Non meno radicata è la lavorazione della pietra e dei materiali edili, già celebre in età medievale grazie ai maestri comacini: capimastri, stuccatori, scalpellini (in alcuni casi anche apprezzati scultori) sono attivi nei cantieri di tutta Europa e forniranno le principali maestranze a una città dai tratti architettonici lombardi come San Pietroburgo³⁰¹. Peltro, ottone, stagno alimentano la produzione di suppellettili nell'area compresa tra il Lago Maggiore e il Lago d'Orta. Tra le materie prime non poteva mancare il legno che forniva il materiale per sculture, oggetti di arredo, utensili e calzature, come gli apprezzati sabot della Val d'Ayas in Valle d'Aosta.

Se ci spostiamo nel vicino Appennino Tosco Emiliano ci troviamo di fronte a ben altro tipo di emigrazione. Qui, con l'arrivo della primavera, masse di uomini emigrano verso la Pianura Padana per soddisfare il fabbisogno di manodopera durante le fasi più intense della stagione agricola, come il raccolto o le laboriose attività legate alla cultura del mais. Quando non si trattava di contadini, dagli Appennini scendeva una varia umanità composta da carrettieri, esercenti umili professioni, stagnari, spazzacamini e girovaghi attivi come musicanti di strada o domatori di orsi³⁰², né mancano sacerdoti che scendono nelle pianure della Lombardia nella speranza di trovare un beneficio ecclesiastico³⁰³.

Facchini, spazzacamini, carrettieri e altri addetti agli umili servizi componevano quote significative anche dell'emigrazione alpina; tuttavia, sarebbe sbagliato confonderli nella massa indistinta

³⁰¹ Navone 2007: 413–420; Valsangiacomo, Marcatti 2017: 7–18.

³⁰² Porcella 1998. Riferito all'Appennino Parmense, un interessante repertorio di fonti documentarie è raccolto in www.emigrazioneparmense.it.

³⁰³ Toscani 1979: 111 sgg.

della povera emigrazione montanara. L'emigrazione delle umili professioni dalle Alpi ha un carattere organizzato, nulla è lasciato all'improvvisazione. Dei casi emblematici, e studiati, sono forniti dagli spazzacamini e dai facchini bergamaschi. Gli spazzacamini delle valli bergamasche non sono bambini affidati a girovaghi da famiglie bisognose di liberarsi di bocche da sfamare, come avviene nelle montagne della Savoia³⁰⁴. Gli spazzacamini bergamaschi sono adulti e qualificati. La rete dei loro movimenti e della loro attività non è affidata al caso ma è coordinata da corporazioni strutturate su una o più vallate. Questa organizzazione permetteva agli spazzacamini bergamaschi di operare su scala europea, da Palermo ad Amsterdam.

Non meno nota è l'elevata organizzazione dei facchini bergamaschi, attivi in molti porti d'Europa. Studiato è il caso degli scaricatori bergamaschi del porto di Genova, riuniti dal 1340 nella *Compagnia dei caravana*. I membri della compagnia provenivano dalla Val Brembana, dalla Val Brembilla e dalla Valle Imagna. Per essere ammessi nell'organizzazione, oltre ai requisiti di robustezza fisica, bisognava rispettare un codice etico e dimostrare di non essere incappati in condanne penali. Ai consociati era inoltre fatto obbligo di fornirsi reciproca assistenza. Di anno in anno, il consiglio degli anziani, che amministrava la compagnia, contrattava con le autorità portuali di Genova il numero dei facchini e garantiva la loro sostituzione in caso di morte, infortunio o malattia³⁰⁵.

Dagli umili servizi espressi dalle Alpi bergamasche proviene una delle storie familiari di maggior successo imprenditoriale dei primi anni dell'età moderna: il monopolio postale dei de Taxis (von Taxis in Germania, dove si trasferì e ancora oggi vive il ramo principale della famiglia, Thurn und Taxis)³⁰⁶. *Cavallanti* (ossia corrieri a cavallo) della Val Brembana, i de Taxis dovettero il loro successo all'idea di collocare a distanze uniformi delle stazioni di posta per la sostituzione dei cavalli. L'idea permise alla famiglia di ottenere, fin

³⁰⁴ Chassagne 1996: 215–219.

³⁰⁵ Zanini 1993: 207–215; Massa Piergiovanni 1998: 195–218. Per altri esempi di forme di emigrazione bergamasca rimando al suddetto vol. III della Storia economica e sociale di Bergamo.

³⁰⁶ Ricordo che von Thurn è il nome assunto dal ramo tedesco del casato dei Della Torre, che per un breve periodo detenne la signoria di Milano.

dal Trecento, lucrosi contratti con la Repubblica di Venezia per poi espandersi in Austria e, alla fine del Quattrocento nelle Fiandre. Nel Cinquecento i de Taxis, grazie anche ai rami collaterali della famiglia, detenevano il monopolio dei servizi postali del Sacro Romano Impero e di gran parte dell'Europa³⁰⁷. Un'altra biografia celebre ci porta ad Antonio Canova. Il celebre scultore neoclassico nacque a Possagno, sulle Alpi venete, paese di cave di pietra e di scalpellini, tra cui Pietro, il padre del Canova.

La vicenda familiare dei de Taxis è il percorso artistico del Canova sono eccezionali; tuttavia, le Alpi forniscono anche altre storie di emigrazione coronate da successo imprenditoriale, peraltro rintracciabili anche nello stesso Impero Russo. È il caso della famiglia Massera di Cossogno, villaggio tra le montagne dietro Pallanza, sul Lago Maggiore: emigrata per Mosca verso la fine del Settecento e arricchitasi attraverso il commercio di suppellettili in peltro³⁰⁸. Grazie agli studi di Raul Merzario sappiamo che artigiani comaschi si distinsero nella produzione di strumenti per la fisica sperimentale.

L'alto livello di qualificazione degli artigiani comaschi ha portato Merzario a individuare nelle manifatture alpine una manifestazione precoce di capitalismo industriale³⁰⁹. Gli studi dello storico comasco ancora oggi, ad anni dalla sua precoce scomparsa, rappresentano le punte più alte negli approcci demografici e sociali di storia alpina; ricerche di valore non debitamente riconosciute da una comunità scientifica, come quella degli storici italiani, ancora oggi incapace a liberarsi dai gravami dei retaggi neoidealisti ancora prevalenti in importanti Atenei³¹⁰.

Nonostante il loro valore, i lavori di Merzario, che miravano ad esporre le strategie di sopravvivenza delle popolazioni delle Alpi comasche, hanno alimentato una letteratura volta a sostenere la tesi

³⁰⁷ Cauzzi 1993: 16–20 sgg.; Behringer 1990.

³⁰⁸ La vicenda della famiglia, di cui è conservato il sepolcro nel Vvedenskoe kladbische di Mosca, è parzialmente ricostruibile dall'archivio privato dei discendenti.

³⁰⁹ Merzario 1989.

³¹⁰ La carriera di Raul Merzario si fermò a 59 anni nel ruolo di professore associato.

di un mondo alpino non solo pienamente inserito nelle dinamiche storiche dell'età moderna ma addirittura capace a rappresentarne le punte più avanzate. È, in sostanza, questa la tesi sostenuta dallo storico romando Jean-François Bergier, che mira a criticare l'idea braudeliana di un mondo alpino senza storia dimenticandosi che proprio Braudel traccia le numerose eccezioni offerte dalle Alpi rispetto alle altre montagne europee e mediterranee³¹¹. Le tesi di Bergier hanno impattato soprattutto in ambito antropologico (dove si è sviluppata una "antropologia alpina" spesso tarata da una imbarazzante ignoranza delle fonti storiche e bibliografiche) mentre poco hanno inciso nella comunità degli storici, fatta eccezione per una letteratura locale propensa all'agiografia.

Per comprendere i lavori di Merzario, imprescindibili per chi voglia dedicarsi allo studio delle Alpi, bisogna contestualizzarli al periodo in cui sono nati e al percorso formativo dell'autore, che nasce non come storico ma come sociologo (laureato all'Università di Trento). Merzario scrive in un contesto, come la Lombardia degli anni Settanta e Ottanta, caratterizzato, proprio in ambito sociologico e antropologico, da un forte interesse per il mondo dei marginali, degli "esclusi dalla storia". Un interesse originato dalla scoperta, dopo la sua precoce scomparsa nel 1975, dei lavori di Danilo Montaldi sul mondo degli ultimi³¹². L'interesse allo studio dei marginali fu portato avanti dagli etnologi Roberto Leydi e Glauco Sanga nonché dalla cerchia di studiosi riuniti nella rivista "Ricerca folklorica", con una prospettiva antropologica che non trascurava un approccio di matrice storica.

Le comunità marginali studiate dagli etnologi lombardi sono realtà separate dalla società circostante eppure, al tempo stesso, dialoganti con essa. In queste comunità, per riprendere le parole di Braudel, la storia scorre a un ritmo diverso. Attraverso i movimenti di uomini e merci, attraverso le relazioni umane, la "civiltà" entra e

³¹¹ Bergier 1997.

³¹² Nato a Cremona nel 1929 e deceduto in Val Raia nel 1975, Montaldi si è occupato soprattutto di soggetti che vivevano ai margini della legalità ma, al tempo stesso, incapaci di azioni violente; esponenti di una criminalità "antica", legata a un mondo contadino e ormai destinata a sparire di fronte alle nuove forme di criminalità, violenta e priva di principi etici. Emblematico da questo punto di vista: Montaldi 1961.

dialoga con la “marginalità” eppure, nonostante questo, non l’assorbe. Il dato interessante emerso dai lavori di Leydi, Sanga e della loro cerchia è il ruolo centrale dell’alfabetismo nelle strategie di preservazione di queste società marginali³¹³; un assunto coerente con gli studi condotti dagli antropologi statunitensi Sylvia Scribner e Michael Cole, che, indagando il rapporto con la modernità in società di recente alfabetizzazione, scoprirono che le maggiori resistenze al cambiamento sono offerte dagli alfabeti non scolarizzati³¹⁴.

Gli studi di Merzario si comprendono alla luce di questo assunto: le Alpi rappresentano una vasta area di marginalità. Il fraintendimento degli scritti di Merzario parte dall’assunto, sbagliato, di ritenere inseparabile l’imprenditoria dalle forme di produzione capitalistica. Eppure sarebbe bastato rifarsi ai modelli di imprenditoria medioevale per capire dove le forme di produzione alpina affondano le radici. Abbiamo visto l’organizzazione della *Compagnia dei caravana*. Il suo tributo alle *universitas* medioevali è palese. Le modalità pianificate dell’emigrazione alpina, evidente anche nelle compagnie degli spazzacamini, fanno pensare che modelli simili fossero presenti anche nei meccanismi di produzione artigianale, sia nella definizione delle tecniche di produzione sia nell’organizzazione dei percorsi migratori. Il tratto centrale, che si riflette nelle forme di autogoverno delle comunità alpine, è una organizzazione tra pari che operano nello stesso ambito produttivo e dispongono dei materiali e dei mezzi di

³¹³ Sanga 1987: 15–18. Più in generale si cfr. la sezione monografica della rivista dedicata a Oralità e scrittura. Le letterature popolari europee. Un caso molto interessante è offerto dal borgo lombardo di Castelponzone in provincia di Cremona. Si tratta di una comunità di marginali, dove l’attività commerciale è unita al contrabbando, alle truffe e al traffico di merci rubate, soprattutto cavalli, ottenute tramite gli stretti rapporti con gli zingari. Fin dal primo Ottocento tutti gli abitanti sono alfabeti nonostante solo nel 1814 sia attestata una scuola, tenuta dal sacerdote Ferdinando Kirchmann – Sanga 1979: 199–221. Per i dati di alfabetismo si cfr. Piseri 2002: 50–53 sgg.

³¹⁴ Scribner, Cole 1991: 234–247; Scribner, Cole 1973: 553–559.

produzione. Si spera che futuri studi (i processi di Stato libero³¹⁵ rappresentano una fonte preziosa e finora poco usata) possano precisare meglio queste dinamiche, ma mi sento di dire che in esse possiamo vedere una forma di resistenza verso quelle forme di produzione pre-capitalista proprie dell'età moderna (si pensi al Verlagssystem, che introduce una separazione tra artigiani, in realtà contadini che svolgono operazioni meccaniche senza disporre di reali competenze tecniche, e ciclo produttivo).

I passi alpini alimentano movimenti di uomini e di merci, le città agiscono sul mondo alpino attraverso le strategie confessionali: la cultura alpina dialoga con la cultura urbana ma non si lascia conformare da essa. Ribadisco: Alpi e pianure, con i loro modelli culturali, non sono due universi paralleli, ma sono due universi separati, seppur dialoganti, e lo resteranno finché la società industriale non permeerà anche il mondo alpino richiamando nelle pianure una riserva di manodopera destinata a strutturarsi definitivamente nei processi urbani di produzione. Lo spopolamento delle valli alpine, frenato solo nel secondo Novecento grazie al turismo (e solo laddove è giunto), è la prova che, per capire la storia delle Alpi, non possiamo prescindere da Braudel. Una ulteriore prova della bontà della teoria di Braudel è la storia della scuola alpina: una storia di resistenza alle strategie di colonizzazione culturale promosse dalle élite.

Il modello di scolarizzazione e di alfabetizzazione alpino

Per comprendere il modello di scolarizzazione e di alfabetizzazione alpino dobbiamo partire da un punto fermo: una cultura popolare può utilizzare la scrittura come modalità di rappresentazione dei suoi codici simbolici. La convinzione di una proprietà civilizzatrice dell'alfabetismo, capace di produrre un carattere antropologico oppositivo all'analfabeta, è stata ulteriormente messa in crisi dalla individuazione, in età moderna, di alfabetismi che non rispondono agli obiettivi di omologazione delle élite. Va dato merito a Michel Vovelle di aver intuito per primo le anomalie culturali del-

³¹⁵ Ossia processi verbali sostenuti presso i tribunali vescovili per accertare, attraverso la deposizione di almeno due testimoni, che gli sposi, vissuti fuori dalla diocesi, non avessero contratto un precedente matrimonio o non fossero vincolati da una promessa matrimoniale. Tali fonti permettono di ricostruire vere e proprie storie di emigrazione. Un uso di tali fonti è presente in Zanini 1993.

l'alfabetismo espresso da società marginali, come i montanari dell'Alta Provenza³¹⁶. In seguito fu Robert A. Houston a vedere nell'alfabetismo scozzese uno strumento di conservazione identitaria³¹⁷. L'elevato alfabetismo espresso dal versante italiano delle Alpi fu individuato da Xenio Toscani nei suoi lavori dedicati alla ricostruzione della geografia dinamica della scuola primaria in Lombardia dal Cinquecento all'età napoleonica³¹⁸. Saranno gli allievi pavesi di Toscani che, proseguendo il percorso di studi intrapreso da Carlo M. Cipolla e dalla scuola storica dell'Università di Pavia³¹⁹, individueranno nelle Alpi uno specifico modello di scolarizzazione e di alfabetizzazione³²⁰.

Quando studiamo l'alfabetismo alpino entriamo nel dominio delle *many literacies*, termine coniato da Harvey J. Graff in contrapposizione al *literacy myth*; il mito dell'alfabetismo di origine illuminista e radicato fino ai giorni nostri³²¹. La convinzione che il solo possesso dell'alfabetismo potesse produrre soggetti flemmatici, razionali, solleciti nei loro doveri sociali e professionali (qualità irreperibili nell'analfabeta) ha indotto a fare degli studi dell'alfabetismo una contabilità delle firme apposte su un atto di matrimonio. Un testo imprescindibile per chiunque intenda dedicarsi alla storia dell'alfabetismo, *Lire et écrire* di François Furet e Jacques Ozouf, parte dalla convinzione che «L'alphabétisation est tout justement l'histoire de la pénétration d'un modèle culturel élitiste dans la société. Du haut vers le bas, des classes supérieures vers les classes inférieures»³²². Al contrario, proprio le Alpi mostrano che una semplice conta delle firme

³¹⁶ Vovelle 1975: 89–142.

³¹⁷ Houston 1982: 81–102; Houston 1983: 269–293; Houston 1985.

³¹⁸ Tali studi sono confluiti nel volume: Toscani 1993.

³¹⁹ Cipolla 1971.

³²⁰ L'alfabeto in montagna 2012.

³²¹ Graff 1991. In tempi recenti, i due modelli antropologici oppositivi discriminati dall'alfabetismo hanno trovato la loro teorizzazione più nota in Goody 1977. Sul tema si cfr. anche Ong 1982.

³²² Furet, Ozou 1977: 176.

rischia di ridursi ad un esercizio retorico se non è accompagnata da un'attenta analisi dei canali di alfabetizzazione.

Fin dagli anni Sessanta si è individuato nel Cinquecento un secolo di svolta nella storia della scuola. Sia Carlo M. Cipolla che Lawrence Stone indicano nel XVI secolo l'inizio del processo di scolarizzazione di massa delle popolazioni dell'Europa Occidentale. Stone individua una "educational revolution" caratterizzata da una dialettica volta ad ampliare e a restringere gli accessi ai vari gradi di istruzione attraverso la creazione e l'abbattimento di barriere sociali³²³. Cipolla, oltre a concordare con Stone, ritiene che dal Cinquecento prenda avvio un fenomeno di lunga durata, l'alfabetismo di massa, destinato a compiersi in piena età industriale secondo modalità e tempi definiti soprattutto, ma non solo, dallo sviluppo economico³²⁴. Negli anni Settanta i già citati Furet e Ozouf vedono nell'alfabetizzazione un processo di colonizzazione culturale dall'alto verso il basso della società mentre con Foucault la scuola entra nelle strategie di disciplinamento, di controllo e di omologazione sociale³²⁵.

Non ci sono dubbi che la scuola giochi un ruolo centrale nelle strategie di disciplinamento proprie della modernità, tuttavia l'ipotesi regge finché si fa riferimento alla scuola ordinata e disciplinata dalle élite e funzionale a trasmettere e riprodurre i codici simbolici della cultura elitaria insieme ai loro portati di omologazione dei pensieri e dei comportamenti. Quando la scuola risponde a questi obiettivi l'alfabetismo si inserisce nel processo di colonizzazione culturale ipotizzato da Furet e Ozouf. Tuttavia non è questo l'obiettivo della scuola alpina, circostanza che richiede di individuare i suoi tratti distintivi rispetto al modello scolastico dominante.

Sgombriamo innanzitutto il campo da un possibile equivoco. Sarebbe sbagliato vedere nel comune uso del metodo individuale (o

³²³ Stone 1964: 41–80; Stone 1969: 69–139.

³²⁴ Cipolla 1971

³²⁵ Foucault 1976. Interessante la lettura offerta da Dominique Julia sull'applicazione delle tecniche di disciplinamento e di controllo incrociato (paoptico) nelle scuole di de la Salle. Julia 1996: 12–30.

grammaticale o *antico* laddove fu introdotto il metodo normale)³²⁶ l'indicatore di una integrazione della scuola alpina nella scuola ordinata dalle élite. Il motivo è molto semplice: il metodo individuale esisteva ben prima della *educational revolution* del XVI secolo. La problematica deve essere ribaltata e riformulata in termini corretti: le élite europee, che vedono nella scuola un perno delle proprie strategie di omologazione, impiegheranno almeno un secolo e mezzo per elaborare un metodo didattico coerente e funzionale ai loro obiettivi. Saranno August H. Francke e i suoi allievi, nella prima metà del Settecento, a formulare tale metodo (il metodo normale) e a dare alla scuola moderna la forma e l'organizzazione che oggi conosciamo³²⁷. Ci troviamo di fronte a un processo che richiese molto tempo e che passò per diverse esperienze: dai manuali cinquecenteschi di apprendimento della lettura³²⁸ all'*Orbis sensualium pictus* di Comenio³²⁹ fino ai modelli didattici elaborati dalle *petites écoles* di Port Royal³³⁰ e dai Fratelli delle scuole cristiane di de La Salle³³¹. Né trascuriamo che, fuori dall'area tedesca e austriaca, lo stesso metodo normale impiegò almeno un secolo per imporsi sulle antiche pratiche didattiche³³².

Il primo elemento distintivo della scuola alpina è costituito dalla fitta rete delle piccole e piccolissime scuole di villaggio. Le scuole di villaggio rispondono alla necessità di rendere accessibile la scuola a

³²⁶ Così chiamato perché l'apprendimento della lettura seguiva un criterio sintattico: dall'unità indivisibile della frase (la lettera) al periodo. L'alunno imparato il nome delle lettere le combinava in sillabe poi in parole e infine in periodi.

³²⁷ Tra l'ampia bibliografia dedicata al metodo normale mi limito a citare l'ampio quadro di sintesi offerto in Melton 1988.

³²⁸ Lucchi 1978: 593–630.

³²⁹ Cagnolati 2003: 1–13.

³³⁰ Delforge 1985.

³³¹ Su Jean-Baptiste de La Salle e le sue scuole si cfr. Hengemüle 2012 ; “Je veux aller dans ton école!” 2006; Fiévet 2001.

³³² Circa la diffusione del metodo normale si cfr. Piseri 2020: 207–228.

una popolazione dispersa in piccoli centri, soprattutto nelle alte valli. La fitta diffusione di scuole di villaggio stride con la povertà delle comunità alpine, prive di risorse sufficienti per mantenere un cospicuo numero di maestri pubblici. Come la pressione della popolazione sulle risorse alimentari ha sviluppato strategie di sopravvivenza, anche la scarsità di risorse ha portato a elaborare strategie per la sopravvivenza delle scuole. La prima soluzione è trovare maestri disposti ad accettare compensi molto bassi, capaci di garantire un accesso ai beni essenziali solo per qualche mese. Fare il maestro è un atto di responsabilità verso la comunità prima ancora che una professione: non a caso la funzione è affidata ai sacerdoti. Le rare volte che il maestro è laico, la scelta cade sempre su un *comunista* – ossia un membro della comunità – o su più *comunisti* che si alternano nell'insegnamento.

I sacerdoti sono una categoria di emigranti fin qui trascurata e su cui vale la pena aprire una piccola parentesi. Le Alpi sono un'area di forte vocazione ecclesiastica³³³. Se molti chierici potevano istruirsi in uno dei tanti piccoli seminari dell'arco alpino, un numero non inferiore si inseriva nei percorsi migratori della propria comunità per praticare gli studi ecclesiastici in città anche molto lontane. Finiti gli studi ecclesiastici i giovani sacerdoti che rientravano nel loro villaggio si applicavano nel ruolo di maestri, portando il bagaglio di esperienze degli studi urbani e svolgendo un importante ruolo di mediazione culturale³³⁴.

I magri salari offerti dalle scuole alpine, tuttavia, potevano sconsigliare anche i sacerdoti a tenere scuola, almeno se le lezioni fossero durate per quasi tutto l'anno. Questo spiega un'altra caratteristica della scuola alpina: il suo calendario seguiva la stagione fredda, quando i lavori campestri erano fermi. Al maestro si chiedeva un impegno che andava dai 4 ai 6 mesi.

L'esistenza delle scuole di villaggio era frutto di strategie in grado di conciliare lo stipendio di un maestro con le scarse risorse finanziarie. Alcuni dati statistici, ricavati da un mio lavoro sul sistema scolastico primario del Regno Italico (1797–1814), ci possono offrire una dimensione dei buoni risultati ottenuti dalle comunità alpine negli accessi al leggere scrivere e far di conto. Nel 1810 i dis-

³³³ Toscani 1979; Toscani 1982.

³³⁴ Allegra: 895–947.

tretti alpini offrono valori oscillanti tra le 15 e le 30 scuole ogni 10.000 abitanti. Il dato più alto si registra in Valcamonica con 37 scuole ogni 10.000 abitanti. Nei distretti di pianura la banda di oscillazione dell'indice tende a collocarsi tra le 5 e le 10 scuole ogni 10.000 anime. Se passiamo agli indici di scolarizzazione osserviamo una banda di oscillazione compresa tra i 45 e i 75 alunni ogni 1000 abitanti nei distretti alpini. Nei distretti di pianura la banda si colloca all'incirca tra i 10 e i 25 alunni ogni 1000 anime³³⁵. Se restiamo nell'età napoleonica e ci spostiamo nei dipartimenti francesi della Sesia (Vercelli) e della Dora (Ivrea) ci imbattiamo nelle stesse dinamiche: una montagna con molte scuole ed una elevata frequenza si staglia su una pianura dove la rete scolastica è più debole e la frequenza più rarefatta³³⁶.

Le strategie di sopravvivenza della scuola alpina non possono essere capite se non andiamo alla radice della loro esistenza: gli atti di fondazione. Nelle Alpi, come nelle pianure vicine, a partire dal Cinquecento istituire scuole per atto testamentario è percepito come un atto di carità caro a Dio e utile alla società: un sentimento che dalle città si estende, tra Sei e Settecento, anche alle valli alpine. La differenza, fondamentale, è nella provenienza sociale dei soggetti che dispongono risorse per le scuole in atto di ultime volontà: nelle pianure i testatori provengono dalle élite urbane e agricole; nelle montagne i testatori sono semplici contadini, artigiani, preti di villaggio. Rari sono i lasciti scolastici paragonabili, per risorse finanziarie, a quelli della pianura o delle città e, quando appaiono, sono disposizioni di emigrati, arricchitisi lontano dalla loro terra, che raccomandano l'anima a Dio e la memoria ai compaesani. In non pochi casi, le risorse disposte per la scuola sono talmente modeste che, a volte, bisogna attendere altri lasciti prima di racimolare una somma sufficiente a garantire un modesto salario al maestro.

La provenienza sociale dei testatori è il primo termine da considerare per comprendere gli scopi e gli obiettivi della scuola alpina. Il secondo termine è fornito dai soggetti destinati all'amministrazione della scuola. Anche nei pochi casi in cui il benefattore è un emigrato arricchito, i soggetti terminali destinati all'amministrazione

³³⁵ Piseri 2017: 99–105, 373–374.

³³⁶ Piseri 2020: 20–38; Piseri: 2019: 21–40.

della scuola (il comune³³⁷, la fabbriceria, una confraternita o un luogo pio) sono espressione della comunità montanara; esponenti, pertanto, di una società egualitaria abituati a gestire i pascoli e i boschi della collettività oltre ad amministrare le loro piccole proprietà. La fondazione e la gestione di una scuola di villaggio è una dinamica chiusa entro la comunità montanara, attraverso il coinvolgimento delle istituzioni destinate a organizzare la vita civile e religiosa della comunità.

In breve, le scuole alpine non sono ordinate da istituzioni esterne alla comunità e non rispondono alle strategie di omologazione delle élite urbane. Le scuole alpine devono rispondere alle esigenze etiche, religiose, culturali delle famiglie che costituiscono la comunità montanara, inclusi quegli universi simbolici che appartengono alla cultura popolare. La scuola alpina è una espressione diretta dei bisogni culturali, etici e formativi espressi dalle famiglie; le stesse famiglie che, in quanto proprietarie di un piccolo pezzo di terra e di qualche capo di bestiame, sono coinvolte nell'amministrazione del villaggio e delle sue proprietà comuni come pascoli e boschi. Giovanni Vigo, allievo di Cipolla, ha visto in questa compenetrazione di doveri sociali e familiari delle popolazioni alpine un forte stimolo alla domanda di competenza alfabetica³³⁸. Per quanto capace di dialogare con l'esterno, grazie alle vie di valico o alle esperienze degli emigrati, la comunità alpina è una realtà chiusa. Per quanto possa instaurare un dialogo con la cultura elitaria attuerà le sue strategie per difendere il proprio universo simbolico, ossia i codici culturali della cultura popolare e la propria identità.

L'alfabetismo alpino (alcune realtà come la Val Camonica raggiungono livelli di alfabetismo universale fin dal primo Ottocento presso la popolazione maschile) risponde a questo obiettivo. Tuttavia il possesso dell'alfabeto risponde anche a esigenze funzionali. Gli emigrati hanno bisogno di possedere scrittura e lettura a un buon livello al fine di potersi inserire nei sistemi di vita e di produzione urbani. Inoltre gli emigrati avvertono la necessità di tenere costanti rapporti epistolari con i familiari. In altri casi l'accesso all'alfabeto si ferma a livelli essenziali: saper leggere e tracciare il proprio nome.

³³⁷ Per comodità di espressione rendo in termini contemporanei le antiche espressioni comunità e municipalità.

³³⁸ Vigo 1971: 109.

È bene essere chiari: la scuola alpina è molto diffusa ma la sua didattica è poco efficace. Apprendere a leggere e firmare richiedeva anni poiché la breve durata delle scuole si combinava con i limiti della didattica antica, che, per le scuole di montagna, presentava comunque un vantaggio non da poco: priva di una metodica e fondata su pratiche consuetudinarie, chiunque sapesse leggere e un po' scrivere poteva praticarla. Paradossalmente, proprio i limiti della scuola alpina, la sua arretratezza didattica, rendeva possibile formulare un'offerta di istruzione elastica e funzionale alle esigenze di chiunque. La scuola di villaggio riusciva a fornire una istruzione adeguata alle esigenze di vita di ogni membro della comunità: dalla semplice esigenza di sapere un po' leggere e firmare dei piccoli agricoltori, al bisogno di latino per i chierici o alla necessità di acquisire una competenza solida nella lettura e nella scrittura a chi, destinato all'emigrazione, doveva possedere gli strumenti per vivere e lavorare in un contesto urbano ed estraneo e per tenere i rapporti con i familiari lontani.

La competenza alfabetica si acquisiva attraverso un lungo percorso scolastico. È ormai certo che le scuole di villaggio erano frequentate non solo da bambini ma anche da adolescenti e addirittura da giovani adulti. I dati offerti dalle inchieste napoleoniche sulla frequenza scolastica offrono valori fuori scala rispetto alla popolazione del comune, ben superiori agli abitanti compresi tra i 6 e i 12 anni. La tentazione di ricondurre il dato a dei banali errori di valutazione dei compilatori delle inchieste (spesso i sindaci, i parroci o gli stessi maestri) ci condurrebbe su una strada sbagliata non ultimo perché il fenomeno è registrato, alla fine dell'Ottocento, nei registri scolastici di alcuni comuni della Valle d'Aosta³³⁹.

La separazione degli obiettivi etici e culturali della scuola alpina dagli obiettivi della scuola urbana emergono con evidenza durante i processi di istituzionalizzazione della scuola promossa dagli Stati a partire dalla fine del Settecento. La riforma scolastica a metodo normale della Lombardia Austriaca (1786) ottiene lusinghieri successi nelle pianure e nella fascia collinare delle Prealpi, ma non riesce ad affermarsi nelle valli alpine. In età napoleonica, le politiche statali volte a creare percorsi selettivi dei maestri (abilitazione presso delle commissioni istituite nei capoluoghi di dipartimento, assunzione per

³³⁹ Dalbard 2012/2013.

concorso, laicizzazione del personale insegnante) hanno effetti modesti o nulli nelle Alpi, dove gli insegnanti restano gli antichi preti maestri. Nel secondo Ottocento, in Valle d'Aosta, la borghesia liberale attacca con durezza le scuole di villaggio ritenendole null'altro che scuole di catechismo dove era possibile imparare a tracciare la propria firma. Da parte sua la chiesa valdostana difende le *petites écoles* e i suoi preti maestri minacciati da laici *étrangers* inviati dal provveditorato agli studi³⁴⁰ di Torino³⁴¹.

La testimonianza della maestra Louise Jourdan Malan, giovane di Torre Pellice inviata dal provveditorato di Torino nel villaggio valdostano di Viareng, svela come fosse viva la resistenza della scuola alpina ancora in anni vicini alla fuga dalle montagne di fine Ottocento. Nel disagio della giovane non c'è solo l'incontro con la povertà e il pregiudizio dei preti contro la maestra protestante; motivo del suo disagio è anche l'incontro tra due mondi che ancora non riescono a capirsi.

«Non trovo gigli e rose a Viareng, ma spine e triboli, difficoltà e contrarietà, le lacrime mi stanno meglio del sorriso. Incominciai le lezioni con otto bambini, adesso ne ho dieci. Un ragazzo che legge molto male e nove altri, maschi e femmine che non conoscono le lettere, non sanno distinguere la mano destra dalla sinistra, né contare fino a cinque, e per disgrazia ancora non ci intendiamo, io non li capisco per niente e non so di qual linguaggio servirmi per far loro intendere qualche cosa. Alla sera poi ... faccio la scuola serale. Vi sono uomini e donne, giovini e giovane dall'età di quattordici anni fino ai sessant'anni. Leggono tutti malissimo ma pure m'intendono un po' meglio dei primi. Tra il giorno e la sera ho circa una ventina di scolari e poi i curiosi. Alle volte mi perdo di coraggio ... Soliti al

³⁴⁰ I provveditorati agli studi erano organi periferici del ministero della Pubblica istruzione istituiti in ogni provincia e destinati alla attuazione delle direttive ministeriali e al controllo sulle scuole e sul personale insegnante.

³⁴¹ Cuaz 1988; Cuaz ?, *Alle frontiere dello Stato. La scuola elementare in Valle d'Aosta dalla restaurazione al fascismo*, Milano, FrancoAngeli, 1988. Si cfr. anche Id., *La scuola elementare in Valle d'Aosta: acquisizioni, problemi e prospettive di ricerca*, in Piseri (a cura di), *L'alfabeto in montagna* cit., pp. 149–158.

culto sono sette o otto, diversi leggono la Bibbia, ma temono ancora di mostrarsi. Dacché sono a Viareng i preti di Champ De Praz e Di Mont Jové non cessano di tuonare contro la maestra protestante, ed hanno mandato due uomini per avvertire i parenti di non mandarmi i loro figli alla scuola ... Giunta a Viareng quanto fui delusa nelle mie speranze. Dopo tanto aspettare credevo di trovare la casa abitabile, invece trovai nella scuola una certa macchina di banco che non so chi l'abbia inventata e altrove le pareti nude a l'eccezione di un letto con un saccone di foglie ... e non si trova niente qui e nessuno che vi possa dare una minestra convenevole, niente ed è tutto detto ... ho già molto speso per non avere ancora le cose indispensabili e sono senza denaro e non ardisco più domandare ai genitori e a lei mi vergogno di domandare prima che il trimestre sia compiuto, tuttavia se mi volesse fare questo favore gliene sarei riconoscente assai ... Sign. Presidente, non dimentichi l'opera che si comincia a Viareng. Dio è potente e può di queste pietre far diventare dei figli di Abraam. (18-12-1874)»³⁴².

Bibliografia

- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
- Allegra L. Il parroco: un mediatore fra alta e bassa cultura // Storia d'Italia. Annali. Vol. IV. Intellettuali e potere / A cura di C. Vivanti. Torino: Einaudi, 1981.
- Behringer W. Thurn und Taxis. Die Geschichte ihrer Post und ihrer Unternehmen. München – Zürich: Piper, 1990.
- Bendiscioli M. Penetrazione protestante e repressione controriformistica in Lombardia all'epoca di Carlo e Federico Borromeo // Festgabe Joseph Lortz / A Cura di E. Iserloh, P. Manns. Baden-Baden: Bruno Grimm, 1958.
- Bergier J.-F. Pour une histoire des Alpes. Moyen age et tempes modernes. Aldershot: Ashgate Press, 1997.

³⁴² Bozzuto 2011/2012.

- Bozzuto I. Educare al femminile. Maestre ed educatrici in Italia e in Valle d'Aosta. Tesi di laurea, relatore M. Piseri, Università della Valle d'Aosta, a.a. 2011/2012.
- Braudel F. *Civiltà e imperi del Mediterraneo nell'età di Filippo II*. Vol. I. Torino: Einaudi PBE, 2012 [1949].
- Cagnolati A. Alcune riflessioni sull'edizione quadrilingue (1666) dell'*Orbis Sensualium Pictus* di Comenio // Quaderni del CIR-SIL. 2003. № 2.
- Cauzzi B. Dalla posta dei re alla posta di tutti. Territorio e comunicazioni in Italia dal XVI secolo all'Unità. Milano: FrancoAngeli, 1993.
- Chassagne S. Il lavoro dei bambini nei secoli XVIII e XIX // *Storia dell'infanzia*. Vol. II. Dal Settecento a oggi / A cura di E. Becchi, D. Julia. Bari: Laterza, 1996.
- Cipolla C.M. Istruzione e sviluppo. Il declino dell'analfabetismo nel mondo occidentale. Torino: UTET, 1971.
- Cuaz M. Alle frontiere dello Stato. La scuola elementare in Valle d'Aosta dalla restaurazione al fascismo. Milano: FrancoAngeli, 1988.
- Cuaz M. La scuola elementare in Valle d'Aosta: acquisizioni, problemi e prospettive di ricerca, in Piseri (a cura di), *L'alfabeto in montagna cit.*, pp. 149–158.
- Dalbard K. Analisi storico sociale delle scuole di Lillianes tra Ottocento e Novecento. Tesi di laurea, relatore M. Piseri, Università della Valle d'Aosta, a.a. 2012/2013.
- Delforge F. *Les petites écoles de Port-Royal. 1637–1660*, Paris: Cerf, 1985.
- Disciplina dell'anima, disciplina del corpo e disciplina della società tra medioevo ed età moderna / A cura di P. Prodi. Bologna: Il Mulino, 1984.
- Elias N. *La civiltà delle buone maniere. La trasformazione dei costumi nel mondo aristocratico occidentale*, Bologna: Il Mulino, 1998 [1939].
- Fiévet M. *Les enfants pauvres à l'école. La révolution scolaire de Jean-Baptiste de La Salle*, Paris: Éditions Imago, 2001.
- Foucault M. Sorvegliare e punire. *Nascità della prigione*. Torino: Einaudi, 1976 [1975].
- Furet F., Ozouf J. *Lire et écrire. L'alphabétisation des français de Calvin à Jules Ferry*. Vol. I, Paris: Les Éditions de Minuit, 1977.

- Goody J. *The Domestication of the Savage Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Graff H.J. *The Literacy Myth. Cultural Integration and Social Structure in the Nineteenth Century*, London: Routledge, 1991
- Hengemüle E. *Une proposition éducative*. Jean Baptiste de La Salle. Paris: Editions Salvator, 2012.
- Houston R.A. *Scottish Literacy and the Scottish Identity. Illiteracy and society in Scotland and northern England, 1600–1800*. Cambridge, Cambridge University Press, 1985.
- Houston R.A. *The Literacy Myth? Illiteracy in Scotland 1630–1760 // Past and Present*. №. 96 (1982).
- Houston R.A., *Literacy and Society in the West, 1500–1850 // Social History*. Vol. 8. № 3 (1983).
- Il concilio di Trento e il moderno / a cura di P. Prodi, W. Reinhard*. Bologna: Il Mulino, 1996 (Annali dell'Istituto storico italo-germanico in Trento. Quaderni, vol. 45).
- “Je veux aller dans ton école!” *La pédagogie lasallienne au XXIe siècle / A cura di N. Capelle*. Paris, Editions Salvator, 2006.
- Julia D. *1650–1800: l'infanzia tra assolutismo ed epoca dei lumi // Storia dell'infanzia*. Vol. 2 Dal Settecento ad oggi / A cura di E. Becchi, D. Julia. Bari: Laterza, 1996.
- L'alfabeto in montagna. Scuola e alfabetismo nell'area alpina tra età moderna e XIX secolo / A cura di M. Piseri*. Milano: FrancoAngeli, 2012.
- Lucchi P. *La Santacroce, il Salterio e il Babuino. Libri per imparare a leggere nel primo secolo della stampa // Quaderni storici*. № 38 (1978).
- Massa Piergiovanni P. *La compagnia dei Caravana. I facchini bergamaschi del porto di Genova // Storia economica e sociale di Bergamo*. Vol. III. Il tempo della Serenissima / A cura di A. De Maddalena, M. Cattini, M.A. Romani. Bergamo: Fondazione per la storia economica e sociale di Bergamo, 1998.
- Melton J.V.H. *Absolutism and the eighteenth-century origins of compulsory schooling in Prussia and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Merzario R. *Il capitalismo nelle montagne. Strategie famigliari nella prima fase d'industrializzazione nel Comasco*. Bologna: Il Mulino, 1989.
- Montaldi D. *Autobiografie della leggera. Emarginati, balordi e ribelli raccontano le loro storie di confine*. Milano: Bompiani, 1961.

- Moretti N. Il collegio dei gesuiti di Ponte in Valtellina. Sondrio: Società storica valtellinese, 2001.
- Navone N. “Tutti questi Capo Maestri Luganesi”. Costruttori ticinesi nei cantieri della Russia imperiale // *Mélanges de l'école française de Rome*. 2007 (vol. 199).
- Negruzzo S. Collegij a forma di seminario: il sistema di formazione teologica nello Stato di Milano in età spagnola. Brescia: La Scuola, 2000.
- Ong W.J. *Orality and Literacy. The Technologizing of the Word*. N.Y.: Methuen & Co., 1982.
- Piseri M. Il metodo normale in prospettiva europea // *Maestri e pratiche educative dalla Riforma alla Rivoluzione francese* / A cura di M. Ferrari, M. Morandi. Brescia: Morcelliana, 2020.
- Piseri M. L'alfabeto delle riforme. Scuola e alfabetismo nel basso Cremonese da Maria Teresa all'Unità. Milano: Vita & Pensiero, 2002.
- Piseri M. L'interiorizzazione della norma. Spiritualità, scolarizzazione e impegno sociale in età moderna (1500–1850) // *Tra religione e spiritualità. Il rapporto con il sacro nell'epoca del pluralismo* / A cura di G. Giordan. Milano: FrancoAngeli, 2006.
- Piseri M. La scuola primaria nel Regno Italico. Milano: FrancoAngeli, 2017.
- Piseri M. La scuola primaria nell'Alto Piemonte – Valle d'Aosta napoleonici. I dipartimenti della Dora e della Sesia // *L'istruzione in Italia tra Sette e Ottocento. Dal Regno di Sardegna alla Sicilia Borbonica: istituzioni scolastiche e prospettive educative* / A cura di A. Bianchi. Vol. I. Studi. Brescia: Scholé, 2019.
- Piseri M. Scuola e alfabetismo nella Bassa Valle d'Aosta tra Sette e Ottocento // *Geschichte und Region / Storia e Regione*. Vol. 29. № 1 (2020).
- Planzi L. Il Collegio Papio di Ascona. Da Carlo Borromeo alla diocesi di Lugano. Locarno: Armando Dadò Editore, 2018.
- Porcella M. Con arte e con inganno. L'emigrazione girovaga nell'Appennino ligure–emiliano, Genova: Sagep, 1998.
- Sanga G. I cordai di Castelpozzone. Da “dritti” a proletari // *Mondo popolare in Lombardia*. Vol. 7. Cremona e il suo territorio / A cura di R. Leydi, G. Bertolotti. Milano: Silvana Editoriale, 1979.
- Sanga G. Marginalità e scrittura // *Ricerca Folklorica*. Vol. 15. 1987.

- Scribner S. Cole M. Cognitive Consequences of Formal and Informal Education // Science. Vol. 182. 1973.
- Scribner S. Cole M. Literacy without Schooling: Testing for Intellectual Effects // Harvard Educational Review. Reprint series. Vol. 22. 1991 [1978]
- Stone L. Literacy and education in England 1640–1900 // Past and Present. № 42 (1969).
- Stone L. The educational Revolution in England, 1560–1640 // Past & Present. № 28 (1964).
- Storia dell'infanzia, i a cura di E. Becchi e D. Julia, 1996,
- Toscani X. Il clero lombardo dall'ancien régime alla restaurazione. Bologna: Il Mulino, 1979.
- Toscani X. Scuole e alfabetismo nello Stato di Milano da Carlo Borromeo alla Rivoluzione. Brescia: La Scuola, 1993.
- Toscani X. Secolarizzazione e frontiere sacerdotali. Bologna: Il Mulino, 1982.
- Toscani X. Secolarizzazione e frontiere sacerdotali. Bologna: Il Mulino, 1982.
- Valsangiacomo N., Marcatti M. Arrivi e partenze. Flussi migratori nel Canton Ticino durante l'Otto e il Novecento // Forum. 2017. № 9.
- Vigo G. Istruzione e sviluppo economico in Italia nel secolo XIX. Torino: ILTE, 1971.
- Vovelle M. Y a-t-il eu une révolution de culture au XVIII siècle? A propos de l'éducation populaire en Provence // Revue d'histoire moderne et contemporaine. Vol. 24 (1975).
- Zanini A. Flussi d'immigrazione e strutture sociali urbane. Il caso dei bergamaschi a Venezia // Bollettino di demografia Storica. Vol. 19. 1993.

**П. П. МУРАТОВ (1881–1950) – СОАВТОР «ИСТОРИИ
УКРАИНЫ» (1940) У.Э.Д. АЛЛЕНА**

А.А. Исэров

Tu proverai sì come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale
(Данте, «Рай», 17:58–60)

...And sigh'd my English breath in
foreign clouds,
Eating the bitter bread of banishment
(Шекспир, «Ричард II», III, i:20–21)

Горек чужой хлеб, говорит Данте,
и тяжелы ступени чужого крыльца
(А.С. Пушкин, «Пиковая дама»)

Несмотря на огромную, непреходящую известность «Образов Италии»³⁴³, наследие и биография П.П. Муратова изучены – несмотря на деятельность основанного К.М. Муратовой (1940–2019) международного научного центра³⁴⁴ – недостаточно, однобоко. Муратов исследуется почти исключительно как искусствовед и писатель, но не как политический журналист и военный историк³⁴⁵. Требуется дополнения составленная Патрицией Деотто

³⁴³ В 2019 г. в издательстве «Азбука-Аттикус» («КоЛибри») тиражом 5 тыс. экз. вышли иллюстрированный повторившей маршрут Муратова петербургской художницей и фотографом Надеждой Кузнецовой (1960–2022) однотомник (переиздан в 2022 г. тиражом 2000 экз.) и одновременно, тиражом 4 тыс. экз., однотомник «попроще», но тоже в твёрдом переплёте, с двумя мелованными вкладками с фотографиями памятников, и, наконец, тиражом 5 тыс. экз., книжка в мягком переплёте в замечательной серии «Азбука-классика». В 2022 г. одинаковым тиражом в 4 тыс. экз. вышли, помимо книги с иллюстрациями Надежды Кузнецовой, красивое трёхтомное иллюстрированное издание в издательстве «Иллюминатор» и дешёвая книжка в мягком переплёте в издательстве «АСТ». Первый и второй тома «Образов Италии», наконец, вышли по-итальянски: *Muratov* 2019, 2021. Английский перевод «Образов Италии» подготовила проф. Лена Ленчек (Портленд, штат Орегон).

В 2012–2018 гг. вышел явно навеянный муратовским сочинением трёхтомник об Италии А.В. Ипполитова, а в 2022 г. – прямо обращающаяся к муратовскому наследию книга Д.В. Бавильского «Желание быть городом. Итальянский травелог эпохи Твиттера в шести частях и тридцати пяти городах».

³⁴⁴ <https://www.pavelmuratovcentre.org/> (дата доступа: 12.3.2023).

³⁴⁵ См. в первую очередь: Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории Кавказских войн». 2008; Третьи Муратовские Чтения. Материалы международной конференции (Неаполь, 28–30 сентября 2017 г.). Сборник научных статей памяти К.М. Муратовой / 2021. О публицистике Муратова: Соловьёв 2000: 4–46; Соловьёв 1998. Помимо очерка Ю.П. Соловьёва, наиболее подробна (но, к сожалению, без ссылок на источники) следующая биографическая сводка: Муратова К.М. Павел Павлович Муратов. Основные вехи жизни и творчества / Под ред. Р. Джулиани – <https://www.pavelmuratovcentre.org/biografiya> (дата доступа: 12.3.2023). Давно ожидаемый резко критический левый взгляд на Муратова: Рыков А. В. 2016: 716–723.

муратовская библиография, в которой, в частности, отсутствуют статьи 1942–1944 гг. в лондонском журнале бельгийского правительства в изгнании «Message»³⁴⁶. Самое главное: до сих пор неизвестна судьба бумаг Муратова, находившихся с ним в его последнем доме, усадьбе Уайтчёрч в ирландском графстве Уотерфорд. Все мои усилия разыскать архив Муратова, как и архив хозяина усадьбы Уильяма Эдварда Дэвида Аллена (1901–1973), успехом пока не увенчались³⁴⁷.

Последние одиннадцать лет жизни и работы Муратова оказались связаны с выходцем из богатой английской североирландской семьи, историком, коллекционером, политиком, предпринимателем Уильямом Дэвидом Алленом (1901–1973)³⁴⁸. Разнообразные связи Аллена в кругах политической эмиграции из Российской империи и Ближнего и Среднего Востока, но, главное, его участие в Британском союзе фашистов (весьма вероятно, впрочем, что он был там «кротом», работая на британские специальные службы) стали причиной слежки со стороны MI5 (Security Service) – британской внутренней разведки. 31 октября 2002 г. дело Аллена в MI5 было рассекречено; это основной источник настоящей статьи: пока не найдены бумаги Муратова и Аллена (нельзя исключать, что эти архивы погибли), больше опираться не на что³⁴⁹. Кстати, британские специальные службы, как и французская Генеральная дирекция национальной безопасности (Сюрте)³⁵⁰, следили и за самим Муратовым – у его

³⁴⁶ Деотто 2002. С. 365–394.

³⁴⁷ См. мой доклад «Поиск потерянного архива Павла Муратова» в семинаре Центра истории идей и социологии знания Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полежаева НИУ ВШЭ 22 июня 2021 г. Запись: <https://www.youtube.com/watch?v=7ihT2ddIwcl> (дата доступа: 11.3.2023). См. тж.: Быкова 2019: 241–246.

³⁴⁸ Подробнее об Аллене см.: Исэров 2021: 126–141; Green 2004.

³⁴⁹ U.K. National Archives. KV 2/879. Vols. 1–2; KV 2/880. Vols. 1–2.

³⁵⁰ Archives Nationales de France (Pierrefitte-sur-Seine). Direction Générale de la sûreté nationale. 19940462/576.

имени в деле Аллена всегда стоит красная печать «decarded [исключён из картотеки] 25 July 1960».

Не совсем ясно, когда точно познакомились Муратов и Аллен, но очевидно, что окончательно их судьбы объединила дочь московского адвоката Максима Ильича Кос(с)овского (1874–1940) Наталия Максимовна Кос(с)овская, 1900–1966), ставшая, как вспоминала Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1985), «предметом безнадёжной, роковой и рыцарской страсти Павла Муратова»³⁵¹. В Париже Коссовская реставрировала иконы в антикварной галерее Якова Абрамовича Золотницкого «À la Vieille Russie», с которой сотрудничал Муратов³⁵². Когда-то в середине 1930-х гг., при обстоятельствах, пока нам не известных, Наталия Максимовна Коссовская вышла замуж за некоего Корганова и приняла его фамилию. Нам удалось установить его личность. Британская разведка пишет, что он работал во французской компании, производившей адрессографы – машины для печатания имён и адресов подписчиков на газетах и журналах³⁵³. Известно, что разработка адрессографов, как и более известных широкому читателю арифмометров, помогла созданию ранних вычислительных машин. Уже в 1960-е некто André Korganoff выпустил в парижском математическом издательстве «Dunod» двухтомник по вычислительным методам³⁵⁴. В справочниках по русской белой эмиграции находим единственного «Андрея Корганова» – Андрея Дмитриевича Корганова (1900–1977), выпускника Паже-

³⁵¹ Иванова 1990: 153. Издатели «Камер-фурьерского журнала» В. Ф. Ходасевича ошибочно связали Коссовскую с семьёй военного и историка В.К. Абданк-Коссовского: Ходасевич 2002: 414, 373. Ходасевич встречал втроем с Муратовым и Коссовской новый 1929 год, а затем отметил 13 встреч с ними с 28 января 1929 г. по 23 февраля 1932 г.: Ходасевич 2002: 134, 135, 137, 147, 150, 151, 152, 160, 172, 173, 175, 177, 179, 188.

³⁵² Muratoff 1931: 30.

³⁵³ Extract from H.O. file No. K.3387 – Korganoff, April 6, 1938 – U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 2. 44a (p. 25).

³⁵⁴ Korganoff 1961; Korganoff 1967. См. тж. упоминание о нём: International Conference on Information Processing 1959: 12.

ского корпуса (1917), поручика лейб-гвардии гренадерского полка³⁵⁵, который, очевидно, и был мужем Наталии Максимовны.

Исследовательские интересы блестящего дилетанта Аллена шли от истории Османской империи к изучению пограничья Российской, Османской и Персидской империй, истории Кавказа и Причерноморья. В начале 1920-х гг. в Стамбуле он начал собирать ценную коллекцию икон. В 1932 г. издал историю Грузии до вхождения в состав России³⁵⁶. Видимо, Муратов представил Аллену Наталию Максимовну как реставратора, поскольку именно в этом качестве Аллен оформлял ей визовое ходатайство с 1936 г. до весны 1938 г. (она посещала Великобританию несколько раз с 1936 г., в частности, с 18 февраля по 19 марта 1938 г.)³⁵⁷.

Новый замысел Аллена был посвящён истории Украины, и 19 апреля 1939 г. в новом ходатайстве о визе для Наталии Максимовны целью приезда обозначена не реставрация, а продолжение помощи в подготовке этой новой книги. Британские специальные службы считали, что Наталия Максимовна работает на

³⁵⁵ Незабытые могилы: 450; http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_10-K.pdf (дата доступа: 16.3.2023). Вероятно, отцом Андрея Дмитриевича Корганова был полковник Дмитрий Адамович Корганов (1872–1918), убитый красноармейцами 21 октября 1918 г. под горой Машук в Пятигорске вместе с 58 другими царскими офицерами. См.: Асадов 2018: 340, 332–333.

С осени 1925 г. по весну 1927 г. Андрей Дмитриевич Корганов упоминается в дневнике художника К.А. Сомова. См.: Сомов 2018: 553, 563; Сомов 2019: 90, 118, 122–124, 156, 237, 242, 253, 405, 410.

³⁵⁶ Allen 1932.

³⁵⁷ Extract from H.O. file No. K.3387 – Korganoff, April 6, 1938 – U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 2. 44a; тж. 43a; Extract from H.O. file G.13951 re Natalie de Korganoff suspecting of working in the service of a Foreign Power – Ibid. Vol. 1. 58b. Апрель 1938 г. – первое упоминание Наталии Максимовны в деле Аллена, первые материалы которого относятся к 1931 г., хотя в приглашении от 19 апреля 1939 г. Аллен пишет о трёх годах сотрудничества.

одну из иностранных разведок³⁵⁸, а 13 февраля 1940 г. офицер МІ5 советовал задерживать развод Аллена, чтобы затруднить её пребывание в Великобритании. Следила за ней и французская Сюрте³⁵⁹. Забегая вперёд, скажу, что Аллен и Коссовская поженились в конце февраля 1943 г.³⁶⁰

³⁵⁸ Extract from H.O. file G.13951 re Natalie de Korganoff suspecting of working in the service of a Foreign Power.

³⁵⁹ U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 76a; Archives Nationales de France (Pierrefitte-sur-Seine). Direction Générale de la sûreté nationale. 19940457/203. Дело о разводе Аллена не сохранилось, как и подавляющее число таких дел после 1938 г. – <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/C9685> (дата доступа: 16.03.2023). В деле Наталии Коссовской (Nathalie Kossovsky) в Сюрте, впрочем, есть только одна пометка – о выезде из Франции 22 марта 1940 г., выходит, почти накануне нацистской оккупации (кстати, в 1940 г. она уже носила фамилию Корганова, значит, дело было заведено намного раньше). Нельзя, однако, полностью исключать, что дело Коссовской не подверглось чистке уже в Москве (архив Сюрте был вывезен нацистами в Чехословакию и потом вплоть до 1990-х гг. находился в Москве, в составе Особого архива).

³⁶⁰ В архиве крупнейшего ираниста, царского дипломата В. Ф. Минорского (1877–1966) сохранился черновик его примечательного поздравления Наталии Максимовне от 25 февраля 1943 г.: «Один арабскій ученый в честь свадьбы своей дочери назвал свой двѣнадцатитомный словарь арабскаго языка «Головное украшение новобрачной» (Тадж эль-‘арус). Не только ограниченность моих сил, но и забота о Вашемъ здоровѣ не позволили мнѣ обременять отягощать Вас таким подарком. <...> Прошу принять мои горячія искр. поздр. Искренне радуюсь тому, что *charme slave* одержал новую побѣду и, по всѣмъ предыдущимъ прецедентамъ примерамъ, увѣренъ, что Ваш союз будетъ счастливъ. Быть можетъ. Смотря глубже, я даже думаю, что закреплѣние (sic!) такихъ отдѣльных «огневыхъ точекъ» поможетъ в будущемъ разрѣшить весь вопросъ и укрѣнитъ весь фронтъ вѣнрое ѿ русско-британскихъ отношеній по всему фронту» – Институт восточныхъ рукописей РАН (СПб.). Ф. 134. Оп. 3. № 6.

«История Украины»³⁶¹ вышла в ноябре или, возможно, декабре 1940 г.³⁶² (в хронологическую таблицу успели включить июньское вхождение в СССР Северной Буковины и Бессарабии) и посвящена Наталии Максимовне (“N.M.”) – «наполовину украинке, наполовину ангелу» – очевидное напоминание о происхождении её матери, уроженки Глухова Клавдии Яковлевны Коссовской (в девичестве Порубиновской, 1874–1938)³⁶³, с добавлением цитаты из главы 31 из Притчей Соломоновых о «силе», «мудрости» и «делах» добродетельной жены. Разбор книги не входит в задачи статьи, но следует сказать, что она стала первой оригинальной англоязычной историей Украины³⁶⁴ и вызвала целый ряд подчас чрезвычайно интересных рецензий³⁶⁵, на одну из которых откликнулся Аллен, где, ещё недавно один из руководителей Союза британских фашистов (но что на самом деле значило это его членство?), заметил: «Национализм ясно несовместим с материальными условиями современного мира, но это относится и к ряду других распространённых представлений»³⁶⁶. Почти одновременно вышли английские переводы историй Украины М. С. Грушевского (New Haven (Ct.): Yale University Press, 1941, с предисловием Г.В. Вернадского) и Д.И. Дорошенко (Edmonton: Institute Press, 1939), и профессор

³⁶¹ Allen 1940; изобилующий ошибками и стилистически неряшливый перевод на русский язык, с добавленным подзаголовком: Аллен 2016). Worldcat.org показывает в различных библиотеках 684 экз. книги (в разных изданиях), больше, чем у других книг Аллена.

³⁶² Эллис Х. Миннз – М. И. Ростовцеву, 21 октября 1940 г. – Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза 2003: 511.

³⁶³ См. надпись на могиле Наталии Максимовны: <https://www.findagrave.com/memorial/197370070/nathalie-maximovna-allen> (дата доступа: 16.3.2023). Тж.: Сегодня (Рига). 20.9.1938 (№ 260); 21.9.1938 (№ 261).

³⁶⁴ Sysyn 2005: 518.

³⁶⁵ Рецензии: s.a. 1941: 252–253; Conolly 1942: 104–105; Soloveytschik 1941: 279; Sarkissian 1942: 177–178; Sumner 1942: 264 – 267; Weinstein 1942: 555–556; Tompkins 1942: 45–46; Gottman 1943: 161–163.

³⁶⁶ Allen December 1941 / March 1942: 436.

Колумбийского университета, киевский уроженец М.Т. Флоринский (1894–1981) написал обзор всех трёх книг, предпочитая алленовскую³⁶⁷. Редактор перевода Грушевского Оливер Фредериксен (O.J. Frederiksen, 1894–1979) в одной рецензии объединил Аллена и Дорошенко³⁶⁸.

В предисловии к книге (р. vii) Аллен пишет: «Предпринятая в более досужие (*leisured*) дни, эта книга оставалась неоконченной к началу войны. Трое или четверо учёных, русских и украинских, сотрудничали в подготовке материала – и в завершении карт и указателя, которые служба за границей заставила меня оставить недоделанными. В сегодняшних обстоятельствах эти друзья хотят остаться неизвестными. Я только могу сказать, что без их постоянной и щедрой помощи изучить использованные здесь исследования было бы невозможно». Справку об украинском языке (р. xi–xiii) подготовил кембриджский археолог, исследователь античного Причерноморья и знаток восточнославянских языков, переводчик «Русской иконы» (1927) Н. П. Кондакова (1844–1925) Эллис Х. Миннз (1874–1953)³⁶⁹ – но кто же были те «трое или четверо учёных»? Перлюстрированная MI5 переписка Муратова с Наталией Максимовной и Алленом раскрывает участие Муратова в создании книги.

4 и 6 октября 1939 г. Муратов пишет Наталии Максимовне из Парижа, что пока не получил 10 британских фунтов в счёт обещанных Алленом, – в деньгах же этих крайне нуждается, так как они стали его единственным источником дохода, 22 октября – что Аллен обещал Муратову 20–25 фунтов в счёт своего долга, 29 октября – что 10 фунтов получил, но «Билл» [Аллен] остаётся должен ещё 45 фунтов, тогда как Муратов уже отправил ему «6-ю главу нашей книги», а к 10 ноября отправит седьмую, так что останется написать только заключение; наконец, 8 ноября – что ещё не получил присланные ему 10 фунтов³⁷⁰. 10 декабря Мура-

³⁶⁷ The Russian Review 1941: 109–110.

³⁶⁸ The Slavonic Year-Book 1941: 355–357.

³⁶⁹ См., в частности: Бонгард-Левин 1997: 305–328; Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза: 477–544.

³⁷⁰ U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 61a, 62a, 64a, 65a, 67a–68a.

тов пишет напрямую Аллену, что переслал уже примечания, начало и конец седьмой главы («по экономике»), а последняя, восьмая глава готова и находится у машинистки³⁷¹.

Кстати, в письме от 6 октября Муратов упоминает присланные им Аллену материалы для какой-то готовящейся статьи, а 10 декабря предлагает Аллену написать ещё одну книгу, подготовка которой займёт шесть-восемь месяцев, размером в половину или две трети «нашей работы об Украине». Новую книгу он хотел бы назвать «Интервенция в России. Прошлое (1918–1920) и настоящее», считая пакт Молотова–Риббентропа «формой политической интервенции». Этот текст на свет не появился, по крайней мере, о нём нам ничего не известно, как не ясно и о какой статье шла речь. Муратов приехал в Лондон 10 января 1940 г., успев, как и Наталия Максимовна, получить выездную французскую и въездную британскую визы, и покинуть Париж до нацистской оккупации³⁷².

Итак, процитированные источники говорят, что Муратов написал для «Истории Украины» главу шестую («Национальность и коммунизм на Украине (1914–1939)», с. 266–344), седьмую («Экономическая история Украины», с. 345–377) и восьмую главу – заключение («Послесловие: Украина и Европа, 1939–1940», с. 378–390), т.е. 124 из 390 страниц текста книги, исключая указатель. Уже в 1947 г. ведущий советский историк Гражданской войны Е.Н. Городецкий (1907–1993) процитировал, разумеется, критически, шестую главу книги, не зная о её подлинном авторстве!³⁷³

Разумеется, мы пока не знаем и, возможно, никогда не узнаем, каков был вклад Аллена в работу над «Историей Украины». Эта книга похожа на другие обобщающие исследования Аллена

³⁷¹ U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 68b.

³⁷² Archives Nationales de France (Pierrefitte-sur-Seine). Direction Générale de la sûreté nationale. 19940462/576. F. 5, 9, 10, 2; 19940457/203.

³⁷³ Городецкий 1947: 58. Городецкий назвал Аллена «профессором Кембриджского университета», очевидно, распространив отечественную практику вузовских издательств, издававших монографии исключительно собственных преподавателей, на Великобританию. См. о статье Городецкого: Юрганов 2011: 615.

и, в частности, начинается с глубокого анализа географии страны, в духе Монтескьё или Броделя, но с бóльшим вниманием к её военно–политическому, а не экономическому измерению. Разумеется, муратовские главы подверглись, по крайней мере, стилистической редакции (из текста письма от 4 октября 1939 г. видно, что английский язык Муратова в значительной степени сохраняет русский синтаксис). 10 декабря 1939 г. Муратов писал, что восьмая глава примерно такого же размера, что и седьмая, но в книге она займёт только 12 страниц, тогда как седьмая – 32. Не знаем мы и о вкладе Наталии Максимовны, на который намекает цитата из Притчей Соломоновых в посвящении, и об участии в создании книги других помощников (говорит ведь Аллен о «трёх-четырёх» исследователях! – но был ли кто-то, кроме Муратова и Наталии Максимовны?). Наконец, не совсем ясны причины, почему в 1940 г. соавторство Муратова было скрыто, хотя потом, в 1944, 1946 и 1953 гг., совместные труды Аллена и Муратова выходили под двумя именами.

Много ли платил Аллен Муратову? Что такое 55 фунтов – упомянутый в письмах долг? Для сравнения приведу, во–первых, годовые заработные платы в учреждённом с началом войны министерстве информации: министр – 5 тыс. фунтов, верстальщица и наборщица – 450 фунтов, корректор – 325 фунтов, привлечённые университетские исследователи – обычно 600–1100 фунтов³⁷⁴, а во–вторых, среднюю по графствам Англии и Уэльса минимальную недельную заработную плату сельскохозяйственного рабочего в 1939 г.: ок. 7 фунтов³⁷⁵. Выходит, получил Муратов за свой труд совсем скромные деньги.

21 октября 1940 г. упомянутый выше Миннз писал крупнейшему историку древности, профессору Йельского университета М. И. Ростовцеву (1870–1952): «Павел Иванович (sic!) Муратов <...> [н]есколько [как мы видели, уже десять] месяцев тому назад приехал на короткий срок в Лондон, чтобы помочь некоему W. E. D. Allen, автору «Истории Грузии», в приготовлении «Истории Украины». Allen теперь служит в Palestine, и мы с П. И. М. (sic!) издаём книгу в Cambridge University Press». Миннз добавляет, что «Муратов застрял в Лондоне без дела»,

³⁷⁴ Hansard. HC Deb 9 October 1939. Vol. 352. Col. 16–22.

³⁷⁵ Hansard. HC Deb 5 June 1939. Vol. 348. Col. 17–18.

«[x]очет переселиться в USA», соответственно, «[е]му нужно найти влиятельное лицо, которое бы гарантировало его личность». Муратов получил поручительство Ростовцева³⁷⁶, но в США не уехал. После военной службы в Палестине и Эфиопии в 1942 г. Аллен вернулся в Лондон, где опубликовал вместе с Муратовым две книги о советском фронте Второй мировой войны³⁷⁷. В 1946 г. он купил поместье Уайтчёрч в графстве Уотерфорд на юго-востоке Ирландии, куда сразу переехал Муратов, а Аллен с Наталией Максимовной приезжали в отпуск (в 1944–1949 гг. Аллен служил сначала пресс-атташе и потом главой вновь созданного департамента информации британского посольства в Анкаре) и в 1949 г. поселились окончательно³⁷⁸. Последним совместным трудом Аллена и Муратова стала история русско-турецких войн на Кавказе, изданная уже после кончины последнего³⁷⁹.

Новое направление работы было Муратову чрезвычайно интересно. Исследователям муратовского наследия хорошо знакомы слова представителя молодого поколения русской белой эмиграции А.В. Бахраха (1902–1985):

«Когда-то он переводил новеллы итальянского Возрождения, писал отличные монографии о ярославских храмах, позднее книги о византийской живописи, о нежнейшем Фра Беато, о Сезанне, а между тем – по

³⁷⁶ Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза: 511; Бонгард-Левин 1997: 320, 327 (сн. 220).

³⁷⁷ Allen, Muratoff 1944; Allen, Muratoff 1946 (русский перевод: Аллен, Муратов 2005).

³⁷⁸ О жизни Муратова в Ирландии известно пока совсем немного. См. в: Allen 1950: 397–400; Allen 1951: 558–559; Зайцев 1951; Зайцев 1965: 88–98; Остоя 1954 (этот текст, написанный сестрой Наталии Максимовны, нашёл Ю.П. Соловьёв, но в его ссылке допущена опечатка – 1955 вместо 1954 г.); Быкова 2019.

³⁷⁹ Allen, Muratoff 1953 (турецкий перевод: Allen W. E. D., Muratoff P. *Kafkas Harekâti: 1828–1921. Türk-Kafkas sınırındaki harplerin tarihi*. Ankara: Genelkurmay Basımevi, 1966; русский перевод: Аллен, Муратов 2016).

его внутренним импульсам – вероятно, ему было более сподручно сидеть над штабными картами и разрабатывать стратегические планы. Едва ли я ошибусь, если скажу, что свое подлинное призвание он скорее ощущал в составлении диспозиций, таких “die erste Kolonne marschiert” и, может быть, только физические данные не позволили ему осуществить эти затаённые устремления. <...> Почти накануне мировой войны Муратов перекочевал в Англию, забыв не только политику, но и литературу, из искусствоведа он превратился в автора серьезнейших книг по военным вопросам. Впрочем, для тех, кто его знал, в этой новой метаморфозе была своя закономерность. Может быть, когда он в сотрудничестве со своим старым другом, Алленом, с таким увлечением и наскоком трудился над анализом советско–германской войны, он только в этот момент и зажил “своей жизнью”»³⁸⁰.

Но читатель, надеюсь, уже увидел, как же «[с]уров и горек черствый хлеб изгнания» (Кюхельбекер)!

Приложение

П. П. Муратов – Н. М. Коргановой (Коссовской), 4 октября 1939, подшито в дело 16 октября 1939 г., машинописная копия, перевод (с французского?³⁸¹)

U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 61a

...I have not yet received the £10 which Bill has asked you to send me in payment of his debt, but I expect this sum will arrive in a few days. I wrote yesterday to Bill Allen on the subject of this article which interests him...

³⁸⁰ Бахрах 1980: 39, 41.

³⁸¹ Ошибка в переводе письма Муратова Наталии Максимовне от 22 октября 1939 г. – “book” вместо “round”, показывает, что, по крайней мере, это письмо было написано по–французски, поскольку в оригинале, очевидно, стояло многозначное “livre”.

П. П. Муратов – Н. М. Коргановой (Коссовской), 6 октября 1939 г., подшито в дело 16 октября 1939 г., машинописная копия, перевод (с французского?)

U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 62a

“Here is a fresh piece of news for you. I have only received your letter of 26th Sept and a little message from you with the letter that Bill Allen has written to me à propos an article which interests him and which I ought to prepare... I am a little anxious: you wrote to me that the amount of £10 (on account of Bill Allen’s debt) was sent to me on the 25th September. Was it a money order or a transfer carried out by the bank? In any case I have received nothing, although eleven days have passed! It is not so much the money as these delays which worry me. My financial situation depends now exclusively on credits advanced for the work which I do for Bill Allen. This is all right for some months, but the question of regularity is rather important for me... Tell Bill that I have begun to put together the literary documentation for the article which he awaits.”

П. П. Муратов – Н. М. Коргановой (Коссовской), 22 октября 1939 г., машинописная копия, перевод (с французского?)

U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 64a

Paul Muratoff said that he had just had a letter from BILL ALLEN about the book and the article they had been working on, and that he had promised to send the 20–25 books [чёрными чернилами исправлено: “(sic!) £ (pounds)”] on account of his debt.

П. П. Муратов – Н. М. Коргановой (Коссовской), 29 октября 1939 г., машинописная копия, на французском языке³⁸²

U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 65a

“Je pense que vous êtes aujourd’hui (dimanche) à Londres et que vous réussissez d’arranger avec Bill cette question de début – la plus importante et le plus urgente (sic !) d[e] point de vue de la procédure juridique. Je ne comprends pas si Irène peut vous être utile – peut être en partie. Mais je suis absolument sûr que Maître Leb-

³⁸² Во французском тексте расставлены диакритики, которых нет в архивной машинописи. Очевидные опечатки (но не ошибки) исправлены.

nix³⁸³ pourrait bien lui-même de faire le vergement nécessaire chez l'avoué et ce serait certainement la décision le (sic !) plus simple. Mais ce n'est pas ma garantie qui lui est suffisante, ni même peut être le votre mais celle de Bill. Ce n'est qu'une supposition de ma part mais j'ai quelque raisons bien solides de la faire³⁸⁴.

Quant à moi j'ai envoyé à Bill le 6me chapitre de notre livre (horriblement copié par pauvre Irène !), j'enverrai cette semaine l'article, qu'il attend de moi, à son ami et j'espère d'envoyer le 7me chapitre vers le 10 Novembre. Il ne restra (sic !) que la conclusion. Vous voyez que je travaille et que je fais ce que je peux. Mais je suis très inquiet que je ne reçois rien de la somme promise comme une avance. Après avoir reçu 10 livres qui vous m'avez envoyées (sic !) le 25 Septembre je n'avais rien reçu ! Et Bill me doit encore 45 livres. C'est très désagréable de lui rappeler justement maintenant. Mais autrement qu'est ce que je dois faire ?...

П. П. Муратов – Н. М. Коргановой (Коссовской), 5
ноября 1939 г., пересказ письма, машинопись
U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 64a

³⁸³ Судя по письму Аллену от 10 декабря 1939 г., речь идёт о некоем Летнике (Letnik). Известны два юриста (т.е. maître) Летника – братья Владимир и Николай Львовичи. Владимир Львович Летник (род. в 1883 г.) эвакуировался из Одессы в составе Вооружённых сил Юга России: Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг. 2022: 178;

http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_11-L.pdf (дата доступа: 19.3.2023). Николай Львович Летник (умер в 1960 г.), соавтор книги «Преступления, проступки и наказания: По Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» в популярной серии «Библиотека общедоступного законоведения» (М., 1912), после марта 1938 г. ещё, видимо, находился в Берлине: В движении: русские евреи-эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941) 2020: 275, 634.

³⁸⁴ В этом абзаце речь, очевидно, идёт о разводе Наталии Максимовны с Андреем Дмитриевичем Коргановым.

Writer says that ALLEN has written to say that TABOR³⁸⁵ has already sent him (MORATOFF – sic!) £10, but that he has not yet received it. He also says that the book that ALLEN is writing is getting on well, and that it is nearly finished.

П. П. Муратов – У. Э. Д. Аллену, 10 декабря 1939 г., Париж (Нейи-сюр-Сен)

U.K. National Archives. KV 2/879. Vol. 1. 68b (P. 57–58), фотокопия рукописного оригинала, штемпель парижской почты – 11 декабря 1939

Captain W. E. D. Allen
Wren House
14, Mount Row
Berkeley Square
London. W.1.
Angleterre

10.XII.1939
Paul Muratoff

4, rue Boutard
Neuilly s/Seine
FRANCE.

Dear Mr Allen

³⁸⁵ Майор Джон Гарольд Тэйбор (George John Harold Tabor, 1892–1947) – секретарь Аллена и, наряду с Алленом, один из трёх держателей секретного счёта, через который в июле 1933 – мае 1937 гг. Муссолини финансировал Британский союз фашистов. См.: Thurlow 1987: 137; Pugh 2005: 153.

thank you for the letter you wrote to me somewhere in the country. I have sent on the address of major Crockatt³⁸⁶ the notes to the chapt. 7 and previously I have sent on the same address the beginning and the end of this chapter (on economies). Chapt. The 8th (and the [вставлено] last one) is at the typeist (sic!). It is rather a detailed exposition of Ukrainian political problem, and all the latest developments of it are discussed there (the length of this chapter is the same as of chapt. The 7th). It would be really marvellous if we could talk about the conclusion and any corrections to introduce in the work at Tonacombe Manor!³⁸⁷ All depends from the formalities to fulfill. Next week I will know about my French “visa de sortie”. Perhaps they will ask for a (вставлено) “justification” of my proposed journey. In my demand I explained that it is wanted as I am publishing a book in England in collaboration with an english (sic!) author. Perhaps a letter from publisher inviting me to come over, or a similar letter from you, or both – would be of use to get this “visa de sortie”. Could you provide me with a document of this kind? In the meantime I have no news from Sir Bernard Pares³⁸⁸ to whom I have written a month ago about the British visa for 6 weeks[.] //

Could you kindly phone him and ask him how is this matter? And perhaps your friend major Crockatt would be able to facilitate this “demarche”?

³⁸⁶ Над письмом карандашом надписано: «This is a Major (now Colonel) Crockett (sic!) is in M.I. 9». Небольшая секретная служба MI9 была основана 23 декабря 1939 г. для организации побегов британских военнопленных и помощи окружённым бойцам, чтобы те не попали в плен; её создателем и руководителем был Норман Ричард Крокэтт (Norman Richard Crockatt, 1894–1956). Звание полковника он получил в июле 1946 г., следовательно, надпись сделана уже после войны. См.: Foot, Langley 1979.

³⁸⁷ Из дела Аллена видно, что перед войной он, помимо лондонского дома, жил в поместье XVI в. Тонакомб–Мэнор в корнуолльском Морунстоу (Morwenstowe).

³⁸⁸ Бернард Пэйрс (1867–1949) – один из создателей британской русистики, в 1922–1939 директор Школы славянской и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies) при Лондонском университете, сооснователь журнала “The Slavonic and East European Review” (1922).

I am thinking now about the possibility of a new work in collaboration with you: “The intervention in Russia. Past (1918–1920) and Present”. For the “past” the theme is clear. For the “present” – I mean the present German action with Soviet Russia and in Soviet Russia is a form of political intervention. And this would be not only one possible form to be discussed in this book! This work could be not so “voluminous” as our work on Ukraine is – only a half or 2/3 of it and possibly done in 6–8 months. What do you think about it? I hope to discuss it with you during my proposed visit to England.

Decidedly I have a special bad luck in getting money by post or otherwise. The postal order (or registered letter) sent by Mr Tabor³⁸⁹ a month ago never reached me. I think the best we could hope, is that it will come back to you. Nor have I received the money sent to me (Natasha³⁹⁰ told me) through the Bank, but I am sure it will arrive next week. Thank you very much for it as well as for the Sum promised to be sent in December. I realise only too well that it is not an easy thing for you at the actual circumstance...

Mr Letnik has been at Mr Rolt on monday (sic!) the 4th last at that date Mr Rolt has had no instructions from Mr Keith[,] and no funds. I saw him this morning and he is expecting a telephone call or a letter from Mr Rolt³⁹¹.

Yours sincerely Paul Muratoff

Библиография

Аллен У. История Украины: южнорусские земли от первых киевских князей до Иосифа Сталина / Пер. с англ. Е.В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2016; 2–е и 3–е стереотип. изд.: 2017, 2022).

Аллен У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта. 1941–1945 / Пер. А.В. Верди, А.М. Хитрова, предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, 2005.

³⁸⁹ См. сн. 42.

³⁹⁰ Наталия Максимовна Корганова (Коссовская).

³⁹¹ О Летнике см. сн. 40; кто такие Mr Rolt и Mr Keith, мне пока установить не удалось.

- Аллен У., Муратов П.П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко–кавказском фронте. 1828–1921 / Пер. Е. В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2016.
- Асадов Ю.А. 3000 армянских офицеров царской России. Историко–биографическая книга памяти (1701–1921). В 2-х тт. М., 2018. Т. 1.
- Бахрах А.В. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980.
- Бонгард-Левин Г.М. М.И. Ростовцев и Э.Х. Миннз: от Скифии до Китая и Японии // Скифский роман / Под ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
- Быкова А.С. Павел Павлович Муратов (1881–1950): забытое в Ирландии имя // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2019. М., 2019.
- В движении: русские евреи–эмигранты накануне и в начале Второй мировой войны (1938–1941) / Сост., вступ. ст. и общ. ред. О.В. Будницкого, примеч. М. Байсвенгера и Т.Л. Ворониной. М., 2020.
- Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории Кавказских войн». По материалам выставки «Павел Муратов – человек Серебряного века» в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина 3 марта – 20 апреля 2008 г. / Под общей ред. Г.И. Вздорнова, К.М. Муратовой. М., 2008.
- Главное справочное бюро в Константинополе, 1920–1922 гг.: Именные списки беженцев и чинов Русской Армии. Вып. 1 / Сост. А. В. Ефимов. М., 2022.
- Городецкий Е.Н. Восточный фронт в 1918 году // Вопросы истории. 1947. № 9.
- Деотто П. Библиография П. П. Муратова // Русско–итальянский архив II / Сост. Д. Рицци, А.Б. Шишкин. Салерно, 2002.
- Зайцев Б.К. Далёкое. Вашингтон, 1965.
- Зайцев Б.К. П.П. Муратов // Русская мысль. 3.1.1951.
- Иванова Л.В. Книга об отце. Париж, 1990.
- Исэров А.А. У.Э.Д. Аллен, В.И. Абаев и другие: к истории трёх путешествий по Кавказу в 1966, 1967 и 1971 гг. // NARTAMONG.Е. Журнал алано–осетинских исследований: эпос, мифология, язык, культура (Владикавказ). 2021. Т. XVI. № 1–2. С. 126–141;

- Незабытые могилы. Российское зарубежье 1917–1997. В 6–ти тт. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2007. Т. 3.
- Остоя В.М. Памяти П.П. Муратова // Новое русское слово. 28.12.1954.
- Рыков А.В. Фантомные боли. К вопросу о рецепции искусства Возрождения в эпоху модернизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 6 / Под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович–Денисовой. СПб., 2016.
- Скифский мир М.И. Ростовцева и Э.Х. Миннза / Публ. Г.М. Бонгард–Левина, М.Д. Бухарина, И.В. Тункиной // Парфянский выстрел / Под ред. Г.М. Бонгард–Левина, Ю.Н. Литвиненко. М., 2003.
- Соловьёв Ю.П. Очерк жизни и творчества Павла Павловича Муратова // Муратов П.П. Ночные мысли: Эссе, очерки, статьи. 1923–1934 / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и комм. Ю.П. Соловьёва. М., 2000.
- Соловьёв Ю.П. Публицистика Павла Муратова: Идеи и стиль. Дисс... к.ф.н. Литературный институт имени А. М. Горького, 1998.
- Сомов К.А. Дневник. 1923–1925 / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. П.А. Голубева. М., 2018.
- Сомов К.А. Дневник. 1926–1927 / Вступ. статья, подгот. текста, коммент. П. А. Голубева. М., 2019.
- Третьи Муратовские Чтения. Материалы международной конференции (Неаполь, 28–30 сентября 2017 г.). Сборник научных статей памяти К. М. Муратовой / сост. и ред. Р. Джулиани = *Lecture Muratoviane III. Atti del Colloquio Internazionale (Napoli, 28–30 settembre 2017). Studi in memoria di Xenia Muratova, a cura di R. Giuliani*. Roma, 2021.
- Ходасевич В.Ф. Камер-фурьерский журнал. М., 2002.
- Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- Allen W.E.D. A History of the Georgian People from the beginning down to the Russian Conquest in the Nineteenth Century. L.: Kegan Paul, 1932 (переизд.: N.Y.: Barnes & Noble, 1971; N.Y.: Gordon Press Publishers, 1978; N.Y.: Routledge, 2023).
- Allen W.E.D. Paul Paulovich Muratoff (1881–1950) // *Byzantion*. Vol. 20 (1950).

- Allen W.E.D. Pavel Pavlovich Muratov (1881–1950) // *The Slavonic and East European Review*. Vol. 29. № 73 (June 1951).
- Allen W.E.D. The Ukraine: A History [December 17, 1941] // *International Affairs Review Supplement*. Vol. 19. № 6/7 (December 1941 – March 1942).
- Allen W.E.D. The Ukraine: A History. Cambridge: Cambridge University Press, 1940 (переизд.: Cambridge: Cambridge University Press, 1941; N.Y.: Russell & Russell, 1963; изд. в мягком переплётe: N.Y.: Cambridge University Press, 2014).
- Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian border. 1828–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1953 (турецкий перевод: Allen W.E.D., Muratoff P. Kafkas Harekâtî: 1828–1921. Türk-Kafkas sınırındaki harplerin tarihi. Ankara: Genelkurmay Basimevi, 1966; русский перевод: Аллен У., Муратов П.П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921 / Пер. Е. В. Ламановой. М.: Центрполиграф, 2016).
- Allen W.E.D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1941–1943. Harmondsworth: Penguin Books, 1944; Allen W. E. D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1944–1945. Harmondsworth: Penguin Books, 1946 (русский перевод: Аллен У.Э.Д., Муратов П.П. Русские кампании германского вермахта. 1941–1945 / Пер. А.В. Верди, А.М. Хитрова, предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, 2005).
- Conolly, Violet // *The Economic History Review*. Vol. 12. № 1/2 (1942).
- Foot M.R.D., Langley J.M. MI9: Escape and Evasion, 1939–1945. Boston, 1979.
- Green A. Allen, William Edward David [pseuds. James Drennan, Liam Pawle], September 23, 2004 // *Oxford Dictionary of National Biography* <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-50331> (дата доступа: 19.3.2023).
- International Conference on Information Processing. UNESCO House. Paris, 15–20 June 1959. Handbook. P., 1959. P. 12 – <https://archive.computerhistory.org/resources/access/text/2019/02/102785380-05-01-acc.pdf> (дата доступа: 16.3.2023).
- Jean Gottman (тж.: Davies R. A., Steiger A. J. Soviet Asia: Democracy's First Line of Defense) // *Geographical Review*. Vol. 33. № 1 (Jan. 1943). P. 161–163

- Korganoff A. Méthodes de calcul numérique. 1. Algèbre non linéaire. P., 1961.
- Korganoff A. (avec la collaboration de M. Pavel-Parvu). Méthodes de calcul numérique. 2. Eléments de théorie des matrices carrées et rectangles en analyse numérique. P., 1967.
- Muratoff P. Trente-cinq primitifs russes. Collection Jacques Zolot-nizky. P., 1931.
- Muratov P. Immagini dell'Italia. T. I, II / Trad. di Alessandro Romano, a cura di Rita Giuliani. Roma, 2019, 2021.
- Pugh M. Hurrah for the Blackshirts! Fascists and Fascism in Britain Between the Wars. L., 2005. P. 153. s.a. // The Geographical Journal. Vol. 97. № 4 (Apr. 1941).
- Sarkissian, A.O. // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 219 (Jan. 1942).
- Soloveytchik, George // International Affairs Review Supplement. Vol. 19. № 5 (June 1941).
- Sumner, B.H. // The English Historical Review. Vol. 57. № 226 (Apr. 1942).
- Sysyn F.E. English-Language Historiography in the Twentieth Century on the Pereiaslav Agreement // Russian History. Vol. 32. № 3–4 (Fall-Winter 2005).
- The Russian Review. Vol. 1. № 1 (Nov. 1941).
- The Slavonic Year-Book. Vol. 1. American Series (1941).
- Thurlow R. Fascism in Britain: A History, 1918–1985. Oxford, 1987.
- Tompkins, Stuart R. // Books Abroad. Vol. 16. № 1 (Winter 1942).
- Weinstein, Harold R. // The American Historical Review. Vol. 47. № 3 (Apr. 1942).

I «GHIRIBIZZI AL SODERINI» DEL SEGRETARIO FIORENTINO E IL DESTINATARIO DI ESSI

M.A. Youssim

La lettera scritta da Machiavelli a settembre del 1506 e indirizzata a Govan Battista Soderini, nipote del gonfaloniere a vita di Firenze Piero Soderini, diventò un enigma tra gli altri che il segretario fiorentino volentieri o meno ha lasciato per i posteri. In realtà nessuno sospettava che il documento fosse enigmatico finché nel 1969 non è stata fatta una scoperta veramente importante per la machiavellistica. È stata spostata la datazione del testo dal 1513 al 1506, identificato il luogo della composizione come Perugia (prima la parola si leggeva come l'indirizzo: "a Raugia") e definito il destinatario in un'altra persona³⁹².

Invece di Piero Soderini il quale fuggì da Firenze dopo il ritorno al potere della famiglia Medici e si trovava nel 1513 a Ragusa (Dubrovnik), il destinatario è stato identificato come Giovan Battista Soderini, suo nipote, e questa attribuzione era dovuta e confermata dal fatto che egli aveva scritto a Machiavelli il 12 settembre 1506, quando quest'ultimo era a Perugia nel seguito del papa Giulio II. La missiva si è conservata³⁹³, come anche l'autografo della minuta della risposta di Niccolò³⁹⁴ che si conosceva prima per l'Apografo Ricci e che viene considerata nel presente testo.

L'interesse principale della scoperta suddetta, fatta prima da Paolo Ghilieri e Roberto Ridolfi (grazie al ritrovamento dell'originale da J.-J. Marchand)³⁹⁵ basandosi sull'evoluzione della grafia di Machiavelli, e poi confermata da Mario Martelli e altri storici³⁹⁶, sta

³⁹² Rinaldi 2014; Machiavelli 2022: 463–486. Questa edizione viene citata con lievi omissioni di note e commenti.

³⁹³ Machiavelli: 456–461 (№ 122).

³⁹⁴ Il manoscritto si trova nella Biblioteca Vaticana, nella raccolta di A.G.-Capponi, 107². Martelli 2003: 212–271. Bausi 2022: 456–458.

³⁹⁵ Ridolfi, Ghilieri 1970: 53–74.

³⁹⁶ Martelli 1972: 147–180; Martelli 1973: 3–27; Ridolfi 1972: 1–8.

nel fatto che questa minuta del messaggio di Machiavelli destinato al suo giovane amico contiene alcune tesi principali di tali opere future come *Il Principe* e i *Discorsi sulla prima deca di Tito Livio*; si può dire, la sostanza della “filosofia politica” del segretario fiorentino, o più precisamente della sua antropologia politica. Machiavelli allora in quanto rappresentante della Signoria Fiorentina accompagnava il pontefice Giulio II della Rovere il quale stava riordinando i terreni della Chiesa e sottometteva a sé i principi locali che di fatto avevano usurpato il potere.

Il papa Giulio fu uno dei personaggi delle future opere di Machiavelli³⁹⁷, la sua indole e la maniera di agire servirono come materiale per gli esempi e riflessioni in esse, e il menzionato torneo del pontefice nel 1506 diventò appunto una vivida fonte di tali materiali e il proposito di ragionamenti nella presente lettera. La spinta invece era data dalla missiva di Giovan Battista Soderini la quale fu scritta “in pappafico”³⁹⁸ il mittente chiedeva di non rispondere per non distrarre il destinatario più adulto dalle occupazioni importanti³⁹⁹.

Machiavelli nel frattempo era sotto l'impressione dell'impetuosità di Giulio, della sua audacia, insufficientemente sopportata (secondo l'osservatore) dalla forza reale, e della viltà del “tiranno” pe-

³⁹⁷ I *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*, I.I, cap.27. Le idee che riguardano l'opposizione alla Fortuna schizzati nella lettera al Soderini vengono riprodotti ed elaborati nel “*Principe*” (1513–1515) e i “*Discorsi*” (1513?–1519).

³⁹⁸ Soderini firmò solamente con gli iniziali Io. B., e l'indirizzo era scritto da un'altra persona, Biagio Buonaccorsi. V. Martelli 1972: 150. Cf. Bausi 2022: 463.

³⁹⁹ «Io non ho che dirvi, né voglio che mi rescriviate niente» (Machiavelli 2022: 459). Il primo a indicare la lettera del Soderini era Mario Martelli. V. Martelli 2003: 222–223. La risposta di Machiavelli era nota prima dal cosiddetto Apografo Ricci, la sopramenzionata raccolta dei testi del segretario fiorentino, copiati dal suo nipote Giuliano Ricci verso la fine del XVI. Recentemente la minuta originale era ritrovata nell'Archivio Vaticano, v. n.2.

rugino Giampaolo Bagilioni il quale non osava di attentare al capo della Chiesa benché era già macchiato di gravissimi delitti⁴⁰⁰.

I giudizi sulla condotta del papa durante il suo viaggio nel 1506, espressi nel *Principe* e i *Discorsi*, una volta servivano per confermare la vecchia datazione dei *Ghiribizzi* associata con questi testi ulteriori; così si poteva pensare all'evoluzione del pensiero machiavelliano verso i colpi di genio *post res perditas*. Ora questa lettera testimonia invece che le intuizioni filosofico-politiche esposte da Machiavelli durante il suo ozio forzato, quando passava tempo nel suo podere a Sant'Andrea in Percussina nel 1513, erano maturate come minimo sette anni prima, quando era diventato testimone degli eventi impressi nella sua memoria⁴⁰¹.

La lettera che stiamo esaminando comincia con un'introduzione dove Machiavelli comunica al giovane che dalle prime righe aveva capito chi gli scrive e che sta per rispondergli. Ma dopo le prime frasi della minuta Niccolò passò a un altro tema, in parte ispirato dalle associazioni con Giovan Battista, ma soprattutto, per quanto sembra, sotto l'impressione degli avvenimenti, e propriamente dell'ingresso trionfale di papa Giulio a Perugia⁴⁰². Alla fine Machiavelli con tutta la probabilità non scrisse la bella copia e non inviò mai la sua risposta che si trasformò nel breve trattato sull'opposizione alla Fortuna.

⁴⁰⁰ Più tardi Machiavelli così lo descrive: «Fu notata, dagli uomini prudenti che col papa erano, la temerità del papa e la viltà di Giovampagolo; né potevano estimare donde si venisse che quello non avesse, con sua perpetua fama, oppresso ad un tratto il nimico suo, e sé arricchito di preda, sendo col papa tutti li cardinali, con tutte le loro delizie. Né si poteva credere si fusse astenuto o per bontà o per coscienza che lo ritenesse; perché in uno petto d'un uomo facinoroso, che si teneva la sorella, che aveva morti i cugini e i nipoti per regnare, non poteva scendere alcun pietoso rispetto: ma si conchiuse, nascesse che gli uomini non sanno essere onorevolmente cattivi, o perfettamente buoni, e, come una malizia ha in sé grandezza, o è in alcuna parte generosa, e' non vi sanno entrare». N. Machiavelli, *Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio*, I, 27 (http://www.intratext.com /IXT/ITA1109/_P11.HTM). Cf. *Il Principe*, XXV.

⁴⁰¹ V. le polemiche di M. Martelli con R. Ridolfi, G. Sasso e C. Dionisotti: Martelli 2003: 218–236.

⁴⁰² Ginzburg 2006: 152; Tarantino 2014: 107.

Giovan Battista gli scrisse ancora il 26 settembre supponendo che la sua missiva potesse essere andata perduta o che il destinatario infatti non rispondesse, e riprende alcuni temi di prima. Il 30 settembre dalla lettera di Biagio Buonaccorsi a Machiavelli veniamo a sapere che quest'ultimo aveva riferito qualcosa a Giovan Battista per tramite suo: "Al Soderino lessi quanto mi scrivete; credo vi riscriverà di nuovo, e voi farete quanto vi parrà"⁴⁰³. Finalmente, il 6 ottobre Buonaccorsi comunica: "A Giovambattista Soderini leggerò quel capitolo, come feci l'altro; ma voi vi volete scusare sempre, o con la trascurataggine o con le faccende, e questo non basta alli amici, perché vogliono essere riconosciuti per tali"⁴⁰⁴. Qui, oltre al solito rimprovero della negligenza di Machiavelli nel rispondere agli amici, si parla di certi "capitoli", e sarebbe molto allettante vedervi una menzione del "Capitolo (in versi) di Fortuna", di cui sotto, ma, secondo F. Bausi, "non si deve pensare al capitolo ternario De Fortuna a lui dedicato (del resto, non si capirebbe a quale altro componimento ci si potrebbe qui poi riferire), ma piuttosto, verosimilmente, a un paragrafo di una lettera indirizzata da M. a Biagio in cui il Segretario si scusava di non aver potuto soddisfare una richiesta del giovane amico"⁴⁰⁵.

Comunque, Machiavelli sviluppò le stesse idee dei *Ghiribizzi* nel *Capitolo di Fortuna*; una poesia nelle terzine lunga circa 200 versi. È dedicata proprio a Giovan Battista Soderini e, come si può supporre, era composta da Machiavelli negli stessi giorni o settimane⁴⁰⁶. L'argomento continua la tradizione che risale come minimo a Petrarca⁴⁰⁷, e l'idea sta nel fatto che la Fortuna è invincibile, capricciosa, non sempre favorevole ai degni, e soprattutto che la natura umana non permette di adeguarsi costantemente alle circostanze che si mutano. Quindi, raggiungono il loro scopo a volte i cauti, a volte gli impetuosi, ma cambiare il suo modo di azione e capire cosa sia da fare è

⁴⁰³ Machiavelli 2022: 504 (№ 128).

⁴⁰⁴ Machiavelli 2022: 521 (№ 133).

⁴⁰⁵ Bausi 2022: 521, n. 14, con riferimenti a M. Martelli e G. Inglese.

⁴⁰⁶ Bausi 2014: 263.

⁴⁰⁷ Petrarca 2009.

troppo difficile. D'altronde, Machiavelli pensa che la Fortuna è incline ad aiutare i giovani e attivi perciò l'impeto sia preferibile; la dea è donna "e quanto a costei piaccia, quanto grato le sia, si vede scorto, chi l'urta, chi la pigne o chi la caccia"⁴⁰⁸. Simile frase quasi letteralmente si riproduce nel *Principe* sette–otto anni dopo (cap. XXV), e dell'affinità della lettera intitolata *Ghiribizzi*⁴⁰⁹ al *Soderini*, *Capitolo di Fortuna* e le opere principali di Machiavelli si è parlato molto, i commentatori hanno cercato anche di precisare le circostanze associate alla composizione di questi testi.⁴¹⁰ Ora io vorrei, partendo dalla parte iniziale della lettera, esporre un'ipotesi che fa luce su quest'ultima materia.

Riporteremo il testo della missiva di Giovanni Battista interamente:

Nicolao Maclavello secretario Florentino apud Summum Pontificem tanquam fratri. A Perugia o dove sia. Spectabilis maior honorande, se la affezion che io vi porto non mi transportassi a far con voi molte altre cose senza proposito, io mi scuserei con voi di scrivervi, o io piglierei qualche scusa di occasione. Io non ho che dirvi, né voglio che mi rescriviate niente. La inclusa potevo mandare sotto altre lettere, raccomandarmivi per la via di Biagio e insomma, ciò che mi scadeva, per ora far senza scrivervi; ma ho voluto seguir l'ordine del fare infinite cose senza proposito. Io non vi potrei dire la voglia che abbiamo Filippo di Banco e io di andare fino a Piombino, ma se l'uno tiene la stella, e l'altro il sole, in modo che vi va più gente che a Siena, e dubito di noi. Se soprastate a tornare infino a gennaio, arem di voi in un tratto lo scoppio e il baleno, e pur si vorrebbe scendere a scaglione a scaglione. Noi siamo sani e Filippo d'ora in ora aspetta una sentenza contro: vedrem che seguirà. A voi mi raccomando. Addi xii di settembre 1506. Iohannis Baptista⁴¹¹.

⁴⁰⁸ N. Machiavelli, *Capitolo di Fortuna*.

⁴⁰⁹ *Ghiribizi scritti al Soderino* è il titolo che si trova "sul tergo della minuta" (v. Rinaldi 2014: 617; Inglese 1984: 275. Ghiribizzi vanno intesi qui come abbozzi, riflessioni su un argomento libero. Cf. Pfeiffer 1993: 133–161; Bausi 2022: 474.

⁴¹⁰ Marchand 2014.

⁴¹¹ Machiavelli 2022: 458–461.

Di Giovan Battista, a parte la sua parentela con il Gonfaloniere, si sa che era nato il 12.07.1484 nel secondo matrimonio del suo padre Paolantonio (il quale da parte materna fu cugino di Lorenzo il Magnifico, la madre di G.B. proveniva dagli Strozzi). “Si addottorò presso lo Studio fiorentino”⁴¹². Dopo il ritorno di Medici a Firenze nel 1512 fu esiliato, ma nel 1513 ottenne perdono grazie all’ammnistia in occasione dell’elezione del papa Leone X Medici⁴¹³. Nel 1522 fu sospettato di partecipare alla congiura contro i signori e scappò, nel 1527 sotto il nuovo governo repubblicano fu nominato il commissario delle truppe ausiliarie fiorentine (Bande Nere) presso l’esercito alleato francese che assediava Napoli spagnola⁴¹⁴. Dopo la sconfitta di francesi in agosto 1528 Giovan Battista fu catturato e fra poco morì in prigione⁴¹⁵.

Biagio Buonaccorsi, collega di Machiavelli, coadiutore della cancelleria che era in costante corrispondenza con il segretario e per suo tramite si poteva salutarlo e mandare una lettera, quella che Soderini chiama qui evidentemente “la inclusa”. Filippo di Banco è Filippo (da) Casavecchia, l’amico di Soderini e Machiavelli; il medesimo Casavecchia scrisse per quest’ultimo un capitolo in versi

⁴¹² Cito da *Soderini, Giovan Battista*, Enciclopedia machiavelliana 2014: 543 (firmato Redazione), con il riferimento a Verde 1977: 649–650.

⁴¹³ Lowe 2002: 73. Secondo Rivière 2005: 698, «Giambattista di Paolantonio (1484–1528)» fu fra gli Ufficiali del Monte da maggio 1512 fino a maggio 1513. In una lettera Filippo Strozzi, di cui parleremo sotto, dice che Giovanbattista con altri Soderini poteva stare a Roma, ma «attesa la sua natura, non penso sia per starvi, né hora, né in altro tempo». Bardi 1894: 34 n. 3.

⁴¹⁴ V. la corrispondenza pubblicata in Arfaïoli 2011. Più di Giovan Battista sulle pp. 134–135. Secondo il giudizio di B. Varchi «era Giovambattista d'animo grande e d'eccellenti virtù, ma superbo e altiero molto.... aveva nell'universale, e massimamente essendo stato esule tant'anni, un favore e concorso incredibile» (Arfaïoli 2011: 134 n. 105).

⁴¹⁵ Egli ha perso tre dita ed era ferito in testa (B. Varchi); come dice P. Giovio, «Soderino scarso dell'oro, ma prodigo della vita, ostinatamente negava ch'egli non era per pagare la taglia, che gli era stata messa come troppo grave». Arfaïoli 2011: 329, nn. 6, 7.

in una delle lettere del 1507⁴¹⁶. Quanto al porto toscano Piombino, si tratta dell'accoglienza del re aragonese Ferdinando il quale si indirizzava allora a Napoli e doveva essere a Piombino di passaggio, e vi volevano andare, oltre gli ambasciatori, molti privati⁴¹⁷.

Per quanto riguarda Siena, non si sa di preciso cosa intendeva Giovan Battista sotto la frequenza di questa città. Siena di solito destreggiava fra le potenze, ma tradizionalmente e in parte per dispetto di Firenze era ghibellina, cioè più spesso appoggiava i fautori dell'impero. A settembre 1506 si aspettava la scesa in Italia dell'imperatore Massimiliano con l'esercito, perciò, come scriveva Buonaccorsi a Machiavelli il 1 settembre, la milizia doveva essere alle armi⁴¹⁸. D'altronde, l'imperatore non venne. Ancora in primavera dello stesso anno il signore di Siena Pandolfo Petrucci ha concluso con Firenze

⁴¹⁶ Bausi 2014: 263. Inglese 1984: 275. Malanima 1978: 169–170; Lepri 2014: 286–287.

⁴¹⁷ Nella lettera del 21 settembre 1506 Buonaccorsi comunica a Machiavelli che gli ambasciatori fiorentini erano già partiti per Piombino con i doni al re Ferdinando. Lo scopo di Firenze in quel momento era impedire l'aiuto dal di fuori per Pisa assediata, anche da parte degli spagnoli. Il 6 ottobre gli ambasciatori si trovavano nella cittadina marittima Bibbona in attesa dell'arrivo del re in ritardo a Livorno o a Piombino. V. Machiavelli 2022: 487–491 (№ 125). Tra gli ambasciatori a Ferdinando era Giovanvettorio, zio di Giovan Battista. Era programmato anche di mandare all'incontro come una scorta d'onore o per la dimostrazione delle forze del comune 200 soldati della milizia di Firenze: Hörnqvist 2002: 158. Il re arrivò a Piombino governato dal principe Jacopo IV d'Appiano, solamente il 21 ottobre: Pecci 1755: 223; Landucci 1883: 277.

⁴¹⁸ Hörnqvist 2002: 157. Cf. Machiavelli 2022: 427–431, 442–442 (№ 118, La missiva di Buonaccorsi del 6 settembre 1506).

l'accordo della tregua per tre anni⁴¹⁹. Può darsi, Giovanbattista ricorda queste trattative passate o allude alle eventuali nuove.

La stella e il sole che non permettono agli amici di andare a Piombino: questa espressione, evidentemente chiara al destinatario, ma incomprensibile per i lettori odierni, secondo M. Martelli potrebbe essere un'allusione alle inclinazioni amorose dei giovani⁴²⁰. Il sole in gergo di allora era l'eufemismo dell'organo femminile, e la stella dell'ano (Filippo Casavecchia si teneva dell'orientamento non tradizionale, o più semplicemente era omosessuale)⁴²¹. Filippo, come risulta dalla lettera, era sotto processo e aspettava la sentenza, altri dettagli non sappiamo.

Finalmente, la menzione del gennaio viene trattata come un accenno al progetto machiavelliano di riorganizzazione della milizia fiorentina, allora in questione.

La presenza in città del segretario probabilmente potrebbe influenzare la sorte del progetto sia in gennaio, quando poteva essere decisiva (ma forse anche nociva come un colpo di baleno), sia prima, permettendo allora di andare alla meta di passo in passo. Tale è almeno l'interpretazione proposta per questa frase assai vaga⁴²². Tra le conferme di quest'ipotesi si può annoverare il fatto che alcuni membri dei Dieci erano malcontenti del viaggio "turistico" di Machiavelli

⁴¹⁹ Guicciardini 1971: «I genovesi e i lucchesi si erano insieme per uno anno convenuti di sostentare con spesa certa e de-terminata quella città. Alla qual cosa gli aveva prima confortati Pandolfo Petrucci, offerendo che i sanesi farebbono il medesimo; ma da altra parte, manifestando con la sua consueta duplicità quel che si trattava a' fiorentini, ottenne da loro, perché si separasse dagli altri, che si prorogasse per tre anni la tregua che ancora durava tra i fiorentini e sanesi, ma con patto espresso che a' sanesi e a Pandolfo non fusse lecito dare aiuto alcuno a' pisani: colla quale scusa astenendosi da spendere per loro, non cessava nell'altre cose, quanto poteva, di consigliargli e favorirgli».

⁴²⁰ Martelli 2003: 223 n. 16.

⁴²¹ Nel 1514 questo fatto diede a Machiavelli il pretesto per divertire il suo amico Francesco Vettori con una storia di Filippo che ricorda novelle erotiche e le commedie antiche con la confusione di protagonisti. Stella Larosa 2005: 93–124.

⁴²² Martelli 1972: 152.

presso il papa⁴²³. L'espressione "attrattive 'turistiche' della missione di Machiavelli" appartiene al commento di F. Bausi alla lettera di G.B. Soderini del 26 settembre 1506 (p. 498). Nella stessa lettera Soderini riporta il consiglio di Filippo Casavecchia a Machiavelli di respirare buon'aria; Filippo avrebbe detto: "asciugatevi bene la testa, che a ogni modo tornerete impedito, se li uffici sono del medesimo valore *in absentia*. Questo enigma non lo intende se non lui, che ne sta angustiato, e pensa che per il romore non possiate stare al fuoco". Anche se enigmatiche, queste parole forse si potrebbe trattare come l'allusione a una lavata di testa che aspetta Niccolò, se egli non torna presto, e allora sarà impedito nei suoi piani, se il suo ufficio di promuovere l'Ordinanza sia valido anche in assenza⁴²⁴.

Ora vedremo come Machiavelli voleva rispondere alle notizie di Giovan Battista. Anche lui è laconico:

Una vostra lettera mi si presentò in pappafico, pure [dop]o dieci parole la riconobbi. E veramente io cr[edo] la frequenza di Piombino, per conoscervi, e delli impedimenti vostri e di Filippo son certo, perché io so che l'uno è offeso da el poco lum[e] e l'altro da el troppo.

Gennaio non mi dà noia, pure che febbraio mi regga fra le mani. Dologomi del sospetto di Fi[li]ppo, e suspeno ne attendo el fine. Fu la vostra lettera breve, e io rileggendo la feci lunga. Fummi grata, perché mi dette occasione a fare quello che io dubitavo di fa[re] e che voi mi ricordate che io non faccia; e solo questa parte ho riconosciuta in lei senza proposito. Di che io mi maraviglier[ei], se la mia sorte non mi avessi mostr[o] tante cose e sí varie che io sono constretto a maravigliarmi poco o confessare [non] l'avere gustate né leggendo, né praticando le azioni delli uomini e e' modi del procedere loro. Conosco voi e la bussola della navigazione vos[tra], e quando potessi essere dannata, che non può, io non la dannerei, veggendo a che porti

⁴²³ Iacopo Ciacchi diceva: «Si vuole farlo tornare, poiché non vi fa niente». Machiavelli 2022: 503.

⁴²⁴ Machiavelli 2022: 500. Cf. il commento di F.Bausi a questo passo: «Probabilmente la locuzione stare al fuoco indica una situazione di relax o comunque di disinteresse per quello che accade (come dormire al fuoco, ben documentata), e il romore a cui si fa riferimento potrebbe essere quello stesso di cui parla Biagio nella lettera di pochi giorni prima (21 settembre: lett. 125 3) riguardo alle frequenti mormorazioni sull'Ordinanza».

vi abbi guida[to], e di che speranza vi possa nutrire. Donde io credo, non [per] lo specchio vostro, dove non si vede se non prudenzia, ma per quello de' più, che si abbi nelle cose a vedere el fine, e non el mezzo...⁴²⁵.

Poi segue lo sviluppo di questa idea.

Machiavelli si sofferma brevemente sulle notizie riportate da Giovan Battista. La mancanza di luce e l'eccesso di essa corrispondono evidentemente alla stella e il sole. Questa frase, per quanto sembra, non convalida l'ipotesi di M. Martelli sulle allusioni erotiche, più che altro si può riferire la mancanza della luce alla incertezza in riguardo alla sentenza aspettata da Filippo; della troppa luce che concerne Giovan Battista diremo sotto. L'interpretazione della frase con gennaio e febbraio dal punto di vista del progetto dell'Ordinanza è altrettanto dubbia: anche se Machiavelli non si preoccupa della sua apparizione a gennaio come "lo scoppio e il baleno", perché non è pienamente sicuro di febbraio, non è chiaro.

In genere l'autunno e l'inverno del 1506–1507 erano per il segretario dei Dieci favorevoli. Era tornato a Firenze in ottobre; il 6 dicembre fu creata una commissione speciale oppure Nove di Ordinanza e Milizia, il segretario dei quali diventò Niccolò medesimo⁴²⁶ (forse alla probabilità di questo andamento delle cose alludeva Giovan Battista parlando dello "scoppio e il baleno" a gennaio, se si supposeva che Machiavelli può non tornare prima di questo mese). Attorno a questo progetto si svolgevano i dibattiti fra i fautori del gonfaloniere a vita Piero Soderini che si appoggiava anche al suo fratello Francesco, vescovo di Volterra, da una parte, e gli oligarchi fiorentini, dall'altra. Questi ultimi temevano che la milizia diventerà per loro avversari uno strumento per attentare alla "libertà" e istituire la "tirannia". I dissidi erano seri perciò evidentemente gli amici costantemente raccontano al segretario assente dello stato delle cose. Il 1 settembre egli apprende da Buonaccorsi che la leva di "battaglioni" nel contado fiorentino prosegue felicemente e che "a Firenze ci si prepara a mandare 200 fanti a Piombino in attesa dello sbarco di Ferdinando d'Aragona" – di cui abbiamo detto⁴²⁷.

⁴²⁵ Machiavelli 2022: 474–478.

⁴²⁶ Xin Zhu 2018 42–43, 252.

⁴²⁷ Machiavelli 2022: 536–537; Hörnqvist 2002: 157–158.

Il 9 settembre Machiavelli viene a sapere che a San Miniato si era tenuta una rassegna delle truppe di “milizia” in presenza del signore di Piombino Jacopo d’Appiano, e alla fine del mese apprende da Giovan Battista Soderini che “E’ battaglioni stanno bene, massime quelli di Scarperia, ché il vicario fa lor mille vezzi, e quando vi capita un forestiero, per onorarlo, liene spiega un tratto sulla campagna”⁴²⁸. In fin dei conti Machiavelli tornato alla fine di ottobre procedeva verso il suo obiettivo passo a passo e non fulmineamente come potrebbe essere a gennaio. Quanto a febbraio del 1507 (secondo lo stile fiorentino 1506), forse Niccolò ormai a settembre aveva in vista un’operazione importante nell’ambito dell’assedio di Pisa (la quale fu riacquistata solamente nel 1509 con la partecipazione attiva della milizia e quindi di Machiavelli). A febbraio del 1507 ha preso parte all’organizzazione del blocco di Pisa sull’Arno dal lato di mare⁴²⁹.

Torniamo ora a Giovan Battista e alle sue preoccupazioni. La “stella” che fu l’impedimento per Filippo Casavecchia era legata molto probabilmente alla giustizia, cioè all’autorità pubblica. Fra l’altro, nel *Capitolo di Fortuna* Machiavelli consiglia di scegliere come propria stella la Fortuna ed adeguarsi alla sua variabilità. Incertezza derivante dalla sentenza o la condanna in attesa risulta da questa mutabilità di lei⁴³⁰.

Anche il sole potrebbe essere un’autorità di governo, ma superiore. E quale autorità è più alta del gonfaloniere a vita Piero Soderini, zio di Giovan Battista? Le frasi seguenti, secondo me, non sono perlomeno contraddittorie a questa supposizione: «Conosco voi e la bussola della navigazione vos[tra], e quando potessi essere dannata, che non può, io non la dannerei, veggendo a che porti vi abbi guida[to], /in margine: di che gradi vi abbia onorato/ e di che speranza vi possa nutrire. Donde io credo, non [per] lo specchio vostro,

⁴²⁸ Machiavelli 2022: 500.

⁴²⁹ V. Hörnqvist 2002: 161.

⁴³⁰ Non è da escludere che si trattava di un’eventuale nomina di Filippo che non poteva rifiutare. A marzo – giugno del 1505 Casavecchia (1471/1472–dopo 1520) era uno di Dodici buon uomini, una commissione ausiliare presso il governo: Rivièrè 2005: 245. Nel 1507 fu nominato il commissario nel paese Fivizzano e nel 1509 a Barga. Lepri 2014: 286.

dove non si vede se non prudenzia, ma per quello de' piú, che si abbi nelle cose a vedere el fine, e non el mezzo, / In margine: Perché ciascuno secondo la su[a] fantasia si go[v]erna/ vedendosi con vari governi conseguire una medesima cosa, e diversamente [op]erando ave[re] uno medesimo fine».⁴³¹ Ovviamente, si può trattare questo ragionamento come una descrizione metaforica della condotta di Giovan Battista che fa «infinite cose senza proposito», ma ottiene il successo, – e in seguito Machiavelli sviluppa questo tema nel suo abbozzo: non esiste una ricetta generale su come resistere alla Fortuna. Però è possibile anche un'altra interpretazione, siccome si parla di bussola e di gradi onorevoli, benché il destinatario aveva soli ventidue anni⁴³². Quanto alla speranza è chiaro che fare le cose senza proposito non sia molto promettente. Il distacco dall'opinione dei molti che non considerano i mezzi, ma guardano al fine è una delle prime e sempre critiche menzioni in Machiavelli del famigerato concetto che il fine giustifica i mezzi⁴³³. Il prudente Giovan Battista evidentemente non condivide tale concetto, ma il suo amico più anziano pensa che discorrendo del successo, soprattutto sul palcoscenico pubblico, bisogna tener conto delle opinioni di massa⁴³⁴. Si è ipotizzato che Machiavelli rivolgendosi a Giovan Battista voleva riferire le sue idee al suo zio e il capo di governo, oppure pensava a lui dando libero sfogo ai suoi pensieri.⁴³⁵ Perlomeno quest'ultima ipotesi si potrebbe concordare con alcuni fatti ben noti: Piero Soderini secondo la classifica di Machiavelli apparteneva ai politici “rispettivi”, a differenza del bellicoso pontefice Giulio, e dopo la morte di Piero nel 1522 il suo ex-dipendente scrisse un epigramma sarcastico rim-

⁴³¹ Machiavelli 2022: 476–478, 486.

⁴³² Secondo C. Dionisotti, Paolantonio Soderini era il capo della famiglia e dopo la sua scomparsa «la discendenza di Paolantonio manteneva intatto il suo diritto di precedenza. Nel 1506 Giovan Battista era giovane, ma non più un giovincello sotto la tutela degli zii: aveva col fratello maggiore Tommaso le carte in regola per rappresentare nel presente e nel futuro la famiglia dei Soderini». Dionisotti 1980 77–78.

⁴³³ Cf. Bausi 2022: 485 n. 19.

⁴³⁴ Cf. *Il Principe*, cap. XVIII.

⁴³⁵ Martelli 1973: 3 sgg.; Bausi 2022: 477 n. 17.

proverandolo dell'indecisione⁴³⁶. Quindi la presenza mentale del gonfaloniere nella lettera filosofica di Machiavelli (anche se ancora nel 1506, *ante res perditas*) è probabile.

Ma in che modo “il sole” poteva impedire Giovan Battista partire da Firenze, quali affari esigevano la sua presenza? E a che cosa allude Machiavelli?

Secondo me, la spiegazione si può trovare in un brano delle *Storie fiorentine* di Francesco Guicciardini il quale le stava componendo nel 1509. Il cardinale Giovanni Medici, futuro papa Leone X, volendo attirare a sé cittadini di Firenze (da dove lui e i suoi parenti furono espulsi nel 1494) dichiarò che vorrebbe sposare con un fiorentino sua nipote offrendo la dote di sei mila scudi. Il gonfaloniere Soderini a parole non era contro, ma si capiva che difficilmente sarebbe consentito a tale matrimonio. «E benché tutti e' giovani che avevano a tôrre donna l'avessino fatto volentieri per la qualità della dota, pure dubitando non se ne facessi caso di stato, non era nessuno che avessi ardire di tôrla». Il cardinale ha fatto correre la voce che la sua nipote sarebbe sposata con Francesco Pitti e si accertò della reazione negativa di Soderini.

«E però el gonfaloniere che cognobbe questo tratto, ne fece fare una quarantia, per dimostrare a qualunque la togliesse, che la città lo punirebbe, di che si sopì chi aveva voglia di tôrla. Ma poco poi el cardinale, per mezzo di madonna Lucrezia donna di Iacopo Salviati e sua sorella, tenne pratica col gonfaloniere di darla a Giovan Batista di Paolantonio Soderini, nipote del gonfaloniere, a che el gonfaloniere prestò orecchi, e nondimeno non si concluse, o perché non fussino d'accordo della dota, o perché el gonfaloniere fussi stato da principio di questo animo, o perché se ne ritraessi dubitando di non

⁴³⁶ «La notte che morì Pier Soderini L'anima andò dell'inferno alla bocca; Ma Pluto le gridò: anima sciocca! Che inferno! vanne al limbo coi bambini». V. Severi 2014: 546.

avere carico e venirne in sospetto al popolo»⁴³⁷. Si suppone che gli avvenimenti sono del 1506 e si tratta di Clarice Medici la quale più tardi fu proposta al famoso Baldassare Castiglione, ma di nuovo senza successo⁴³⁸, e nel 1508 «dopo tanti e tanti mesi» delle trattative si sposò con Filippo Strozzi, ricchissimo fiorentino, in futuro banchiere dei papi Medici, e uno degli amici di Machiavelli⁴³⁹. Il gonfaloniere Soderini cercò di impedire anche questo matrimonio e, secondo alcune affermazioni, Machiavelli è stato incaricato di preparare un testo che provasse l'irregolarità giuridica dell'alleanza suddetta⁴⁴⁰. Il matrimonio fu concluso clandestinamente⁴⁴¹ e gli sposi novelli sono andati a Napoli. A gennaio del 1509 Filippo fu confinato per tre anni,

⁴³⁷ Guicciardini 1974: 153; Bullard 1979: 668–687, fa riferimento anche alla *Istoria fiorentina* di B. Cerretani (p. 676, n. 22). Come abbiamo segnato sopra, Giovanbattista era in parentela lontana sia con Clarice Medici, sia con il suo futuro marito Strozzi. Cf. Landon 2022. «Piero Soderini's government ushered laws through the republican government that made it illegal for any Florentine to marry a Medici. Soderini and his advisors recognized that if the Medici were successful in marrying one of their own to a prominent member of the Florentine nobility, they would have a foothold they could use to mount an attempt to wrest control of the government from the republic – making the city their own again.

Lucrezia de' Medici (daughter of Lorenzo the Magnificent and the wife of Jacopo Salviati) was the only senior member of the Medici family still living in Florence after the others had gone into exile. In 1506, Lucrezia tried to marry Clarice, Piero de' Medici's daughter, to a Florentine nobleman, but her attempts were thwarted by Piero Soderini».

⁴³⁸ Il fidanzamento con Castiglione andò a monte a forza dell'opposizione della madre di Clarice Alfonsina Orsini e del desiderio del cardinale Giovanni Medici di ripristinare l'influenza della famiglia a Firenze grazie al matrimonio della nipote con Filippo Strozzi. Simonetta 2014: 75.

⁴³⁹ Simonetta 2014: 76–78. Landon 2013: 57. Più in dettaglio sul matrimonio con Strozzi: Bullard 1979: 670–681. Per coincidenza il nome originale di Filippo era Giovan Battista.

⁴⁴⁰ Landon 2013: 91.

⁴⁴¹ Bullard 1979: 674.

ma fra un anno poteva già tornare⁴⁴². Gli eventi descritti sopra sono, come abbiamo detto, del 1506, e se non si può esser sicuri che la lettera di Giovan Battista Soderini e la risposta di Machiavelli coincidono con una tappa delle trattative dell'eventuale fidanzamento di lui, è probabile che la menzione dei porti e delle speranze riguarda proprio questi negoziati, sia nel presente, sia nel futuro. (Il settembre è più vicino alla fine d'anno che non all'inizio). La frase dei molti che puntano sul successo e che G.B. Soderini magari potrebbe essere rimproverato di approfittarsi di una bussola che conduce nei porti felici, può pure testimoniare di qualche protezione, di un'alta tutela e della transazione discutibile suggerita dallo zio. Il gonfaloniere era contro l'unione matrimoniale di un cittadino fiorentino con i Medici, ma era anche pronto di fare un'eccezione per la sua famiglia benché l'affare alla fine non ebbe luogo.

In questa chiave si potrebbe interpretare alcuni punti del ragionamento di Machiavelli sul "riscontro" e certi versi del *Di Fortuna*. L'impresa non proprio ordinaria di matrimonio potrebbe portare un successo sia per Giovan Battista, sia per il gonfaloniere Soderini, sia per Firenze in genere, promettendo una rappacificazione graduale con i Medici e i loro seguaci.

Il capitolo *Di Fortuna* dedicato a Giovan Battista Soderini, come abbiamo detto, fu composto probabilmente nello stesso periodo come una versione dell'eventuale risposta amplificata alla lettera del 12 settembre 1506, ma non prima del 26 perché nel suo messaggio di questa data il giovane dice di non aver nel frattempo niente da Machiavelli. In realtà la letterina di Giovan Battista che forse nascondeva un'allusione a certi avvenimenti e piani straordinari promettenti, nel caso di successo, conseguenze importanti, non era persa ed ispirò i fatidici ragionamenti del suo amico: non per caso la minuta della risposta si era conservata tra le carte dell'autore; probabilmente la rileggeva⁴⁴³. Magari Giovan Battista condivideva nelle conversazioni con l'amico i suoi dubbi, il suo messaggio "senza proposito" riferisce a quelli, e Machiavelli nei suoi testi gli dà un consiglio indiretto anche se non proprio richiesto. Nel *Di Fortuna* Machiavelli parla dell'Occasione che bisogna cogliere e confronta la protagonista del capitolo con il "torrente rapido" che "ogni cosa fra-

⁴⁴² Bullard 1979: 679.

⁴⁴³ Bausi 2022: 457, 467, 472.

cassa”, l’immagine ripetuta nel cap. XXV del *Principe*. Qui il poeta ancora mette in guardia il suo amico dicendo che “sarebbe un sempre felice e beato, che potessi saltar di rota in rota, ma perché poter questo ci è negato per occulta virtù che ci governa, si muta col suo corso il nostro stato”. (Più avanti c’è anche la metafora del “desiato porto”, dove non pervenne Alessandro Magno). Infine qui si trova anche la figura della Fortuna come una donna che bisogna “spingere e urtare”⁴⁴⁴. Alla Fortuna “quanto a costei piaccia, quanto grato le sia, si vede scorto, chi l’urta, chi la pigne o chi la caccia”. Ovviamente, qui non si può trovare le analogie dirette con l’eventuale fidanzamento o matrimonio con Clarice Medici, però un avvicinamento purché lontano sembra possibile. Niente di definitivo dice il capitolo (e non dovrebbe), ma il discorso sulla volubilità della Fortuna può servire da avvertimento a proposito di questa impresa straordinaria che potrebbe sia elevare, sia abbattere chi la inizia. La Fortuna alletta con le prospettive abbondanti, però può ingannare. Fra l’altro, non si sa se Giovan Battista fosse mai sposato o no, ma dell’interesse di Machiavelli ai progetti matrimoniali della famiglia Soderini testimonia una lettera del Buonaccorsi (del 26 novembre 1502) che comunica a lui del fidanzamento di due sorelle di G.B. Soderini: “Èssi scoperto il parentado delle 2 sorelle di Giovambattista Soderini, una a Giovanni Mannelli, l’altra a Lodovico de’ Nobili: alla barba vostra”⁴⁴⁵. Non è molto chiaro perché il parentado sia “alla barba” di Machiavelli, cioè per conto suo: accenna al suo coinvolgimento?

La sorte di Filippo Strozzi in parte assomiglia quella di Giovan Battista Soderini e di parecchi altri fiorentini che oscillavano fra la collaborazione con i Medici e la fedeltà al repubblicanesimo (come lo stesso Machiavelli e in un altro modo Francesco Guicciardini). Nonostante il suo matrimonio (o forse grazie ad esso, perché Clarice Medici non andava molto d’accordo con i capi della famiglia negli anni 1520) e l’affinità con i Medici, Filippo Strozzi dopo il restauro del regime nel 1530, disincantato di suoi protettori di prima, passò dalla parte dei repubblicani e come Giovan Battista Soderini morì imprigionato nel 1538. (Era recluso nella fortezza di San Giovanni Battista costruita da Alessandro Medici contrariamente all’opinione

⁴⁴⁴ *Il Principe*, cap. XXV.

⁴⁴⁵ Machiavelli 2022: 223–224.

di Machiavelli sull'inutilità delle fortezze nelle repubbliche)⁴⁴⁶. La stella dei due li portò immancabilmente alla stessa fine.

Machiavelli non sopravvisse fino a questo esito tragico, ma nel 1506 era pieno di speranze, la sua carriera andava in ascesa⁴⁴⁷, non aveva ancora scritto le sue celebri opere che gli hanno portato la gloria mondiale. Nemmeno egli non lo poteva prevedere e soltanto abbozzava in una lettera privata le sue idee principali.

Bibliografia

Arfaoli M. The road to Naples: Florence, the Black Bands and the army of the League of Cognac (1526–1528), PhD thesis, University of Warwick. 2011 – <http://wrap.warwick.ac.uk/3099/>

Bardi A. Filippo Strozzi (da nuovi documenti) // Archivio Storico Italiano. 5 S. T.XIV. 1894.

Bausi F. Capitoli // Enciclopedia machiavelliana. Vol. I. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2014.

Bausi F. Commento // Machiavelli N. Lettere / A cura di A. Decaria, D. Gamberini, A. Guidi, A. Montevecchi, M. Simonetta, C. Varotti; direzione e coordinamento di F. Bausi. Tomo I. Roma: Salerno Editrice, 2022.

Bullard M.M. Marriage Politics and the Family in Florence: The Strozzi–Medici Alliance of 1508 // The American Historical Review. Vol. 84. № 3 (June 1979).

Dionisotti C. Machiavellerie [storia e fortuna di Machiavelli]. Torino, 1980.

Enciclopedia machiavelliana. Vol. I. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2014.

Ginzburg C. Diventare Machiavelli. Per una nuova lettura dei «Ghiribizzi al Soderini» // Quaderni storici. N. S. Vol. 41. № 121 (1). Aprile 2006.

Guicciardini F. Storia d'Italia / A cura di S. Seidel Menchi. Torino: Giulio Einaudi editore, 1971.

Hörnqvist M. Perché non si usa allegare i Romani: Machiavelli and the Florentine Militia of 1506 // Renaissance Quarterly. Vol. 55. № 1 (Spring 2002).

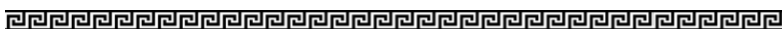
⁴⁴⁶ Rubinstein 1993: 1.

⁴⁴⁷ Martelli 2003: 236.

- Inglese G. Rec. ad: Opere, III, Lettere, (« Classici italiani »), Niccolò Machiavelli and Franco Gaeta // La Bibliofilia. Vol. 86. № 3 (settembre–dicembre 1984).
- Landon W. A Marriage in Florence and the First Step toward the Medici's Return – <https://www.wondriumdaily.com/a-marriage-in-florence-and-the-first-step-toward-the-medicis-return>, 19.05.2022/
- Landon W.J. Lorenzo di Filippo Strozzi and Niccolo Machiavelli: Patron, Client, and the *Pistola fatta per la peste* / An Epistle Written Concerning the Plague. Toronto, 2013.
- Landucci L. Diario fiorentino dal 1450 al 1516. Firenze: Sansoni, 1883.
- Lepri V. Casavecchia, Filippo da // Enciclopedia machiavelliana. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2014.
- Lowe K.J.P. Church and Politics in Renaissance Italy: The Life and Career of Cardinal Francesco Soderini, 1453–1524. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Machiavelli N. Lettere / A cura di A. Decaria, D. Gamberini, A. Guidi, A. Montevecchi, M. Simonetta, C. Varotti; direzione e coordinamento di F. Bausi. Tomo I. Roma: Salerno Edifce, 2022.
- Malanima P. Casavecchia, Filippo // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 21. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 1978.
- Marchand J.–J. Lettere // Enciclopedia machiavelliana. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2014.
- Martelli M. Ancora sui 'Ghiribizzi' a Giovan Battista Soderini // Rinascimento. S. II, X, 1970 (1973).
- Martelli M. I dettagli della filologia // Interpres. Vol. XX. 2001 (2003).
- Martelli M. I 'Ghiribizzi' a Giovan Battista Soderini // Rinascimento. S. II. IX. 1969 (1972).
- Pecci G.A. Memorie storico–critiche della città di Siena. T. 1. Siena: V. Pazzini Carli, 1755.
- Petrarca F. Rimedi all'una e all'altra fortuna. Testo latino a fronte / A cura di E. Fenzi. Napoli: La Scuola di Pitagora, 2009.
- Pfeiffer H. Machiavellis Anthropologie der Selbsterhaltung und ihre Schreibart. Das Beispiel der «Ghiribizzi» // Innovation und Originalität. Tübingen, 1993.
- Ridolfi R. Ancora sui Ghiribizzi al Soderini // La Bibliofilia. Vol. 74 (1972).

- Ridolfi R., Ghiglieri P. I Ghiribizzi al Soderini // *La Bibliofilia*. Vol. 72 (1970).
- Rinaldi R. Ghiribizzi al Soderino // *Enciclopedia machiavelliana*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2014.
- Rinaldi R. Ghiribizzi al Soderino // *Enciclopedia machiavelliana*. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2014.
- Rivière J.-M. Répertoire prosopographique du personnel politique florentin de décembre 1494 à mai 1527, Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris, 2005.
- Rubinstein N. Fortified Enclosures in Italian Cities under Signori // *War, Culture and Society in Renaissance Venice: Essays in Honour of John Hale* / Ed. by D. S. Chambers, C.H. Clough, M.E. Mallett. London – Rio Grande, 1993.
- Severi A. Soderini, Piero di Tommaso // *Enciclopedia machiavelliana*. Roma: Istituto della Enciclopedia Italiana, 2014.
- Simonetta M. Volpi e leoni. I Medici, Machiavelli e la rovina d'Italia. Milano, 2014.
- Stella Larosa V. La lettera machiavelliana del 25 febbraio 1514: un epilogo annunciato // *Filologia Antica e Moderna*. Vol. XXVIII (2005).
- Tarantino M. Giampaolo Baglioni, Giulio II e i Ghiribizzi al Soderini // *Machiavelli e il mestiere delle armi*. Perugia, 2014.
- Verde A.F. Lo Studio fiorentino (1473–1503). Ricerche e documenti. 4 vols. Firenze, 1977. Vol. I.
- Xin Zhu. Vivere civile: ordres, armes et religion chez Machiavel. Philosophie. Université de Lyon, 2018.

ПО ВОЛНЕ ПАМЯТИ

«Когда защищу диссертацию, тогда и начну действовать твердо»: первые полгода в Константинополе ученого секретаря РАИК Б.В. Фарма- ковского в письмах родителям

Н.С. Гусев

В данной публикации рассматриваются письма известного археолога и историка искусства Б.В. Фармаковского, отправленные им родителям в первые полгода его пребывания в должности ученого секретаря Русского археологического института в Константинополе. Они дают возможность осветить нравы и порядки РАИК, фигуру его директора Ф.И. Успенского, описания Константинополя и его жителей глазами русского ученого. Особый интерес вызывают интонации и оценки Б.В. Фармаковского, поскольку являют собой прекрасный образец настроений молодого ученого, попавшего в среду, которую он считает неверно организованной, а также хорошо иллюстрируют личность одного из основоположников российской античной археологии.

Борис Владимирович Фармаковский – личность значительная для отечественных археологии и искусствоведения. Три важнейшие на постсоветском пространстве школы античной археологии восходят к экспедиции Б.В. Фармаковского в Ольвии; он стоял у истоков передовой на тот момент методики раскопок и последующей публикации античных городов Северного Причерноморья⁴⁴⁸. Борис Владимирович вел большую научно-организационную работу, в 1906–1919 гг. будучи ученым секретарем Русского археологического общества, а в 1921–1928 гг. занимая аналогичную должность в ГАИМК (будущем Институте археологии), к созданию которого приложил немало усилий. Вклад Б.В. Фармаковского в изучение греческих и египетских древностей, в том числе и античной вазописи, также сложно переоценить⁴⁴⁹. Однако в данной публикации хотелось бы обратиться к

⁴⁴⁸ Кошеленко 2004: 269.

⁴⁴⁹ Кругликова 1970.

тому периоду жизни, когда он уже получил определенную известность как археолог, но находился лишь на начальном этапе своего научного пути – его работе ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе.

Б.В. Фармаковский родился в 1870 г. в Вятке в семье педагога В.И. Фармаковского. Тот в 1877 г. получил должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии, куда вместе с женой и детьми переехал. Там завязалась дружба с семьей директора народных училищ И.Н. Ульяновым, и между Б.В. Фармаковским и В.И. Ульяновым (в будущем – Лениным) возникли теплые товарищеские отношения. Однако через несколько лет В.И. Фармаковский получил назначение в Оренбургскую, а затем и Херсонскую губернии. Несмотря на расстояние, между семьями будущего археолога и будущего основателя советского государства сохранялась дружба, но уже по переписке⁴⁵⁰.

Б.В. Фармаковский в 1887 г. поступил в Новороссийский университет, где увлекся античной историей, и в 1890 г. отправился за свой счет в поездку в Афины. В ходе ее он впервые посетил Константинополь, который на него произвел двоякое впечатление. «Вид Константинополя великолепен: положительно будто видишь не действительность, а волшебную панораму», – восхищался он, но признавал, что в самом городе «на каждом шагу видишь запустение, небрежность»⁴⁵¹. Аналогично город видели и другие путешественники – издалека пейзаж напоминал им иллюстрации к сказкам «Тысячи и одной ночи», а вблизи они отмечали: «Рай превратился в клоаку»⁴⁵².

По завершению университета в 1892 г. Б.В. Фармаковский был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1894 г. он вновь отправился в командировку за границу. Большую часть ее он провел в Афинах, поскольку главным источником его дохода было занятие репетиторством с сыном русского посланника⁴⁵³. За три года он посетил музеи, раскопки,

⁴⁵⁰ Фармаковская 1988: 19–21.

⁴⁵¹ Фармаковская: 30.

⁴⁵² Езерник 2007: 243.

⁴⁵³ Кошеленко 2004: 272.

археологические памятники в различных районах античного мира, работал в библиотеках Французского и Германского институтов в Афинах. Там же он завязал тесное знакомство со светилами античной археологии тех лет, в том числе с немецкими археологами В. Дёрпфельдом, П. Вольтерсом, французским Т. Оммолем, английским С. Смитом.

В 1896 г. Б.В. Фармаковского избрали членом Русского археологического общества, он вернулся в Петербург и получил предложение возглавить раскопки некрополя Ольвии. Это было фактическим признанием его зрелости как ученого⁴⁵⁴. Результаты работы были высоко оценены в научном сообществе, и в том же году Борис Владимирович отправился в новое путешествие – он посетил Германию, Францию, Англию, Италию и вернулся в Россию в 1897 г. Однако его ожидания предложения работы в Петербурге оказались тщетными, и когда в начале 1898 г. он получил предложение стать ученым секретарем РАИК, то с радостью его принял⁴⁵⁵.

В 1897 г. первый ученый секретарь РАИК П.Д. Погодин получил назначение на должность директора Александровской гимназии в Ревеле (ныне – Таллине)⁴⁵⁶, и его место в Константинополе стало вакантным. На него помимо Б.В. Фармаковского претендовали также Г.Ф. Церетели, Е.М. Придик, О.Ф. Вульф. Директор РАИК Ф.И. Успенский признавал, что хотел бы видеть на этом посту Я.И. Смирнова⁴⁵⁷, который, однако отказал, и выбор пал на Бориса Владимировича.

Б.В. Фармаковский о планах создания РАИК знал еще до его официального открытия и смотрел на них со скепсисом. В 1894 г. в письме родителям он сравнивал положение европейских и российских ученых далеко не в пользу последних и заключал: «Видно, что наука у нас – что-то загнанное, жалкое». И, как он сообщал, по слухам, деятельность РАИК начнется «не с науки, а с полицейского следствия» – будут проверять взгляды

⁴⁵⁴ Фармаковская 1988: 38–66.

⁴⁵⁵ Фармаковская: 91.

⁴⁵⁶ Басаргина 1999: 92.

⁴⁵⁷ Басаргина 1999: 88.

командированных, и «институт на первых же порах своей деятельности произведет давление на науку и не будет способствовать успеху русской науки»⁴⁵⁸.

О себе же к тому моменту он небезосновательно был довольно высокого мнения. В 1895 г. Борис Владимирович писал родителям из Афин: «Мои здешние успехи и слава о моих знаниях растут»⁴⁵⁹. В то время он вращался в кругу мировых «звезд» античной археологии, выступал перед ними и пользовался заслуженным уважением. Потому, очевидно, прибывая в Константинополь, он исходил из того, что является уже вполне состоявшимся ученым.

Неудивителен потому его максимализм и желание «направить институт на путь истины», поскольку он явно считал дело организованным неверно. Справедливости ради отметим, что Борису Владимировичу было с чем сравнивать – во время командировки в Афинах он много работал в тамошних Германском и Французском археологических институтах, чей передовой опыт очевидно намеревался перенести в РАИК. Тем не менее, поначалу он опасался проявлять инициативу, о чем писал родителям, «в виду исключительности своего положения». Оно заключалось в том, что, согласно уставу РАИК, должность мог занимать только магистр или доктор по историко-филологическим наукам, а Б.В. Фармаковский только готовился к защите магистерской диссертации. Впрочем, из шести ученых секретарей РАИК только Ф.И. Шмит и Б.А. Панченко при утверждении на должность имели требуемую степень⁴⁶⁰.

Искренний энтузиазм молодого ученого, который проследживается в письмах Бориса Владимировича, подкупает. Он, как это свойственно молодости, был уверен в том, что именно он знает, как правильно обустроить дело, и при этом собирался осуществить свои замыслы. В далеком Константинополе он собирался не «отбывать номер» за зарплату, а искренне приносить пользу делу науки. Однако, как показывает меняющийся тон его писем, Б.В. Фармаковский со временем начинает понимать ситу-

⁴⁵⁸ Фармаковская 1988: 45.

⁴⁵⁹ Фармаковская: 60.

⁴⁶⁰ Басаргина 1999: 88.

ацию и несколько иначе смотреть как на порядки РАИК, так и на его директора, к которому уже проявляет и почтение, что хорошо выражено в письме от 15 октября. По мнению биографа археолога Т.И. Фармаковской, «присущий Борису Владимировичу такт, его добросовестность, научная эрудиция» были причиной того, что Ф.И. Успенский стал воспринимать молодого ученого как коллегу⁴⁶¹. Однако, представляется, что это может объясняться и изменением отношения к директору РАИК со стороны самого молодого археолога, в результате чего они смогли сблизиться.

Б.В. Фармаковскому явно удавалось внести изменения в работу в РАИК в том направлении, которое считал верным. Так, поначалу он жаловался на скупость Ф.И. Успенского при приобретении книг для библиотеки РАИК, а уже в 1899 г. радостно сообщил матери, что «выписал нынче книг на несколько тысяч, русских и иностранных»⁴⁶², и в конце 1900 г. с гордостью писал о состоянии библиотеки⁴⁶³. При этом, отметим, что и в вопросе библиотеки Б.В. Фармаковский явно исходил из того, что он лучше понимает, как ее устроить. В письмах от 1 апреля и 17 мая он жаловался на подбор книг, а в письме от 1 июля указывает, что их было 15 тысяч томов, таким образом фонды явно не были скудными. Посетивший РАИК в том же 1898 г. крупнейший специалист по византийскому искусству Н.П. Кондаков отметил, что «библиотека в институте прекрасная, жаль только, что заниматься в ней некому», высокую оценку ей давал филолог-классик С.А. Жебелев, и очевидцы отмечали усердную заботу Ф.И. Успенского о составе ее фондов⁴⁶⁴. Таким образом, в мнении Бориса Владимировича о библиотеке заметны признаки уверенности молодого ученого в правоте собственных представлений о том, как должна быть устроена библиотека подобного учреждения.

⁴⁶¹ Фармаковская: 92.

⁴⁶² Фармаковская: 98.

⁴⁶³ Фармаковская: 105.

⁴⁶⁴ Басаргина 1999: 64–65.

В итоге для Б.В. Фармаковского пребывание в столице Османской империи сложилось удачно. Среди его научных успехов тех лет стоит отметить, что в 1898 и 1899 гг. он провел близ с. Патели в Македонии раскопки могильника раннего железного века, на Константинопольском базаре обнаружил византийскую рукопись XII в., за работу о которой получил Серебряную медаль Русского археологического общества. Круг научных интересов героя настоящей публикации расширился, но все его становление как ученого пришлось на предыдущие годы. Время в Константинополе было периодом его становления как организатора науки, и приобретенные навыки затем немало помогли ему.

В 1900 г. Борис Владимирович получил предложение перейти на работу в Археологическую комиссию Академии наук, которое принял после некоторых сомнений. «Всегда неприятно уезжать из города, где привык жить и долго жил. Но в общем я рад оставить К[онстантинопо]ль, который представляет некультурный вертеп», – писал он близким⁴⁶⁵. Вернувшись в Россию, Б.В. Фармаковский возглавил Ольвийскую экспедицию, в 1902 г. защитил магистерскую диссертацию и очень быстро добился широкого признания в мире историков и археологов, воплотившегося в том числе и в избрании в 1914 г. членом–корреспондентом Академии наук. Но это уже был путь взрослого самостоятельно ученого, существенно отличающегося от того Бориса Владимировича Фармаковского, который весной 1898 г. приехал в Константинополь.

Письма представляют особый интерес не только с точки зрения истории РАИК, а как образец восприятия молодым, но уже успевшим заявить о себе в научном мире, ученым своего пребывания на краю Европы – в Константинополе, а также и самого Константинополя русским очевидцем, который, во–первых, не беглым туристическим взглядом оглядел город, а прожил достаточно, чтобы узнать его; и, во–вторых, находился в иных обстоятельствах, нежели вскоре прибывшие русские эмигранты, изначально ненавидевшие свое вынужденное пребывание на берегах Босфора.

Оригиналы публикуемых писем хранятся в личном фонде Б.В. Фармаковского в Российском государственном историче-

⁴⁶⁵ Фармаковская 1988: 106.

ском архиве в несброшюрованном виде (РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 355. Л. 32–50), текст приведен в соответствие с современными правилами орфографии, сокращения расшифровываются в квадратных скобках. В последнем приводимом письме явно утрачен последний лист или листы, поскольку отсутствует формула прощания.

Царьград, 1 апреля 1898.

Дорогие папа и мама!

Христо воскрес! Время так летит быстро, что вот уже 3 недели, как я на месте новой службы. Я уже Вам писал о 1-ых впечатлениях. Служба легкая. Но, к сожалению, в моих глазах институт поставлен плохо: не делается самого главного, т.е. изучения страны. Б[ольшую]ч[асть] времени занимает канцелярия и прием проездных посетителей. По мнению Успенского надо быть в стенах Института от 10 до 4 ч[асов]. При таком положении ни посещать музей, ни вообще изучать памятники нельзя. Насчет библиотеки тоже у нас плохо: даже по византийскому искусству массы основных вещей нет. Несколько раз я просил У[спенского] выписать то или другое сочинение. Он всегда ссылался на то, что им уже помечены книги, к[отор]ые надо выписать. Кажется, он руководится особенно дешевизной при покупке: накупил разного старья в П[етер]Б[урге]: сочинения о Балтийском море и т.п. К чему это нам? Единственное снование для покупки было то, что эта и подобные книги дешево продают к случаю в П[етер]Б[урге].

У[спенск]ий вообще человек, у кого 7 пятниц на неделе. Поэтому с бумагами бывают часто недоразумения, и всегда потеря времени. Напр[имер], просит он целому ряду лиц отправить тома наших «Известий». Пишется препроводительная бумага, запечатывается и т.д. Вдруг он говорит: «А знаете, не стоит им посылать». Из-за этого все пропадает даром, происходит путаница в номерах, приходится переписывать! И вот на это тратится все утро! Если будет идти все так, как шло до сих пор, то Институт все будет выпускать такие же слабые работы, как 1ые два тома его «Известий». Я стараюсь убеждать Успенского, что у нас слишком много времени идет даром, и настоящее дело стоит, но он, как книжный и кабинетный ученый, не понимает всей важности постоянного осмотра и изучения памятников на месте.

Вообще он не археолог. Оттого и библиотека у нас не археологическая.

Любопытно дело о раскопках. У[спенск]ий говорил мне еще в П[етер]Б[урге], что институт изучал Никомедию, что теоретически все сделано; надо там только копать. Теперь я познакомился с тем, что сделано; и д. работы Погодина⁴⁶⁶ о Никомидии⁴⁶⁷ можно было написать не хуже его, сидя в П[етер]Б[урге]! Кроме того, У[спенск]ий теперь сказал мне, что в Никомидии копать не будем, а будем в К[онстантинопо]ле. Я уверен, что и это опять он передумает!

Надеюсь, как-нибудь удастся направить институт на путь истины. Прекрасно было бы, если бы «Известия» кто-нибудь из археологов разобрал по достоинству! Сравнивая наши известия с известиями иностранных институтов, просто краснеешь!

В силу изложенного пребывание в К[онстантинопо]ле очень опасно: можно совсем отстать от науки! Я, впрочем, знал многое и раньше, но надеялся, что, м[ожет] б[ыть], я смогу как-нибудь содействовать лучшему направлению института. Теперь вижу, как это трудно. У[спенск]ий желает во всем иметь инициативу, и, т.к. человек он упрямый, то действовать с ним трудно. Я решил пока ничего не выставлять настойчиво и всецело подчиняться существующему режиму. Когда защищу диссертацию, тогда и начну действовать твердо. Теперь, в виду исключительности своего положения, я должен подчиняться начальству; иначе ладить трудно!

До сих пор не решен вопрос о квартире. Я нанял квартиру. Плачу за нее 4 лиры турецких в месяц, т.е. ок[оло] 40 р[ублей]. У[спенск]ий говорит: «4 л[иры] для Вас хорошо, т.к. всего Вы получаете столько-то в месяц» и т.д. Ни слова о том, что квартира мне полагается, и если ее нет, то я должен получать квартирные! Рассуждать о сем неловко т.к. я 2 недели у У[спенско]го жил. Вообще квартирный вопрос здесь весьма трудный. В квартире тесно; книги поставить негде; нет полок; нет письменного стола. Кроме того, высокая опасность пожара и т.д. и т.д. Служба требует постоянного присутствия в институте, т.е. надо б[ольшую] ч[асть] времени быть вне дома.

⁴⁶⁶ Погодин Петр Дмитриевич

⁴⁶⁷ Погодин П.Д., Вульф О.Ф. 1897.

Отдельно по ресторанам дороговизна страшная. Завтрак стоит ок[оло] 1 р[убля], обед ок[оло] 2р[ублей]. на наши деньги.

Расходов - масса: платье, обзаведение и т.д. Между тем по факту 1-вые 3 месяца я получаю жалование по своей предшествующей должности. Жду с нетерпением пособия. А то просто беда: масса безотлагательных расходов, между тем приходится ждать пособия. Вообще пока я совсем не устроился. А устраиваться здесь так трудно из-за дороговизны и восточного неудобства в квартирах, [так] что часто бываю в прескверном настроении духа.

Познакомился с дипло[ма]тами. Посол⁴⁶⁸ - неразговорчивый и мало представительный. Нелидов⁴⁶⁹ был куда лучше! Меня пре[д]ставлял У[спенск]ий. Почему-то он начал разговор о картах. Посол в карты не играет, а У[спенск]ий - страстный картежник. У[спенск]ий говорит, что в К[онстантинопо]ле единственная утеха - карты. Посол замечает, что ему это кажется весьма странным и т.д. У[спенск]ий говорит, что [нрзб] старикам легче, но молодым надо играть. Посол замечает, что, пожалуй, старикам карты еще извинительны, но молодым они совсем не к лицу. Из таких речей усматриваю, что отношения у посла и У[спенс]кого не особенно важные.

Прочие дипломаты произвели на меня наилучшее впечатление: много интеллигентных, умных и симпатичных людей. Даже и девицы дипломатического корпуса - весьма интересны и любезны. Но довольно о Константинополе! <Несколько страниц о жизни в Одессе>.

Здесь - роскошная, чудная весенняя погода. Иногда перепадают дожди.

Чудная природа служит здесь, впрочем, почти единственным успокоением. Никаких развлечений нет. И то, что есть, крайне грубо (шантаны, кафе). Надеюсь, что вторым успокоением будет для меня наука.

Темой 2-й своей диссертации я беру византийское искусство.

⁴⁶⁸ Зиновьев Иван Алексеевич – российский посол в Константинополе с 1897 по 1909 гг.

⁴⁶⁹ Нелидов Александр Иванович – российский дипломат, посол в Константинополе с 1883 по 1897 гг.

Кланяйтесь Володе⁴⁷⁰. Скажите, чтобы он писал.
Ваш Борис.

Царьград, 17 мая 1898.

Дорогие папа и мама.

Я очень виноват, что долго не писал. Но здешняя жизнь складывается у меня так, что и времени абсолютно нет, и настроение, когда выдается свободная минута, не такое, чтобы писать письма. Все жду, что авось-либо будет все лучше, но пока тщетно. Неприятнее всего то, что до сих пор приходится сидеть без денег. Первые 3 месяца я получал нрзб свое прежнее жалование. Этого хватает здесь на 2 недели и то, если обедать в таких ресторанах, в которые люди общества здесь не входят. Не могу завести приличного платья, сделать полки для книг и т.п. Все, что можно заложено. Уже этого одного, думаю, довольно, чтобы иметь плохое настроение. Теперь, на первых порах, когда со всеми здесь впервые знакомишься, это чрезвычайно невыгодно. Мне просто и нельзя, да и не хочется бывать в обществе.

Затем печалит состояние института. Я рассчитывал здесь иметь научную деятельность. Этого нет. Пишу бумаги, каталоги библиотеки, расставляю книги (все это - грехи Погодина!); на это уходит время от 10 до 4 [часов]!

Рассчитывал недели через 2 отыскать рукопись диссертации. До сих пор этого невозможно было сделать!

Библиотека вся рассчитана для специальных занятий по истории. По археологии ничего нет и, кажется, не будет. Пользоваться библиотекой оттоманского музея, на к[отор]ую Успенский ссылается, нельзя, т.к. она открыта от 10 до 4 [часов]. Мне пришлось на свои деньги выписать несколько книг, к[отор]ые в П[етер]Б[урге] есть в каждой библиотеке и к[отор]ые крайне нужны всегда археологу.

Рассчитывал знакомиться с памятниками К[онстантинопо]ля. Этого нельзя сделать, т.к. свободно мое вос-

⁴⁷⁰ Брат Б.В. Фармаковского Владимир Владимирович (1880–1954) – русский конструктор и инженер–механик, профессор Киевского политехнического института и Белградского университета, член Сербской академии наук, член Императорского Православного Палестинского Общества.

кресенье, когда б[ольшая] ч[асть] достопримечательностей закрыта (напр., музей).

Успенский жалуется, что университеты не присылают к нам никого для занятий. Мне думается, им известны наши порядки, и этим объясняется, почему командированных отклоняют от К[онстантинопо]ля. Если дело все время будет идти так, как теперь, то, спрашивается, разве я буду когда-нибудь в состоянии кому-нибудь давать руководство в К[онстантинопо]ле, т.е. то, что именно по уставу прежде всего требуется?

Отношения с У[спенски]м - наилучшие. Своих взглядов не выражаю. М[ада]ме У[спенск]ая относится особенно радушно и симпатично. У него, правда, семь пятниц на неделе, но всем руководит жена. Впрочем, и с ним самим ладить вполне можно, так как человек он в общем хороший.

У нас очень жарко. Всегда солнце. Был здесь Кондаков⁴⁷¹. Страшно ругал в посольстве институт. Посольские это сейчас же доложили Успенскому. При встрече с У[спенск]ким Кондаков не обменялся с ним ни одним словом.

Вы видите жизнь здесь не важная - от многих П[етер]Б[ургских] профессоров получаю письма: они жалеют, что я уехал из П[етер]Б[урга], хотя я им не писал ничего такого, что пишу Вам.

Академия наук обратилась ко мне с просьбой сверить здесь одну рукопись. У[спенск]ий же говорит, что мое время принадлежит не академии, а институту. Я еще не ответил Академии. Как ответить? Кажется, институт обязан сделать это для академии?!

Как экзамены Володи? Буду писать Вам, когда будет лучше.
Ваш Борис

Царьград, 1 июля 1898.

Дорогая мама.

Итак, можно поздравить Вас с папой и молодых? Ты мне пишешь, что свадьба предполагается 29 июня. Я поэтому вовремя и не мог послать поздравление, ожидая все более точные сведения.

⁴⁷¹ Кондаков Никодим Павлович – русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог, Академик Императорской академии наук и Императорской академии художеств.

У меня все благополучно. Работы страшно много. Просто разрываюсь на части. Главное дело - печатание своей диссертации и редактирование «Известий» нашего института, где, м[ежду] проч[им], будут 2 статьи на франц[узском] яз[ыке].

Очень рад, что у Вас все хорошо.

Поздравь от меня с окончанием курса Володю. Как его планы?

Музыка у меня процветает. Здесь единственное развлечение это - собственная музыка. Играют и классиков, и Вагнера, кого, кон[ечно], причисляют к классикам. Завидую Вам относительно Павловска, хотя, впрочем, завидую и вообще всем петербуржцам. Здесь совершенное варварство. Все здешние народы не выдерживают критики. Турки - солидны, симпатичны, но дики: из-за религии никакой прогресс у них невозможен. Армяне - «армяне»: их имя синоним некультурного и гадкого народа. Греки - выродившийся народ, без будущего. Иностранцы б[ольшей] ч[астью] прощелыги, явившиеся сюда для наживы на короткий срок.

Исключение - католические монахи разных орденов. Они часто у нас работают в библиотеке. Я с ними в большой дружбе, особ[енно] с Frères de l'Assomption⁴⁷², между которыми есть настоящие ученые. У них бываю по праздникам в монастыре, где самая очаровательная природа (на берегу М[алой] Азии, в виде Принцевых островов). Второе исключение - артисты итальянской оперы. С ними я тоже знаком и обыкновенно завтракаю в ресторане в их комнате: это необыкновенно веселый и общительный народ, но артисты ведут себя довольно свободно.

У нас не особенно жарко. Но купаться начинают только теперь. И я думаю ездить купаться на мало-азиатский берег, где купаться особенно хорошо и целебно (в Мрам[орном] море).

У нас предстоит переезд на другую квартиру. Это будет ужасная история, т.к. в библиотеке у нас 15 тысяч томов! На новой квартире будет казенное помещение и у меня: 3 сносных комнаты. Когда устроюсь, м[ожет] б[ыть], кто-нибудь соберется сюда на октябрь ко мне? Октябрь здесь наилучшее время.

Кланяюсь весьма

Твой Борис.

⁴⁷² Ассумпционисты, Августинцы Успения Пресвятой Богородицы – католическая монашеская конгрегация, близкая к августинцам.

Царьград, 11 июля 1898.

Дорогой папа.

Поздравляю тебя с днем Ангела и желаю всего лучшего. Уже целый месяц, как я исполняю должность Успенского, к[отор]ый находится в экскурсии в Македонии. На днях, вероятно, приедет. Без него я много работал над библиотекой, в которой было вообще много беспорядку, благодаря продолжительному отсутствию секретаря. Теперь все более или менее приведено в порядок. Редактирую печатающийся III том Известий Института. Печатаем в Софии. Таблицы сделаны в Берлине. Издание, по-видимому, будет лучше, чем до сих пор, когда печатали в Одессе.

Отправил в печать введение в свою работу (диссертацию). Привожу теперь в порядок к отправлению 1-ую главу. Корректуры пока еще не получил. Предпринимаю много экскурсий по Стамбулу и окрестностям. У нас не жарко и бывают дожди. Вообще лето в К[онстантинопо]ле превосходное.

По-прежнему вижусь часто с художниками нашей академии.

Был на балу у Зиновьева в Буюк-Дере⁴⁷³. Было очень интересно. Были на балу и иностранные дипломаты, что здесь случается вообще не часто. Наше посольство почему-то себя держит несколько особняком от других.

М[ада]ме Успенская уехала в Одессу на свадьбу своего брата, к[отор]ый женится на баронессе Маас (дочери банкира) и берет за ней солидную сумму денег.

У нас предстоит перемена квартиры института. Дело будет очень хлопотливое.

Что у Вас нового?

Кому сочувствуете Америке или Испании⁴⁷⁴? Я сочувствую американцам.

⁴⁷³ В квартале Буюкдере располагалось первое здание российского посольства в Константинополе, с середины XIX в. оно использовалось как загородная посольская резиденция.

⁴⁷⁴ Имеется в виду испано-американская война (23 апреля — 12 августа 1898 года).

Ко мне приезжал один из П[етер]б[ург]ских коллег (учитель) и останавливался у меня. Теперь он поехал в Афины, куда я дал ему рекоменд[ательные] письма.

Кланяюсь весьма
Твой Борис.

Царьград, 18 июля 1898.

Дорогой папа.

Возвратился, наконец, Успенский, и я сдал ему должность. Рассказы о Македонии поразительны: в стране абсолютно нет правительства; все области разделены и управляются разбойниками, к[отор]ые собирают дань с населения и защищают от других разбойников; быт - средневековый, феодальный; страшная грубость нравов, положительное отсутствие культуры; при огромном богатстве очаровательной страны с природой Швейцарии - нищенство такое, что одно время У[спенско]му пришлось питаться лишь хлебом! Научные результаты поездки очень интересны: найдена славянская надпись X века - unicum языка свв. Кирилла и Мефодия и т.д.

Несмотря на крайние трудности путешествия, У[спенск]ий поправился.

Пожалуйста, справься в Министерстве по следующему делу. Мы получили бумагу (от 18 июня за № 15650), подписанную юрисконсультom Мамбутовым и делопроизводителем Беллевым: спрашивают, как велика общая сумма недоимок. Но каких? Ни Успенский, ни я ничего не понимаем, чего от нас хотят. Никаких недоимок у нас нет.

Как поживаете?

У нас не особенно жарко. Изумительное купание (хотя пользуюсь редко: далеко! в М[алой] Азии, в Мраморном море; в Босфоре всегда очень холодно, не больше 15-16°), чудные фрукты.

Меняем дом; готовимся к сентябрю делать раскопки около Салоник.

Поклоны всем.
Твой Борис.

Константинополь, 9 сентября 1898.

Дорогая мама.

Я очень виноват, что так долго не писал, но причиной тому - жизнь в К[онстантинопо]ле. Если бы ты побывала здесь, то это поняла бы хорошо. Время располагается у меня так, что прямо недоуспеваем: часто прямо не остается ни единой минуты. Работа у меня все такая, что требует крайнего внимания и большого напряжения зрения. Когда выдается час свободный, то или спешишь спать, или тебя кто-нибудь задерживает, или глаза устают настолько, что отлагаешь писание писем.

Кроме громадного количества дел в Институте, у меня теперь печатается диссертация. Над последним делом могу сидеть только по ночам. Кроме того, научная работа всегда поглощает всего человека: не думаем ни о чем, кроме своей работы. В праздники, конечно, свободы больше, но они у меня назначены на экскурсии для изучения К[онстантинопо]ля и окрестностей. Обыкновенно экскурсия занимает весь день.

Ты понимаешь, м[ожет] б[ыть], теперь, как легко в такой сутолоке откладывать писание писем в долгий ящик. Когда кончу с диссертацией, все будет идти лучше. Теперь же весьма легко может случиться опять долгое молчание: мне мало 24 часов в сутки!

Кроме диссертации написал статью для III тома Известий нашего Института (в 90 листиков). Это потребовало тоже не мало времени. Вообще в отношении писем мы не в равных условиях; вспомни, я страдаю нрзб.

К[онстантинопо]ль начинаю знать хорошо. Знаю немного и по-турецки.

У нас опять, говорят, не спокойно. На Крите резня⁴⁷⁵. Посол не нашел возможности отпустить на Крит отсюда нашу канонерку, и туда пойдет другая через Черное море. Перебираемся на новую квартиру. В новом помещении и у меня будет 3 комнаты. Теперь пока все еще живу на частной квартире. Пошлю завтра Вам оттиски своих статей.

Много принялся бывать у турок в Стамбуле: очень интересно, но варварство - полное. Один турок, напр[имер], запросил за право снять развалины в его саду 100 тур[ецких] лир (ок[оло] 1000 р[ублей]) и согласился взять в конце концов 1 лиру. Он замечательный тип: адвокат, но у себя по кварталу ходит босый;

⁴⁷⁵ Видимо, имеются в виду события января 1897 г.

напевает как ребенок. Расскажу, при случае больше. Володю поздравляю. Скоро ему напишу. Твой Борис.

P.S. Привет всем знакомым

P.S. (поперек Л. 44) Хотя я успокоился в Константинополе, но мое глубокое убеждение, что здешняя жизнь всякого должна губить. Вся варварская обстановка способствует одичанию. В цивилизованных городах видишь выставки, слушаешь музыку. Здесь этого ничего нет: и это не может не отражаться. Начинаешь, как и другие, ходить в кафе-шантаны, и не возмущаешься ими. Мои молодые коллеги (секретари посольства) все предаются восточным удовольствиям - падение полное!

P.S. (Л. 45 вверх ногами) На счет здоровья моего не беспокойся: если заболеешь здесь, то у нас есть чудная русская больница; вообще без тщательного ухода не останешься. Климат здесь - превосходный. Нигде я не видал лучшего лета, чем здесь. И теперь у нас великолепное время. А какие здесь фрукты, виноград! Вообще природа здесь - очарование.

Константинополь, 15 сентября 1898

Я уже писал маме и объяснял, почему часто выходит, что от меня нет писем. Я завален делом: масса занятий в Институте и, кроме того, печатание диссертации. Последнее - вещь ужасно утомительная и требующая напряжения всех сил и внимания.

Затем много раз я Вам писал, что я чувствую себя здесь погибающим. Хорошая материальная обстановка, конечно, не может удовлетворить. Но отсутствие общества, кое было бы по душе, угнетает. Правда, много интересного дела., но надо мне и поговорить с кем-нибудь о деле. Беседуем с Успенским. Но ведь он сильно отличается от меня годами, а во-вторых, он начальник.

Бывают у нас интересные путешественники, но это все народ проходящий мимо и остающийся у нас на день, два. Прочая компания так сильно отличается от академической и педагогической среды, что сойтись с ней близко нельзя. Иностранного общества - интеллигентного здесь нет: все купцы и прочие эксплуататоры Турции. Местные греки и армяне крайне антипатичны и, кроме денежных интересов, мало чем интересуются. Их идеалы политические - чистая химера, и они подобны детям, мечтающим быть фельдмаршалами, с тою, впрочем, разницей, что дети могут надеяться на исполнение своих мечтаний, а греки и

армяне, как выродившиеся народы, обречены на то, же, что представляют из себя теперь евреи, т.е. на рассеяние по всему миру, потерю национальности и на превращение в паразитов.

У нас было печальное событие: прибыл сюда проф. Красносельцев⁴⁷⁶ и через 4 дня умер, простудившись на пароходе в Черном море (был болен воспалением легких). Мы с Успенским его хоронили. Смерть Кр[асносельцева] - потеря и для русской науки, и для Одесск[ого] универс[итета]⁴⁷⁷. Он высоко держал знамя науки, работал все время, направления был серьезного, и потому публика его не знала. Работал все время, рассчитывал позаняться в К[онстантинопо]ле, но увы...

Как относятся к русскому разоружению⁴⁷⁸ за границей, вы можете видеть в газетах: все сочувствуют, но все правильно говорят, что это вещь не возможная. Наша союзница Франция противится разоружению больше других. Французы не безосновательно упрекают нас в притворстве и коварстве. Наши действия - азиатские, как и у Турции. Но хорошо, что мы теперь лучше, чем прежде, блюдем свои интересы.

Поклоны всем

Твой Борис.

(Почтовая карточка)

Дорогие папа и мама! Эту неделю мы перебирались в новое помещение. Все перевезено, проверяю библиотеку и Музей Института. На днях Усп[енский] п[ое]дет на выставку в Македонию, куда затем по[ед]у и я. У меня все благополучно. Скоро и перееду на житье в новое помещение Института. У нас сегодня

⁴⁷⁶ Красносельцев Николай Фомич – российский историк церкви, литургист и археолог, профессор Новороссийского университета.

⁴⁷⁷ Новороссийский университет находился в Одессе.

⁴⁷⁸ 12 (24) августа 1898 г. министр иностранных дел России по повелению императора Николая II обратился к представителям держав с нотой, содержащей предложение созвать конференцию по вопросу о разоружении. I Гагская конференция продолжалась с 18 мая по 29 июля 1899 г. и увенчалась подписанием ряда конвенций и деклараций, включивших создание в Гааге международной Постоянной палаты третейского суда, которая действует и сегодня в одном здании с Международным судом ООН.

целый день дождь, но еще тепло по-летнему. Ждем Вильгельма⁴⁷⁹. Корректирую все диссертацию. Поклон Володе. Ваш Борис. Константинополь, 27 сентября 1898

Константинополь, 15 октября 1898

Дорогой папа.

Получил я твое письмо, в ком ты, между прочим, предполагаешь, что причина моего нехорошего настроения в К-ле - отношения с Успенским. Я спешу ответить на это, что отношения мои с ним наилучшие, равно как и с м-ме Успенской, и со всеми дипломатами. Успенский способен быть грубым, но всегда он бывает движим хорошими чувствами и всегда (по крайней мере, до сих пор) был справедлив. Недостаток его, это он любит сплетни. Так про Павловского⁴⁸⁰ он рассказывал вещи, крайне не хорошие. Но мне удалось как раз в данном случае установить истину, защитив Павловского, и У[спенск]ий оставил свое мнение.

У[спенск]ий относится ко мне совершенно как к коллеге, а не как к подчиненному. Часто он страдает желудком и бывает в скверном настроении. Тут бывают иногда истории с супругой у него. Последняя, впрочем, при всей своей очаровательности для других, видимо, отравила всю жизнь У[спенско]му. Кондаков про нее выражался (кажется, верно), что он самому Вельзевулу не пожелал бы такой супруги. Я бы сравнил m[ada]me Успенскую со сладким пирожным: изредка хорошо, а в большом количестве невозможно.

У[спенск]ий уехал на раскопки. В случае надобности вызовет и меня в Македонию телеграммой. Дел масса. Мы переехали в новое здание. И я живу уже в казенной квартире. Покупаю мебель и проч. Все страшно здесь дорого, но хорошо.

Много занимаюсь Византией, особ[енно], разумеется, византийским искусством: очень интересная и богатая область.

⁴⁷⁹ Имеется в виду визит германского императора Вильгельма в Константинополь, который он совершил в рамках путешествия в Палестину.

⁴⁸⁰ Павловский Алексей Андреевич – искусствовед, исследователь античной культуры, приват-доцент Санкт-Петербургского и профессор Новороссийского университета.

Диссертацию продолжаю печатать. Будет около 30 листов!

У нас была опера. Между прочим, ставили «Богэму» Пуччини. Это – гениальное произведение. Я слушал эту оперу 8 раз подряд. Если будет в П[етер]Б[урге], непременно пойдите! Роскошь мелодий, красота оркестровки, поэзия, масса чувства и драматургия. Исполнена опера у нас была весьма порядочно. Теперь кроме шантанов нет ничего.

Вильгельму немцы устраивали оvation; здешние же жители были равнодушны. Все, что пишутся о симпатии турок к немцам – фантазии немцев.

Библиография

- Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999 [Basargina E.YU. Russkii arkhelogicheskii institut v Konstantinopole: Ocherki istorii. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999.].
- Бобрик О.А. «Богема» Пуччини в России: 1897–2018 (по материалам семинаров к премьерам в Большом театре) // Искусство музыки: теория и история. 2019. № 20. С. 86–123 [Bobrik O.A. «Bogema» Puchchini v Rossii: 1897–2018 (po materialam seminarov k prem'eram v Bol'shom teatre) // Iskusstvo muzyki: teoriya i istoriya. 2019. № 20. S. 86–123].
- Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М.: Лингвистика, 2017 [Ezernik B. Dikaya Evropa. Balkany glazami zapadnykh puteshestvennikov. M.: Lingvistika, 2017].
- Кошеленко Г.А. Борис Владимирович Фармаковский: (1870–1928) // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3. М.: Наука. 2004. С. 269–285 [Koshelenko G.A. Boris Vladimirovich Farmakovskii: (1870–1928) // Portrety istorikov: Vremya i sud'by. T. 3. M.: Nauka. 2004. S. 269–285].
- Кругликова И.Т. К 100-летию со дня рождения Б.В. Фармаковского // Советская археология. 1970. № 1. С. 3–8 [Kruglikova I.T. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.V. Farmakovskogo // Sovetskaya arkhelogiya. 1970. № 1. S. 3–8].
- Милюков П.Н. Христианские древности Западной Македонии // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Т. IV. Вып. 1. София, 1899. С. 21–151

[Milyukov P.N. Khristianskie drevnosti Zapadnoi Makedonii // Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole. T. IV. Vyp. 1. Sofiya, 1899. S. 21–151].

Погодин П.Д., Вульф О.Ф. Никомидия: историко-археологический очерк // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. Вып. 2. Одесса, 1897. С. 77–184 [Pogodin P.D., Vul'f O.F. Nikomidiya: istoriko-arkheologicheskii ocherk // Izvestiya Russkogo Arkheologicheskogo Instituta v Konstantinopole. Vyp. 2. Odessa, 1897. S. 77–184].

Фармаковская Т.И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев; Одесса: Наукова думка, 1988 [Farmakovskaya T. I. Boris Vladimirovich Farmakovskii. Kiev; Odessa: Naukova dumka, 1988].

Научное издание

Mare Nostrum. Море нарративов

Выпуск 3.

Утверждено к печати

Институтом всеобщей истории РАН

Подписано в печать 31.07.2024.

Формат 60х84/16

Гарнитура Таймс Нью Роман

Объем – 16,75 усл. печ. л. Тираж – 500 экз.

(Первый завод 100 экз.)

Зак. № _____

ИВИ РАН

Москва, Ленинский проспект 32А